ЗАЩИТИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ СОВЕТСКИХ АДВОКАТОВ

МОСКВА

Московская городская коллегия адвокатов

ЗАЩИТИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ СОВЕТСКИХ АДВОКАТОВ

Под редакцией и с предисловием члена-корреспондента Академии наук СССР профессора М. С. СТРОГОВИЧА

ПРЕЗИДИУМ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ
КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ
1956

Составил и подготовил к печати член Московской коллегии адвокатов, кандидат юридических наук Э. С. Ривлин.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
6	13 сверху	повысит	повысить
16	9 снизу	также метод	такой метод
18	14 сверху	могут показаться	могут оказаться
74	6 сверху	Буканову	Буканова

Зак. 4. Защит. речи советских адвокатов.

СОДЕРЖАНИЕ

Член-корреспондент Академии наук СССР, профессор М. С. Строгович — *О защитнике и о защитительной речи* . 3

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов И. Д. Брауде в защиту В. Я. Абрамова 21

Речь члена Киевской коллегии адвокатов М. П. Городисского в защиту А. П. Новинской 39

Речь члена Ленинградской областной коллегии адвокатов Е. Б. Зайцева в защиту Л. Ю. Буканова 59

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов С. К. Казначеева в защиту А. З. Прахова 85

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов Я. М. Кульберга в защиту Н. А. Горбачева 101

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов А. М. Левина в защиту В. Яркова 119

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов Э. С. Ривлина в защиту Д. С. Грачева 131

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов В. Л. Россельса в защиту Ю. И. Багорова 165

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов В. Л. Россельса в защиту Семеновых Г. Б. и П. А.. . . . 193

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов К. Д. Чижова в защиту А. Г. Западинского 205

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов А. И. Юдина в защиту Г. А. Аверина 225

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов Л. М. Яхнича в защиту Геннадника и Гриневского 243

Профессор М. С. Строгович

О защитнике
и о защитительной речи

Участие адвоката в судебном разбирательстве уголовного дела является важной формой, действенным способом обеспечения обвиняемому права на защиту согласно статье 111 Конституции СССР.

В советском уголовном процессе роль защитника в разбирательстве дела судом очень важна и значительна.

Деятельность защитника представляет собой одно из ярких проявлений социалистического демократизма, проникающего все осуществление советского правосудия, одну из важных гарантий прав и законных интересов лица, привлеченного к судебной ответственности.

Участвуя в судебном разбирательстве дела, защитник направляет свою деятельность на установление обстоятельств, в какой-либо мере благоприятных для подсудимого, опровергающих обвинение или смягчающих ответственность подсудимого. Тем самым защитник содействует суду в устранении возможных ошибок, в правильном и всестороннем рассмотрении дела, в вынесении справедливого приговора.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза поставил перед всеми государственными и общественными организациями и учреждениями задачу всемерного укрепления законности и решительной борьбы с нарушениями законов и охраняемых ими прав советских граждан.

В выполнении этой задачи в области осуществления правосудия по уголовным делам важное значение имеет деятельность адвокатов, выступающих в суде в качестве защитников.

Можно с полным основанием утверждать, что значение защиты в советском уголовном процессе будет все более возрастать. Надо полагать, что получит положительное разрешение давно назревший вопрос о допущении защитника к участию в предварительном следствии и в производстве в порядке судебного надзора при пересмотре вступивших в законную силу приговоров.

Необходимо повысит качество судебных выступлений адвокатов, уровень проведения ими защиты.

В нашей юридической литературе вопросам защиты по уголовным делам до сих пор уделялось, внимание несоразмерно малое по сравнению с действительным значением защиты в осуществлении советского правосудия. Но и то, что по этим вопросам написано, не может быть признано вполне удовлетворительным и не всегда правильно ориентирует адвокатов в их практической деятельности. В некоторых работах главное внимание обращается на то, чтобы предотвратить всяческие «эксцессы» защиты, предостеречь защитника от применения недобросовестных и незаконных способов защиты, не допустить, чтобы защитник интересы своего подзащитного ставил выше интересов правосудия и т. п. Это, конечно, важно и нужно, так как защитник всегда должен действовать добросовестно и применять только законные способы защиты. Но не менее важно и нужно то, чтобы во всех случаях обеспечить реальную и решительную защиту, которая все сделает, что позволяет закон, для того, чтобы охранить права и интересы подсудимого, и которая будет решительно оспаривать необоснованное обвинение, критиковать слабые места обвинения, извлекая из дела все, что

может служить к оправданию подсудимого или к смягчению его ответственности.

Было бы глубокой ошибкой думать, что настойчивая, мужественная, решительная защита может вредить правосудию, ослаблять борьбу с преступлением. Если обвинение действительно обосновано, правильно, законно, оно выдержит борьбу с защитой. А если этого нет, защита поможет опровергнуть необоснованное обвинение,—и это послужит только на пользу правосудию, а не во вред ему.

Советские законы предоставляют органам уголовного преследования вполне достаточные полномочия для изобличения лиц, совершивших преступление. Эти лица должны нести по закону заслуженную ими ответственность. Но, прежде чем признать человека преступником и поступить с ним, как с преступником, необходимо сделать все, чтобы убедиться, что он действительно совершил преступление, и не допустить ошибки в вопросе о виновности лица, привлеченного к ответственности.

Советская законность требует, чтобы осуждению и наказанию подвергались только лица, действительно совершившие преступление, чтобы невиновные были ограждены от неосновательных обвинений, а виновные несли ответственность лишь в меру их действительной вины. И в осуществлении этой задачи советской законности и советского правосудия важная роль принадлежит советской защите.

В соответствии с принципом состязательности, которым определяется построение советского уголовного процесса, обвиняемый (подсудимый) при рассмотрении дела судом является стороной, процессуально равноправной стороне обвинения. Обвиняемому принадлежат широкие процессуальные права, используя которые, он может защищаться от предъявленного ему обвинения, оспаривать его перед судом, приводить

доводы и доказательства в свое оправдание или для смягчения своей ответственности. Крайне существенно право обвиняемого иметь в суде защитника, который является представителем законных интересов обвиняемого и содействует ему в осуществлении его процессуальных прав.

В советском уголовном процессе действует презумпция невиновности, состоящая в том, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке. С презумпцией невиновности связано и из нее вытекает правило, что бремя (обязанность) доказывания виновности обвиняемого лежит на обвинителе, а на обвиняемом не лежит обязанность доказывания своей невиновности, хотя такое право ему, безусловно, принадлежит. С презумпцией невиновности связано и из нее вытекает также правило, согласно которому всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого. Эти важные процессуальные положения служат той правовой базой, на которой развертывается деятельность защитника. Пока с полной несомненностью и достоверностью не доказана виновность обвиняемого (подсудимого) в совершении преступления, пока остается какое-либо сомнение в его виновности—суд не может вынести обвинительный приговор. Деятельность защитника способствует тому, чтобы все недостоверные, недоброкачественные доказательства были решительно исключены из оснований обвинения, чтобы все сомнительное, шаткое, гадательное было отброшено судом при постановлении приговора, чтобы решение суда основывалось только на абсолютно достоверных фактах и обстоятельствах.

Общеизвестно положение, что защитник-адвокат не может и не должен слепо следовать воле своего подзащитного и поддерживать его неосновательные объяснения, а должен определять линию своего поведения

так, как это соответствует задачам советской защиты. Это положение правильно, но оно вовсе не означает, что защитник может оставлять подсудимого без защиты, отягчать его положение, содействовать его осуждению и т. п., какими бы благовидными «предлогами» такая недостойная позиция защитника ни прикрывалась. Если защитник расходится с подсудимым в способах защиты, он это делает не для того, чтобы ослабить защиту, а для того, чтобы усилить ее, не для того, чтобы уступить обвинению, а для того, чтобы сделать позицию защиты более прочной. Защитник на суде нужен для того, чтобы защищать подсудимого, а не для чего-либо другого. Для того, чтобы изобличать подсудимого, выяснять отягчающие его вину обстоятельства, защитник не нужен, для этого есть обвинитель. Защитник, который защищает лишь формально, уклончиво, робко, как бы извиняясь, что он защищает, который упускает благоприятные для подсудимого обстоятельства, не спорит с обвинителем, а в какой-то мере даже содействует ему,—такой защитник никому не нужен: ни суду, ни правосудию, ни подсудимому.

Конечно, всех случаев в судебной практике предусмотреть нельзя. Защитнику приходится находить правильную линию защиты в каждом отдельном случае, исходя из особенностей каждого дела.

Но при всех условиях, если защитник не считает возможным поддерживать объяснения своего подзащитного, это не может и не должно означать в какой бы то ни было мере присоединения защитника к обвинению и не освобождает защитника от обязанности исчерпать все возможные средства для защиты подсудимого.

Крайне важным является участие защитника в судебном следствии.

Судебное следствие является основной частью судебного разбирательства по уголовным делам. На

судебном следствии происходит исследование всех фактических обстоятельств дела, проверка всех собранных по делу доказательств на началах устности, непосредственности и состязательности. Для правильного и успешного проведения судебного следствия требуется активное участие в нем сторон — обвинения и защиты. Это позволяет всесторонне исследовать обстоятельства дела под углом зрения как обвинения, так и защиты, выяснить и проверить с исчерпывающей полнотой все, что подтверждает обвинение, и все, что его опровергает, все, что отягчает ответственность подсудимого, и все, что смягчает его ответственность. При таком всестороннем и исчерпывающем выяснении обстоятельств дела суд получает возможность правильно разрешить дело, вынести справедливый приговор.

Во время судебного следствия защитник принимает участие в допросах подсудимого, свидетелей, экспертов, в проверке других доказательств с тем, чтобы выяснить все и не упустить ничего, что может содействовать защите подсудимого, свидетельствовать в его пользу.

Ошибочно думать, что главная роль защитника не в судебном следствии, а только в прениях сторон при произнесении защитительной речи. Защитительная речь действительно чрезвычайно важна, но она эффективна и успешна лишь тогда, когда опирается на детально и тщательно проведенное судебное следствие, на котором защитник сделал все, что можно было сделать для защиты подсудимого, выяснил все, что благоприятствует подсудимому. Только при этом условии защитительная речь будет иметь положительный результат. Поэтому была бы неправильной деятельность защитника, который во время судебного следствия держится пассивно, не участвует или мало участвует в допросах, в проверке доказательств, рассчитывая на свою предстоящую защитительную речь: от нее будет мало пользы, если во время судебного

следствия защитник не обеспечил для своей речи получения всех данных, возможных по обстоятельствам дела, в интересах защиты.

Аналогичное положение в юридической литературе неоднократно высказывалось в отношении обвинительной речи прокурора, но оно полностью применимо и к защитительной речи адвоката.

Для осуществления на суде защиты большое значение имеет допрос защитником подсудимого — своего подзащитного. Конечно, защитник не может задавать подсудимому вопросов, ответы на которые могут служить к уличению подсудимого или к отягчению его ответственности. Такие вопросы задает обвинитель, а не защитник. Защитник же задает подсудимому вопросы, направленные на установление обстоятельств, благоприятных для него. Показания подсудимого являются одним из доказательств по делу как в случае признания подсудимым своей вины, так и в случае ее отрицания.

Сущности и принципам советского уголовного процесса решительно противоречит отношение к сознанию обвиняемого, к признанию им своей вины, как к якобы лучшему доказательству, имеющему преимущество, перевес над другими доказательствами. Сознание обвиняемого (подсудимого) — это только рядовое, ординарное доказательство, которое должно быть проверено; оно может быть положено в основу обвинения лишь в том случае, если оно подтверждается другими достоверными доказательствами. Если же сознание обвиняемого не подтверждается другими доказательствами, опровергается обстоятельствами дела, суд не вправе основывать на нем свой приговор.

Если обвиняемый не признает себя виновным и дает показания в свое оправдание, эти показания также являются доказательством, которое должно быть проверено судом по всей совокупности обстоятельств

дела, и оно может быть принято или отвергнуто судом в зависимости от результатов этой проверки.

Ввиду этого защитник должен принимать активное участие в допросе своего подзащитного, и он вправе использовать в целях защиты те показания подсудимого, которые последний дает в свое оправдание или для смягчения своей ответственности. Кроме того, вопросы, задаваемые защитником подсудимому, могут иметь большое значение для того, чтобы устранить неясности, оказавшиеся в ответах посудимого судьям и прокурору, рассеять неблагоприятное впечатление, созданное тем или иным ответом подсудимого на вопросы прокурора, и т. д.

Особенно значительна роль защитника при допросах свидетелей, как тех, которые вызваны по ходатайству защитника и подсудимого (их допрос защитник ведет первым), так и тех, которые вызваны по ходатайству прокурора или по инициативе суда. Участвуя в перекрестном допросе свидетелей, защитник выясняет все, что может помочь защите подсудимого. Конечно, недопустимыми являются такие приемы допроса свидетеля, как улавливание его, сбивание, необоснованное дискредитирование свидетеля и т. п. Но если в показаниях свидетеля имеются неясность, противоречивые утверждения, если имеются обстоятельства, ставящие под сомнение их достоверность (например, враждебное отношение свидетеля к подсудимому, заинтересованность свидетеля в неблагоприятном для подсудимого исходе дела и т. п.), защитник не только вправе, но и обязан все эти обстоятельства выяснить с исчерпывающей полнотой как при допросе данного свидетеля, так и при исследовании других доказательств.

Исходя из того, что в защитительной речи можно ссылаться лишь на те доказательства, которые были рассмотрены и проверены на судебном следствии, за-

щитник во время судебного следствия, в частности при его дополнении перед окончанием, должен выяснить все, что ему потребуется для защитительной речи, задав дополнительные вопросы подсудимому, свидетелям, экспертам, просить суд огласить те или иные имеющиеся в деле документы и т. д.

Таким образом, на протяжении всего судебного следствия защитник шаг за шагом ведет линию защиты, создает и укрепляет базу защиты, подготовляет все данные и материалы для своей защитительной речи.

Защитительная речь адвоката — это кульминационный пункт его выступления в суде по уголовному делу. Отмеченное выше обстоятельство, что главной частью судебного разбирательства является судебное следствие и что успешность защитительной речи адвоката зависит от того, что было выяснено на судебном следствии, ни в какой мере не умаляет значения защитительной речи.

Именно в защитительной речи адвокат представляет суду свои выводы по делу, свои возражения против обвинения в целом или против его отдельных утверждений, излагает и истолковывает обстоятельства дела в том виде, в каком они рисуются ему с точки зрения защиты.

Все это — итог громадной и трудной работы защитника, плод непрерывного и добросовестного труда, проникнутого искренним стремлением защитить права и законные интересы подсудимого, не допустить возможной ошибки во вред подсудимому, не упустить ничего, что может служить в пользу подсудимого.

Конечно, тон и стиль защитительной речи зависят от характера дела и от личных навыков самого адвоката. Иногда защитительную речь произносят в горячем, приподнятом тоне, в ярких и красочных выражениях. Иногда ее произносят в виде очень спокойного методичного анализа фактических обстоятельств с

детальными цифровыми расчетами, сопоставлениями дат и т. п. Иногда в защитительной речи сильно выражен полемический элемент, спор с прокурором, а иногда преобладает скрупулезное собирание по крупинкам всех выяснявшихся на судебном следствии деталей, которые могут быть использованы для защиты подсудимого. Все это вполне допустимо, и никаких общеобязательных правил по этому вопросу указать нельзя. Можно сказать лишь одно. Какие бы тон и стиль ни характеризовали защитительную речь, она будет удачной и полезной только в том случае, когда ее произносит адвокат, глубоко увлеченный защитой и озабоченный судьбой своего подзащитного. Равнодушие, безразличие, вообще нетерпимые в области правосудия, неизбежно сделают бесплодной любую речь адвоката, какими бы цветами красноречия он ее ни украшал.

Защитительная речь адвоката есть ответ на речь прокурора, если он участвует в деле. Поэтому в некоторой, иногда довольно значительной мере, речь защитника зависит от того, что утверждает прокурор в своей речи, какие доводы он приводит в обоснование обвинения. Этим обусловливается то, что речь защитника в той или иной степени неизбежно носит полемический характер. Но из этого никоим образом не следует, что защитник в своей речи все время, так сказать, идет по стопам прокурора, располагает свои аргументы (и контраргументы) соответственно аргументации прокурора. Основное содержание защитительной речи составляет самостоятельное рассмотрение защитником всех доказательств, представленных как в подтверждение обвинения, так и в защиту подсудимого, анализ всех обстоятельств дела под углом зрения защиты подсудимого. Естественно, что все это сочетается с возражениями защитника прокурору во всем, в чем защитник считает неправильным поддерживаемое прокурором обвинение. Система защиты в за-

щитительной речи строится по-разному в зависимости от результатов судебного следствия, от занятой защитником позиции, от системы обвинения, поддерживаемого прокурором, и т. д.

Иногда материалы судебного следствия дают защитнику возможность самостоятельно представить суду всю картину обстоятельств дела в том виде, в каком защитник считает ее установленной. В этом случае в своей речи защитник доказывает суду, что именно по его убеждению произошло в действительности, какие действия подсудимый совершил и как нужно оценить эти действия с точки зрения закона. Такое описание обстоятельств дела, установленных судебным следствием, делается защитником, разумеется, всегда с позиций защиты. Например, защитник доказывает, что в тех действиях, которые подсудимый действительно совершил, нет состава преступления или что они совершены без корыстных мотивов, что они совершены не умышленно, а лишь неосторожно, или что в данном случае не было и неосторожности, или что совершенное подсудимым деяние хотя и является преступным, но подлежит квалификации по статье уголовного кодекса с более мягкой санкцией.

Но не всегда данные дела позволяют защитнику именно так построить защиту в своей речи. Иногда защитник не имеет возможности утверждать, что́ и как произошло в действительности, но данные судебного следствия приводят его к выводу, что участие подсудимого в совершении преступления не доказано, что рассмотренные на суде доказательства не дают оснований для вывода, что преступление совершено именно подсудимым. В этом случае защитник всю свою аргументацию направляет на опровержение доводов обвинения, на оспаривание доказательств, которыми оперировал прокурор в своей обвинительной речи.

Такая позиция защиты вполне правомерна, и она представляет собой последовательный вывод из презумпции невиновности и правила о бремени доказывания (см. выше).

Большие трудности встают перед защитником в том случае, когда он не оспаривает обвинение ни с его фактической стороны, ни с точки зрения юридической квалификации инкриминируемых подсудимому действий, а строит свою защитительную речь только на указании смягчающих вину подсудимого обстоятельств. Было бы серьезной ошибкой защитника, если бы в этом случае его речь свелась лишь к трафаретной ссылке на и без того ясные обстоятельства, вроде молодости и первой судимости подсудимого и т. п.—это означало бы фактическое оставление подсудимого без защиты.

Защита в плане указания смягчающих вину обстоятельств лишь тогда будет действенной защитой, если вывод о смягчающих обстоятельствах и их характеристику защитник сделает на основе глубокого анализа всех фактических обстоятельств дела, относящихся к событию преступления и к личности подсудимого, во всем их своеобразии, во всех их индивидуальных особенностях в данной конкретной обстановке.

Я не считаю нормальным такое положение, когда подсудимый отрицает свою виновность и оспаривает обвинение, а его защитник соглашается с обвинением и просит лишь смягчить наказание. Нельзя признать приемлемым также метод защиты, фактически означающий оставление подсудимого без защиты.

Какую бы систему защиты защитник ни принял в своей защитительной речи — полное оспаривание обвинения в его основе и требование оправдания подсудимого, оспаривание какой-либо части обвинения, иная интерпретация действий и поведения подсудимого, оспаривание квалификации преступления, указание смягчающих вину обстоятельств — защита в за-

щитительной речи должна быть исчерпывающей, должна охватить все обстоятельства дела, в какой-либо мере свидетельствующие в пользу подсудимого, и не может упустить ни одного из таких обстоятельств. Даже если прокурор отказался от обвинения, защитник, соответственно меняя систему своей речи, должен подвергнуть исследованию все данные дела, говорящие в пользу оправдания подсудимого, и не может просто присоединиться к прокурору (так как отказ прокурора от обвинения не связывает суд в его приговоре).

Защитник в своей защитительной речи не может пройти мимо общественного значения рассматриваемого дела. Наоборот, он обязан дать этому делу правильную общественную оценку, которая может совпасть с оценкой, данной прокурором, а может разойтись с нею. При всех условиях общественная оценка рассматриваемого дела должна быть правильной, содействующей воспитательному результату осуществления правосудия.

Пишущий эти строки не придает серьезного значения иногда поднимающемуся спору, как адвокат должен готовить свою защитительную речь — следует ли ее составлять до начала процесса или только в ходе рассмотрения дела, следует ли ее писать целиком или можно ограничиться конспектом, планом, тезисами. Все это очень условно и во многом зависит от характера и содержания дела, от его объема, от навыков и умения адвоката и т. д.

Но при всех условиях речь защитника должна быть основательно продумана и тщательно подготовлена и опираться на данные судебного следствия, на обстоятельства дела, выясненные и установленные на судебном следствии. Свою речь защитник основывает лишь на том, что происходило на суде, и свой окончательный вид эта речь может получить лишь после

того, как закончилось судебное следствие и защитник выслушал обвинительную речь прокурора. Ни при каких условиях защитник не может зачитывать заранее написанную защитительную речь.

Я высказываюсь против так называемых альтернативных выводов, когда защитник предлагает суду два возможных решения, например, просит суд оправдать подсудимого ввиду недоказанности его обвинения, делая при этом оговорку, что, если суд с этим не согласится, то защитник просит суд смягчить наказание. Такая альтернативная постановка вопроса обычно лишает речь защитника должной убедительности: если защитник согласен на оба различных, исключающих друг друга вывода, то для суда могут показаться неубедительными и тот и другой выводы.

Но такое решение вопроса не исключает того, что защитник, обосновывая один определенный вывод, в то же время в своей речи указывает на все допущенные по делу нарушения, если они имели место, и на все благоприятствующие подсудимому обстоятельства, хотя бы они и не были непосредственно связаны с защищаемой в речи версией, так что не будет упущено ничего, что может служить в пользу защиты.

До сих пор у нас не издавалось сборников речей советских адвокатов. А нужда в этом очень велика. Публикация защитительных речей адвокатов дает возможность обмена опытом и помогает адвокатам, особенно молодым, повысить качество своих судебных выступлений, учиться на хороших образцах; это необходимо и для подготовки новых кадров адвокатуры.

Мы полагаем, что публикация судебных выступлений адвокатов может представлять интерес не только для юристов, но и для широких кругов советской общественности, знакомя ее с трудной, сложной и благородной деятельностью советских адвокатов.

Предлагаемый вниманию читателей сборник защитительных речей адвокатов, подготовленный президиумом Московской городской коллегии адвокатов, является первым выпуском предполагаемой серии аналогичных сборников. Сборник не претендует на полноту и законченность, и при составлении его не преследовалась цель охватить какую-либо определенную тематику (по видам преступлений, по методам защиты и т. п.).

В этот сборник вошли отдельные речи, которые представляются удачными и поучительными. Это не значит, разумеется, что публикуемые речи претендуют на то, чтобы во всех отношениях быть совершенно образцовыми. Конечно, они могут вызвать те или иные критические замечания, которые будут учтены при подготовке дальнейших выпусков. Предполагается обеспечить большую полноту следующих сборников, чем это удалось сделать сейчас.

Что касается изложенных выше вводных замечаний об участии защитника в судебном разбирательстве по уголовному делу, то они ни в какой мере не претендуют на полноту и законченность. Они расчитаны на то, чтобы привлечь внимание читателей к некоторым вопросам защиты по уголовным делам.

Речь члена Московской
городской коллегии адвокатов И. Д. Брауде
в защиту В. Я. Абрамова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

Учащийся десятого класса Виктор Абрамов[1] *обвинялся в том, что, находясь в состоянии острого душевного волнения, явившегося результатом длительных травмирующих переживаний, вызванных систематическим насилием и тяжкими оскорблениями со стороны отца по отношению к нему, его матери и сестре, 28 ноября 1948 г. у себя на квартире тремя выстрелами из охотничьего ружья убил своего отца, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 138 УК РСФСР.*

Дело слушалось в феврале 1949 г. в Московском городском суде, который приговорил Виктора Абрамова к 3 годам лишения свободы. По кассационной жалобе адвоката Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР определила применить к Абрамову ст. 53 УК и лишение свободы считать условным с испытательным сроком в течение трех лет.

---

* Фамилии обвиняемых во всех речах изменены.

РЕЧЬ АДВОКАТА И. Д. БРАУДЕ

Товарищи судьи! Бесспорно был прав товарищ прокурор, когда сказал, что в нашей стране никому не дано права совершать самосуд. В нашей стране, где правосудие стоит на такой высоте, какой не знает мир, есть все реальные возможности обращаться к защите органов власти, к защите советского общества.

Трудно не согласиться и с тем, что такое преступление, как убийство отца, глубоко противно нашему советскому мировоззрению, глубоко противно и самой человеческой природе. Вполне понятно, что такое преступление, так редко встречающееся в судебной практике, вызывает наибольшее внутреннее возмущение. И когда, не зная обвиняемого, ни показаний свидетелей, ни обстоятельств дела, слышим, что сын убил отца, мы невольно испытываем чувство глубокого возмущения. Должен прямо сказать, что именно эти чувства волновали и меня, когда я услышал об этом событии.

Но вот перед нами раскрылась картина, обнажившая все редкостное своеобразие этого дела...

Неожиданно мы стали очевидцами редко встречающегося в нашем суде явления, когда присутствующие выражают сочувствие обвиняемому. Чувство симпатии к подсудимому росло по мере допросов новых свидетелей, и одновременно росло чувство непреодолимого возмущения по отношению к жертве преступления.

Вот что является отличительной чертой этого процесса.

Разве не кажется диким, что здесь, в Москве, в столице нашей Родины, в центре, где так многогранно и богато развернулась общественная жизнь, где дружба и товарищество характеризуют отношения между советскими людьми, в течение ряда лет существовал, буйствовал, хулиганил, оскорблял, истязал свою семью зверь в образе человека. Зверь — я не могу подобрать другого определения для этого выродка, о котором нам так много рассказывали здесь в течение этих двух дней.

Когда свидетели давали показания о том, что делал со своей семьей Яков Абрамов, мне казалось, что воскресают сцены из темного царства пьес Островского, что перед нами встают тени далекого и чуждого прошлого.

Есть еще один момент, которому мы должны уделить внимание. На нем, к сожалению, недостаточно остановился прокурор. Как могло случиться, что член коллектива, комсомолец, любимый товарищами, любимый преподавателями, совсем не одиночка и не индивидуалист, как говорил прокурор, а юноша, преданный своему коллективу, любимый коллективом, оказался одиноким в дни самых тяжелых переживаний, в часы самого острого внутреннего конфликта. Он оставался одиноким именно тогда, когда ему была необходима товарищеская поддержка, чуткая товарищеская помощь. Ведь нельзя забывать, что Виктор Абрамов находится в таком возрасте, когда ему реальная дружеская помощь особенно необходима.

Преступление есть пережиток, результат коллизии между новыми, социалистическими, условиями жизни и еще порой тяготеющими над советским человеком пережитками мрачного прошлого. В данном случае они налицо, эти пережитки прошлого. Мы видим, что в сознании Виктора Абрамова происходила ожесточенная борьба старого с новым, и на этот раз советский человек не сумел победить в нем.

Вместе с тем мы слышали здесь многое о человеке, который весь был проникнут этими пережитками и никогда с ними не пытался бороться. Я говорю о покойном Якове Абрамове. Вспомните показания свидетелей о нем. В сущности, это были рассказы не о человеке советского времени, а о каком-то диком самодуре и изверге.

Разве не поразительно, что в Москве оказался человек, сумевший обмануть партию, советскую власть, сумевший войти в доверие к своему начальству; человек, который на людях был один, а дома другой; человек, который руководствовался только одним — «ндраву моему не препятствуй». Он сумел внушить окружающим, что является ревностным и честным служащим, и в то же время, как здесь выяснилось, был вором, расхитителем народного добра, хулиганом на улице, истязателем и хамом в своей семье, развратителем своей маленькой дочери. Он воплотил в себе все пороки, которые только можно вообразить в человеке.

Чем же объяснить, что этот человек никем не был разоблачен?

Это объясняется, я думаю, тем же, что сделало тщетными попытки Виктора пресечь преступления, которые совершал его отец в семье. Я думаю, что это объясняется тем, что целый ряд людей проявили беспринципность и безответственное, равнодушное отношение к судьбе рядом живущих, полное отсутствие бдительности. «Моя хата с краю, ничего не знаю»,—полагали они, не желая якобы поднимать шума, а в действительности просто не желая тревожить себя.

Я еще могу допустить, что мать Виктора, Ефросинья Абрамова, ставшая старухой в 39 лет, больная, истерзанная женщина, просила «не поднимать шума», не ставить вопроса о поведении мужа в партийной организации, опасаясь, что «нам будет хуже». Но вы

товарищ Сланцев, член партии, секретарь партийной организации, в которой состоял Яков Абрамов, вы же не могли не понимать того, чего не понимала испуганная обывательница, давно утратившая чувство собственного достоинства. А вы опускаетесь до уровня этой затравленной мужем женщины, выполняете ее просьбу, замалчиваете преступные действия члена вашего коллектива. Вы ведь не хотели пальцем о палец ударить, чтобы разрядить эту страшную обстановку.

А вы, учитель русского языка, культурный человек, педагог, который пишет на классном сочинении Виктора резолюцию «слишком видно настроение», ставите ему 4, а здесь заявляете суду, что это сочинение сразу же вызвало у вас тревогу. А что же вы сделали тогда, когда почувствовали эту тревогу, что реального вы предприняли? Я верю, что вы очень хороший преподаватель, но чуткости советского учителя в вас мало, и вы ограничились только тем, что сообщили об этом вызывающем тревогу сочинении классному руководителю, не поинтересовавшись, что же было сделано дальше.

Вот вопросы, которые невольно возникают перед нами. Вот в чем состоит общественная сторона этого дела. И те, кто присутствует на этом процессе, я надеюсь, сделают из него надлежащие выводы. Не может советский человек относиться по-обывательски к тому, что наблюдает, не должен проявлять равнодушие, когда видит беззаконие, преступление. Нельзя уподобляться чеховскому человеку в футляре, который предпочитает молчать и не вмешиваться в «чужие дела», опасаясь, «как бы чего не вышло». Я уверен, что на эту общественную сторону дела будет обращено внимание.

Покойный Яков Абрамов был хамелеоном, двуликим Янусом. На службе — слащавый подхалим, как

говорили о нем товарищи по работе, дома—хам, развратник, хулиган и растлитель. Яков Абрамов терроризировал свою семью, морил ее голодом, держал в ужасающих условиях, издевался, измывался над человеческим достоинством. Обо всем этом рассказал в своих стихах, написанных по просьбе учителя русского языка, сам Виктор.

Знаю я всего два папы:
Первый папа любит нас,
Нежно смотрит он на маму,
Гладя сына каждый раз.

Первый папа на работе,
Дома папа не такой;
Водку пьет и мать колотит,
На пол плюнет, трет ногой.

Вот по этому мой папа
Без труда чины нахапал,
Вышел в люди, что же пусть,
Дай я только доучусь.

А что делал этот «папа» со своей семьей, какую страшную обстановку он создавал дома! Нельзя без волнения читать бесхитростные стихи Виктора, о котором мы слышали так много хороших отзывов. Сколько пережил этот мальчик, который, несмотря на совершенное им преступление, невольно вызывает у нас чувство если не симпатии, то глубокого сочувствия.

Было так и есть, как было,
Пьет и кутит мой отец,
Травит нас табачным дымом,
Держит в страхе как овец.

Мать болеет, знаю, скоро
Мать, наверняка, умрет.
Кто довел ее? Без спора,
Мой отец.

Сквозь эти беспомощные по форме строчки на нас смотрит жуткая жизнь, столь непонятная в наше

радостное, светлое время, время стремительного движения к коммунизму.

Когда читаешь эти строчки, страшно становится за человека, страшно за тех, кто видел все это и терпел, кто знал и молчал.

Я считаю, что я прав, когда, оценивая во всей совокупности черты покойного Якова Абрамова и все, что сделал он, нахожу для него только одну квалификацию—это враг нашего общественного правопорядка, скрывавшийся под маской честного советского работника.

Разумеется, это не означает, что по отношению к врагу допустим самосуд. Но мы обязаны иметь ясное представление о личности Абрамова, когда оцениваем действия его сына Виктора.

Три жизни душил Яков Абрамов, три жизни были всегда в опасности, три жизни подвергались истязаниям и издевательствам...

Чьи эти три жизни? Взгляните на Ефросинью Абрамову, на эту старуху, которая сейчас сидит перед вами...

При взгляде на эту изможденную, беззубую женщину, никогда не скажешь, что ей только 39 лет. Женщина из народа, всю свою жизнь труженица, она проявила такое длительное непротивление злу, она так долго мирилась со своим подневольным существованием, что потеряла облик советского человека. Мы понимаем, что она действовала так во имя спасения детей, скрывая от окружающих то, что происходило дома, рабски подчиняясь самодуру и извергу-мужу. Нечеловечески безмолвное и безропотное терпение было ее глубокой ошибкой. Если бы у нее хватило мужества раскрыть все, что делал Яков Абрамов, подать хотя бы одну жалобу в органы власти, ее страданиям и страданиям ее детей наступил бы конец, и не было бы этого рокового исхода.

Двадцать лет она провела с этим извергом, двадцать раз она беременела от него, восемнадцать абортов она сделала по его требованию и двоих детей она вырастила. Несчастная женщина! Ей казалось, что она приносит все эти жертвы для того, чтобы дождаться момента, когда мальчик окончит школу, девочка подрастет и все тогда, как думала она, образуется. Она не давала ничему прорваться наружу, надеясь на то, что «авось как-нибудь» пройдет. И вот это ее «как-нибудь» явилось тоже одним из факторов, который привел к тяжелой расплате, к роковому исходу.

Девочка Верочка... Ей сейчас одиннадцать лет... В судебном деле Виктора мы читали заключение судебно-психиатрической комиссии, исследовавшей Верочку... Диагноз — «невротическое развитие личности». И дальше мы читаем: «Тяжелая бытовая обстановка семьи Абрамовых могла явиться причиной, осложнившей имеющееся заболевание нервно-соматического характера».

В одиннадцать лет эта девочка с тяжелым диагнозом общего и нервного заболевания... В школе Верочка круглая отличница, ее там все любят. Вчера с особой теплотой говорили о ней свидетели — директор школы и ученики. И когда я сейчас думаю об этой девочке, невольно вспоминаю, что здесь рассказывали о ней соседи по квартире, как часто слышали ее крики: «Мама, я боюсь, мама, я боюсь папы». Девочка содрогалась от преступных посягательств отца, она боялась его, пряталась от него, и ее своим телом заслоняла мать, заслонял Виктор.

Виктор Абрамов. Что говорить о Викторе?

Что мы о нем знаем? Мы имели возможность достаточно хорошо ознакомиться с его личностью. Мы видели перед собой директора школы, который сегодня, уже после убийства, совершенного Виктором, имел мужество сказать здесь, что Виктор «юноша высокой

моральной чистоты». Директор школы говорил здесь вам о нем, как о трудолюбивом, талантливом юноше, хорошем общественнике, любимце преподавательского персонала и товарищей.

Мы видели их здесь, этих его товарищей по школе. Они рассказывали нам, какой был Виктор пионервожатый, с какой любовью он относился к пионерам, как он умел воспитывать ребятишек, как они тоскуют по нем и все время спрашивают: «А где наш Витя?»

Мы слышали здесь и заведующую РОНО, которая говорила о Викторе, как об одном из лучших учеников в школах Коминтерновского района. Она рассказывала нам о его работе с пионерами, об общественной его работе по организации выгрузки и разборки овощей, о приказах, в которых была отмечена его деятельность. И заведующая РОНО к вам обратилась с просьбой: «Отдайте нам его». «Я заявляю от имени РОНО, что мы берем на себя обязательство воспитать его. Я знаю, что мы сделаем из него прекрасного советского человека». Вам говорила это представительница органа, в ведении которого находятся десятки школ. Она — старый педагог, член партии, награжденная двумя орденами Трудового Красного Знамени, — говорила это вам, хорошо зная, какое преступление совершил Виктор и какую ответственность она берет на себя.

Мы видели здесь соседей Абрамовых по квартире — Адамову, Кириллова и Москалеву. Они рассказали нам, как этот мальчик держал себя дома. Они рассказали, как он заботился о матери, как своим трудом старался пополнить бюджет семьи, которую отец морил голодом. Они вспоминали, как летом Виктор работал в поле и пас свиней, как в городе он, заменяя больную мать, мыл полы, стирал белье. Здесь много говорили о том, как он относился к своей матери, к этой забитой, вечно запуганной матери, жалость к ко-

торой, быть может, была одним из тех факторов, которые толкнули его на преступление.

Когда читаешь стихи Виктора о матери, спазмы сжимают горло от волнения:

Ладно, мама! Мама, мама,
Ты седая в сорок лет,
Преклоняться мало, мама,
Целовать твой надо след.

Вы видите, как велика была его любовь к матери. Любовь к матери, забота о ней — это тоже черта, свойственная настоящему советскому человеку, советскому юноше. И мы видим, с какой силой эта черта была выражена в его натуре. Мы слышали здесь, как, жалея свою мать, избиваемую отцом на его глазах, он делал все, чтобы помочь ей. И юноша, которому нужно было готовить уроки, у которого было много комсомольской работы и работы с пионерами, успевает готовить обед, мыть полы, стирать белье, ухаживать за матерью и сестренкой...

Он грудью заслоняет мать от ударов, которые наносит ей отец, и вместе с нею оберегает маленькую Верочку от подлых, сластолюбивых покушений развратника-отца.

Виктор мечтает окончить школу с золотой медалью, он хочет быть полезным своей Родине. Он пламенно любит Родину, тонко чувствует русскую природу и в ней находит отдых от своей тяжелой жизни, наслаждаясь ее красотами.

Я прошу об одном: прежде чем вынести подсудимому приговор, вспомните все, что вы слышали о нем, об его отце и об их жизни.

Давайте вспомним, товарищи судьи, как все это произошло. 22 ноября Виктор получил две двойки. Он уже давно чувствовал, что не в силах учиться так, как учился ранее... Бесконечные скандалы дома, постоянная безобразная ругань отца, его хулиганское

поведение — все это нарушало душевное равновесие мальчика. Кроме того, необходимость помогать матери по дому и хозяйству, нагрузка общественная отнимали так много времени, что учиться нормально не было ни сил, ни возможности. Между тем в учебе он видел свой долг. Он мечтал по окончании школы стать педагогом. Педагоги характеризовали его здесь как одаренного юношу, стремившегося к знанию. Виктор говорил здесь: «Две двойки, — мне казалось, что все потеряно, мне казалось, что я никогда не смогу поправиться, мне казалось, что для меня все кончено. Дома меня также ожидали те же страшные часы, которые мы каждый вечер переживали с матерью и сестрой. Я почувствовал отвращение и к школе и к жизни».

Был момент, когда он хотел обратить внимание окружающих на себя таким актом, «чтобы сразу все закричали», чтобы кругом поняли, что с ним происходит. Он отправляется в химическую лабораторию школы и пытается там бритвой вскрыть себе вены на руках. Замыслу его не дает осуществиться уборщица, случайно зашедшая в комнату... С окровавленной рукой он идет ночевать к товарищу. От товарища, у которого он ночевал, он скрыл, что с ним произошло, сказал, что случайно порезался.

Он принимает далее другое решение. Самоубийство не удалось, надо попытаться иным путем разрешить трагическую обстановку дома, обстановку, которая губила три человеческие жизни. Утром следующего дня он идет к Сланцеву, секретарю парторганизации учреждения, где служил отец.

Мы уже здесь бросили упрек Сланцеву, проявившему обывательское малодушие. Он сначала как будто серьезно воспринял обращение к нему Виктора за помощью, тем более, что он уже знал о нечистоплотности Якова Абрамова на службе, о его хулиганских поступ-

ках на улице. Но стоило только матери Виктора позвонить и сказать ему, что, дескать, не надо поднимать шума, так как с детьми будет хуже, если вопрос встанет на партсобрании, Сланцев немедленно с нею согласился. Разве это правильно? Товарищ Сланцев, если бы вы выполнили свой партийный долг, если бы вы сразу дали этому делу ход, тут же, когда к вам пришел Виктор, если бы вы не стали на обывательские позиции Ефросиньи Абрамовой, может быть, не произошло бы того преступления, которое мы здесь разбираем, и, может быть, Виктор не был бы здесь перед вами.

В 4 часа дня, получив отказ у Сланцева, Виктор делает еще одну попытку. Он обращается в отделение милиции, к дежурному милицейскому работнику Дегтяреву. В этом отделении юношу знали как активиста-общественника; он не решился говорить о себе и вел рассказ как бы о другом юноше. Он рассказывает Дегтяреву о тяжелой обстановке в семье этого своего товарища, о преступных действиях отца, о тяжелых переживаниях детей и, наконец, заявляет, что у этого юноши созрело желание убить своего отца. Казалось бы, милицейский работник, услышав такой рассказ, должен был немедленно принять меры. Виктор говорил здесь, что не сомневался в том, что Дегтярев сейчас же после его рассказа направится в эту семью, что будут немедленно приняты меры для предотвращения готовящегося убийства, что отца обуздают и положат предел этой страшной жизни, которую тот создал. Но вместо всего этого Виктор услышал равнодушный ответ: «Мы в семейные дела не вмешиваемся, обратитесь в Народный суд».

Мальчик возвращается домой опустошенный, одинокий, растерянный. Он не нашел поддержки у тех, на чью помощь мог рассчитывать.

В 9 часов вечера домой пришел отец... Снова полетели на пол стаканы, полетели разные предметы в мать

и в Верочку. Виктор прикрывал их своим телом. Пьяный отец издевался над матерью, ругался безобразными словами и, наконец, выгнал мать из комнаты, посылая ее продать кожаное пальто. Виктор подошел к матери и, заглянув в ее глаза, увидел, как он сказал здесь: «выражение непередаваемой муки и горя, и вся она олицетворяла собою всю свою истерзанную жизнь». «Мать тихо плакала,—рассказывает Виктор,— и когда она ушла, я взглянул на отца — он стоял у комода, что-то напевал... Я посмотрел на него и увидел пустые глаза и в них холодный, зловещий огонек».

Эта фраза, которая здесь вырвалась у Виктора, явилась, повидимому, результатом невольного сопоставления мученических глаз матери и пустых глаз мучителя-отца. Этот момент был последним толчком, мгновенно вызвавшим решение. Виктор показывал далее:

«Я взял ружье, отец пошел в ванную. Был момент, когда я колебался, был момент, когда я думал бежать с этим ружьем, но отец вышел из ванной и пошел на меня. Тогда я произвел один за другим два выстрела. Отец упал. Я постучал к соседям и сказал, что я убил своего отца. Вернулся в комнату, отец лежал на полу и хрипел. И не знаю почему, я автоматически перезарядил ружье. Мне казалось, что вот-вот он встанет, бросится на меня и снова, снова начнется та же жизнь, наполненная ужасом, вновь начнутся терзания матери, мучения моей маленькой сестренки. И я выстрелил в третий раз, чтобы раз и навсегда кончить».

После убийства Виктор, по словам соседей, к которым он постучался, сказал: «Лучше один, чем трое». И когда после этого Виктор добавил соседу: «Меня довели»,—он сказал правду.

Вот, собственно говоря, и все. Кто же совершил убийство в этой злополучной комнате? Был ли это уравновешенный человек, полностью ответственный за

свои действия? На это отчасти ответила психиатрическая экспертиза. Эксперт дал заключение, что убийство было совершено в состоянии сильного душевного волнения, вызванного длительной травмирующей обстановкой на фоне все более и более развивавшихся тяжелых переживаний. Но этого мало. Мы знаем и не можем изгнать из нашей памяти, что Виктор был доведен своим отцом до болезненного психического состояния, что в течение последних лет мальчик был на учете у районного психиатра. Убивая отца, он не продумал и не мог продумать, что он делает. Он был доведен до последней степени физического и нервного истощения; вся предшествовавшая убийству обстановка подавляла его волю, тормозила его сдерживающие центры.

Прокурор говорит: «Признайте его виновным и накажите», и я говорю: признайте его виновным и накажите, и признайте его виновным именно по той статье Уголовного кодекса, по которой он привлечен. Но когда вы будете думать о мере наказания, вы не можете забыть того, что вы слышали здесь в течение этих двух дней. Вы не можете забыть все пережитое им, и вы поймете, что он действовал в известном смысле в состоянии обороны, обороняя мать, свою сестренку и себя от зверя-отца. Вы вынесете ему условный приговор. Об этом прошу вас я, его защитник. Об этом просили вас его товарищи. Об этом просит вас заведующая РОНО, давшая вам клятвенное заверение воспитать его. Об этом просят вас его маленькие друзья-пионеры, которые ждут его.

Речь члена Киевской коллегии адвокатов М. П. Городисского в защиту А. П. Новинской

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

6 июля 1948 г. между 9 и 10 часами утра в детской палате отделения патологии беременных Киевского института клинической медицины был облит едкой жидкостью ребенок роженицы Малиновой, врача-ординатора терапевтического отделения этого же института.

Тяжелые ожоги лица и глаз повлекли за собой полную потерю зрения в правом глазу и неизгладимое обезображение лица ребенка.

Новинской было предъявлено обвинение в том, что на почве зависти к положению Малиновой, из мести за пренебрежительное к ней отношение семьи последней, воспользовавшись отсутствием в палате дежурного персонала, она причинила ребенку тяжелые телесные повреждения, т. е. совершила преступление, предусмотренное ст. 146 ч. 2 УК УССР.

Новинская виновной себя не признала и категорически отрицала не только совершение инкриминированного ей деяния, но и наличие у нее какой-либо вражды к Малиновой и семье последней.

Дело Новинской рассматривалось в Киевском областном суде.

Приговором областного суда Новинская была признана виновной в предъявленном обвинении и осуждена к лишению свободы на 8 лет с поражением в правах по пп. «а», «б» и «в» ст. 29 УК УССР на 3 года по отбытии наказания.

На этот приговор защитник подал кассационную жалобу, в которой ставился вопрос о прекращении дела за отсутствием доказательств виновности Новинской.

21 января 1949 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УССР приговор отменила и направила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. Новинская из-под стражи была освобождена. В определении содержались указания на необходимость направить расследование по пути проверки действий обслуживающего детскую палату персонала.

При доследовании дело в отношении Новинской прокурором г. Киева было прекращено за недсстаточностью собранных доказательств.

РЕЧЬ АДВОКАТА М. П. ГОРОДИССКОГО

Товарищи судьи!

Дело, над рассмотрением которого вы трудитесь целую неделю, глубоко волнует нашу общественность. Волнение это вполне закономерно. Вопросам охраны детства и материнства в нашей стране уделяется исключительное внимание. У нас созданы все условия, обеспечивающие женщине здоровое материнство, охрану ее прав. Широкая сеть родильных домов и лечебных учреждений обеспечивает проведение родов в больничных условиях. Советская научная мысль неустанно работает над вопросами родовспоможения, физического развития детей. Забота о здоровье матери и ребенка занимает центральное место в деятельности наших органов здравоохранения.

Поэтому горестное событие, происшедшее 6 июля 1948 г. в одном из крупнейших лечебных учреждений республики — Киевском институте клинической медицины, руководимом выдающимся деятелем советской медицины академиком Стражеско, не могло не взволновать самые широкие круги нашей общественности.

Как могло случиться, чтобы в детской палате образцового лечебного учреждения новорожденный был облит едкой жидкостью, причинившей ему тяжелые ожоги, повлекшие за собой частичную потерю зрения и неизгладимое обезображение лица?

Что произошло? Преступная ли небрежность медперсонала, тщательно скрываемая виновными из опасения тяжелой ответственности, или умышленное

изуродование ребенка из низменных побуждений — преступление, чудовищное по своей жестокости?

Следственные органы без достаточных, с моей точки зрения, оснований исключили самую возможность преступной неосторожности в данном случае и с самого начала направили свои розыски по иному пути. По версии обвинительного заключения это преступление совершено умышленно по мотивам зависти и мести врачом-экстерном Новинской, близкой подругой Малиновой.

Советский врач, избравший своей специальностью акушерство, т. е. ту область медицины, которая служит благородному делу помощи при родах и ставит своей целью обеспечить благополучное рождение здорового ребенка, обвиняется в совершении преступления, направленного на уничтожение или изуродование новорожденного, появившегося на свет при помощи этого же врача два дня назад!

Советская женщина, сама молодая мать, обвиняется в умышленном обезображении новорожденного ребенка своей подруги!

Страшное обвинение, товарищи судьи! Моральное содержание этого обвинения неизмеримо тяжелее для Новинской, чем грозящее ей уголовное наказание. Для предъявления этого обвинения нужны безупречные доказательства, не оставляющие сомнения в виновности.

Государственный обвинитель, требовавший осуждения Новинской, признал, что прямых доказательств ее вины добыть не удалось, однако он полагает, что совокупность косвенных доказательств, на которые ссылается обвинительное заключение, достаточна для вынесения ей обвинительного приговора. Каковы же эти доказательства?

Совершенно очевидно, что при наличии лишь косвенных, к тому же весьма шатких, улик прежде всего необходимо установить, существовали ли в действитель-

ности у Новинской те побудительные мотивы, которые, по мнению автора обвинительного заключения, могли толкнуть ее на совершение преступления.

Формула предъявленного Новинской обвинения содержит утверждение, что ею руководило чувство зависти и мести за пренебрежительное якобы отношение к ней семьи Малиновых.

На чем основано это утверждение — остается загадкой. Обвинитель не смог привести ни одного убедительного подтверждения этой концепции и сослался единственно на письмо Новинской, написанное ею своему мужу более года назад, в котором она жаловалась на то, что «Тамара важничает — она уже ординатор, а я еще неизвестно что».

Едва ли нужно доказывать, что одной этой фразы, вырванной из контекста давнего письма, безусловно недостаточно для вывода о существовании такой степени ненависти, которой можно объяснить совершение инкриминируемого Новинской преступления. Проследим взаимоотношения этих двух женщин на протяжении ряда лет вплоть до дня, когда Малинову постигло несчатье, и мы не обнаружим никаких признаков вражды между ними.

Неразлучные подруги в студенческие годы, они и после окончания института сохранили дружеские отношения. Возвращение с фронта мужа Малиновой, замужество Новинской, ее выезд на периферию несколько отдалили подруг, однако они продолжали переписываться и сохраняли теплые чувства друг к другу. В 1947 г. Новинская приезжала в Киев в связи с переводом ее и ее мужа в столицу. В этот период она испытывала некоторые трудности, так как вопрос о переводе в Киев разрешился не сразу. Именно к этому периоду относится цитированная прокурором фраза о том, что Тамара «уже ординатор», а она все «еще неизвестно что». Однако вскоре все уладилось: Новинская и ее

муж были переведены в Киев на вполне устраивавшую их работу, они были счастливы, ребенок их был здоров, жили они у родителей и не испытывали нужды. Они продолжали встречаться с Малиновыми. Новинская проявляла заботу к беременной подруге и в дни, предшествовавшие родам, и во время родов относилась к ней, по свидетельству самой Малиновой и ее матери, как родная.

Я с удовлетворением отмечаю, что обе Малиновы, несмотря на то, что Новинская следственными органами обвиняется в совершении ужасного преступления, причинившего огромное горе их семье, не разделяют этого подозрения и не допускают мысли о том, что оно совершено Новинской. Они обе подтвердили это при их допросе в суде.

Итак, товарищи судьи, вы не можете не признать, что нет никаких оснований объяснять предполагаемые деяния Новинской проявлением зависти и мести, и, следовательно, из всей схемы обвинения выпадает весьма важное звено — мотивы деяния. А ведь совершение такого преступления, предполагающего наличие прямого умысла, не может быть лишено побудительных мотивов, если преступник не страдает душевной болезнью и не находится в состоянии временного расстройства душевной деятельности.

Очевидно, суд разделяет эту точку зрения, так как по вашей инициативе Новинская была подвергнута психиатрическому исследованию. Эксперты-психиатры не нашли у нее никаких признаков душевной болезни и признали ее совершенно здоровой. Следовательно, отпадает и возможность объяснить совершение этого преступления Новинской какими-нибудь изъянами ее психики.

Вы тщательно исследовали поведение Новинской в быту и на работе. Все допрошенные свидетели показали, что она добрый и кроткий человек, самоотверженный врач, хороший товарищ.

Какие же в таком случае имеются основания предполагать, что преступление это совершено Новинской?

Их не существует, товарищи судьи!

Но обратимся к тем косвенным доказательствам, которые, по мнению прокурора, изобличают Новинскую. Таких доказательств четыре.

Первое — Новинская после окончания родов Малиновой зашла в детскую палату и интересовалась, на какую кроватку положили ребенка. По мнению обвинителя, это обстоятельство свидетельствует о том, что Новинская уже тогда замыслила свое преступление.

Второе — 6 июля за час до события Новинская дважды заходила в детскую палату, хотя по роду своей работы она якобы не имела никакого отношения к детской палате, куда посторонним вход воспрещен. Это обстоятельство рассматривается как свидетельство подготовки Новинской к осуществлению преступного замысла.

Третье — Новинская вызвала старшую медсестру детской палаты Лавриненко на профсоюзное собрание, в результате чего детская палата осталась без присмотра и были созданы необходимые условия для выполнения преступления.

Наконец, четвертое и последнее доказательство — показания няни Березовой, утверждавшей, что при возвращении ее в детскую палату она встретила выходившую оттуда Новинскую и непосредственно вслед за этим обнаружила ожог на лице ребенка.

Как же выглядят эти грозные улики после тщательной их проверки на судебном следствии? Сохранили ли они какую-нибудь доказательственную силу?

Рассмотрим каждую из этих улик в отдельности.

Новинская действительно вскоре после окончания родов зашла в детскую палату и спросила медсестру, куда положили ребенка Малиновой. Мало того, она подошла к его кроватке и внимательно его осмотрела.

Мы тщательно исследовали причину этого посещения и установили, что оно было вызвано поручением самой роженицы. После тяжелых и продолжительных патологических родов, во время которых возникла необходимость в наложении щипцов для извлечения ребенка, Малинова, едва оправившись от перенесенных страданий, спросила ассистировавшую при родах Новинскую о судьбе ребенка. Новинская ласково успокоила подругу, заверив ее, что ребенок жив и здоров, по ее просьбе пошла в детскую комнату, чтобы еще раз в этом удостовериться. Совершенно естественно, что опознать ребенка среди десятка новорожденных, которых даже нумеруют, чтобы их не перепутать, Новинская не могла, вследствие чего и спросила дежурную сестру, где стоит кроватка с ребенком Малиновой. Убедившись, что ребенок находится в нормальном состоянии, Новинская вернулась к Малиновой и радостно ей об этом сообщила. Все это подтвердила нам сама Малинова.

Едва ли требуются дальнейшие объяснения этого посещения, воспринимаемого обвинением, как разведка места будущего преступления.

Второй уликой обвинение считает двукратное посещение Новинской детской палаты в роковое утро 6 июля, особо подчеркивая, что Новинская по роду работы не имела якобы никакого отношения к детской палате и что вход посторонним туда категорически воспрещен.

Новинская действительно в это утро входила в детскую палату и даже не два раза, а три. Однако установлено, что все эти посещения вызывались служебной необходимостью.

Утверждая, что по роду работы Новинская не имела никакого отношения к детской палате, составитель обвинительного заключения забыл, что при выписке из отделения матерей после родов возникает необхо-

димость в получении разрешения педиатра выдать младенца по состоянию его здоровья. Как установлено показаниями главного врача свидетеля Гомоляко и заместителя заведующего отделением Годуновой, палатный врач перед выпиской должен посетить педиатра, большую часть времени находящегося в детской палате, и получить от него разрешение на выдачу ребенка.

Как установлено показаниями свидетелей Годуновой и Махновер, на 6 июля была назначена выписка двух родивших матерей — Долинской и Махновер. Годунова лично поручила Новинской согласовать вопрос об их выписке с новым педиатром отделения врачом Фомченко. Свидетель Фомченко подтвердила, что Новинская действительно пришла к ней в детскую палату и что она после осмотра детей разрешила выписку Долинской, Махновер же рекомендовала задержать на один-два дня, так как пупок у ее девочки еще не присох. Свидетельница же Махновер показала, что переданное ей Новинской сообщение о том, что она не будет в этот день выписана, вызвало у нее бурную реакцию, чуть ли не истерику, так как за ней уже приехал муж, который в тот же вечер должен был отбыть в командировку. По этой причине она категорически настаивала на немедленной выписке и упросила Новинскую вторично переговорить с педиатром. Новинская исполнила ее просьбу и пошла снова к педиатру, однако уже не застала ее в детской комнате, так как Фомченко пошла в палаты к матерям. Вопрос о выписке Махновер был положительно решен только в середине дня.

Эти обстоятельства подтверждены не только показаниями перечисленных мною четырех свидетелей, но и документами — выписками из историй болезни обеих матерей.

Следователь недостаточно выяснил эти обстоятельства, но прокурор, участвовавший в судебном следствии,

4 Заказ 4

не мог их игнорировать. Тем не менее он продолжает считать посещение Новинской детской палаты в часы, предшествовавшие причинению ребенку ожогов, подозрительным, боясь, очевидно, потерять такую «ценную» улику.

Полная несостоятельность этой улики так же очевидна, как и несостоятельность первой.

Переходим к третьей улике — вызов Лавриненко на собрание.

На судебном следствии установлено, что собрание персонала было назначено на 8.30, однако заведующий отделением Хатунцев, основной докладчик, запоздал, в связи с чем персонал после 10-минутного ожидания направился к своим рабочим местам. После прихода Хатунцева Годунова распорядилась созвать всех работников отделения в ординаторскую для проведения собрания. Так как Хатунцев в этот день назначил операцию, он торопил сотрудников. Врач-экстерн Новинская и сестра Гайдук как младшие по возрасту и очень исполнительные, по общему отзыву, сотрудники, направились в палаты, созывая всех на собрание. В числе других Новинская позвала и старшую медсестру Лавриненко, ведавшую детской палатой, сказав ей: «Идите скорее — Хатунцев сердится».

Несмотря на то, что изложенная мною последовательность событий точно воспроизводит показания допрошенных свидетелей и, следовательно, убедительно объясняет поведение Новинской, обвинитель, строго следуя схеме обвинительного заключения, продолжает рассматривать приглашение Лавриненко на собрание как доказательство умышленного удаления Новинской персонала из детской палаты и создания ею условий для осуществления преступного намерения.

Таковы три первые улики. Ни одна из них в отдельности, ни все они в совокупности не создают доказательства виновности Новинской. Все перечисленные

действия и поступки Новинской вызывались служебными соображениями и являются безразличными для решения вопроса о ее виновности.

Я перехожу к четвертой и последней улике — показанию няни Березовой, утверждавшей, что при ее возвращении в детскую палату, оставленную Лавриненко без присмотра, она встретила Новинскую, выходившую из детской палаты, а вслед за этим услышала плач ребенка и обнаружила следы ожога на его лице. По ее категорическому утверждению она, ничего сама не предпринимая, немедленно вызвала Лавриненко и врачей, находившихся на собрании в ординаторской комнате, расположенной рядом с детской палатой. На эту часть показаний Березовой я обращаю ваше особое внимание, товарищи судьи.

Показания Березовой хотя и не изобличают прямо Новинскую в инкриминированном ей деянии, однако представляли бы собой значительно более серьезное доказательство, чем уже рассмотренные улики, при непременном условии достоверности этих показаний.

Но в том-то и дело, что эти показания недостоверны и в самой существенной их части прямо опровергаются другими доказательствами по делу.

Новинская действительно во время собрания выходила из ординаторской вместе с врачом Бондарь. По объяснениям Новинской, подтверждаемым Бондарь, она направилась в палату, где одна ее больная лежала с зондом. Поправив зонд у этой больной и взяв кровь для срочного анализа у другой больной, Новинская, возвращаясь в ординаторскую, по пути зашла в детскую палату, рассчитывая застать там педиатра Фомченко, не присутствовавшую на собрании, чтобы окончательно разрешить вопрос о выписке Махновер. Вновь не застав Фомченко, Новинская вернулась на собрание, но у дверей ординаторской

встретилась с врачом Бондарь, также возвращавшейся на собрание, и в течение 5—6 минут беседовала с ней о состоянии здоровья больной, лежавшей с зондом.

Эти обстоятельства Бондарь категорически подтверждает. Об этом же свидетельствует и медсестра Амелина, находившаяся также в коридоре.

Вслед за тем Новинская и Бондарь вернулись на собрание. Их приход во время выступления Годуновой был замечен большинством присутствовавших на собрании сотрудников. По общему утверждению, с того момента, когда Новинская возвратилась на собрание, и до того, когда оно было внезапно прервано сообщением Березовой о несчастье в детской палате, прошло не менее 10—15 минут, в течение которых Новинская больше не отлучалась с собрания. Это важнейшее обстоятельство подтвердили свидетели Хатунцев, Годунова, Бондарь, Амелина, Гайдук. Все они настаивают на том, что с момента возвращения Новинской и до вызова их в детскую палату прошло не менее 10—15 минут. Следовательно, учитывая 5-минутную беседу Новинской с Бондарь перед их возвращением на собрание и дальнейшее их пребывание в ординаторской в течение 10—15 минут, следует признать установленным, что интервал во времени между встречей Березовой и Новинской в дверях детской палаты и сообщением Березовой о происшедшем несчастье составляет минимально 15—20 минут.

Между тем Березова утверждает, что она услышала плач ребенка уже при входе в детскую палату и, сразу обнаружив ожог на лице ребенка, немедленно, ничего не предпринимая лично, побежала в ординаторскую, расположенную, как мы уже знаем, рядом с детской, с криком о помощи.

В этой части показания Березовой явно не соответствуют правде. Целевая направленность этих показаний Березовой слишком очевидна — ей во что

бы то ни стало надо вас убедить в том, что несчастье с ребенком произошло в ее отсутствие, что она не может нести за него ответственность.

Но из объективного сопоставления показаний всех остальных свидетелей с непреложностью вытекает, что роковое событие произошло именно тогда, когда в детской палате находилась одна Березова. Иначе невозможно объяснить то решающее обстоятельство, что о происшедшем несчастье Березова сообщила не ранее чем через 15 минут после ухода из детской Новинской.

Если бы ребенок был обожжен до возращения Березовой в палату, она, немедленно обнаружив это, успела бы догнать Новинскую в коридоре. В этом случае не осталось бы времени ни для 5-минутного разговора Новинской с Бондарь у дверей ординаторской, ни для последующего ее пребывания на протяжении 10—15 минут на собрании. Березова, которая, по ее словам, бегом направилась в ординаторскую, неминуемо опередила бы спокойно шедшую туда Новинскую.

Следовательно, версия Березовой безусловно опровергается, и последняя, самая серьезная улика против Новинской следует судьбе трех ранее рассмотренных улик. Так распадается искусственная цепь улик, на которых строилось обвинение Новинской.

Самая возможность совершения этого преступления Новинской убедительно опровергается также ее поведением в это утро. Она спокойно занималась своей текущей работой, участвовала в обходе больных, занималась вопросами выписки Махновер и Долинской, выполняла все порученные ей процедуры. Никто из общавшихся с ней в это утро врачей и больных не обнаружил у нее никаких признаков волнения или возбуждения, которые неизбежно сопутствуют приготовлению к совершению преступления, тем более столь ужасного. Невозможно себе представить, чтобы за

5 минут до приведения в исполнение преступного намерения Новинская могла спокойно зондировать больную в своей палате, брать кровь у другой, обсуждать на собрании текущие вопросы, а немедленно после совершения преступления, которое неизбежно должно было сейчас обнаружиться, нашла бы силы для спокойной беседы с Бондарь. Даже закоренелый преступник не смог бы проявить такой выдержки!

Но Новинская была спокойна в это утро, как всегда. Это тоже доказательство, но доказательство оправдательное, в пользу обвиняемой.

Несмотря на эти два страшных для нее месяца, на переживания, связанные с пребыванием в тюрьме, на тяжесть нанесенного ей оскорбления самим предположением о совершении ею этого преступления, Новинская спокойна и сегодня. Это спокойствие и нравственные силы она черпает в сознании своей невиновности, в вере в справедливость советского суда.

Я исчерпал свои доводы в защиту Новинской, но я не выполнил бы до конца своей задачи, если бы не попытался ответить на волнующий всех вопрос: кто же виноват в ожоге ребенка Малиновой?

Что же произошло в действительности в детской палате в те роковые минуты, когда там находилась одна Березова?

Конечно, нет оснований подозревать Березову в умышленном причинении ожогов ребенку. Вероятнее всего эти ожоги произошли вследствие ошибки Березовой, тщательно ею скрываемой.

Мы установили на суде, что муж медсестры Лавриненко, ведавшей в этой смене детской палатой,—шофер, а шоферам для зарядки аккумуляторов часто требуется кислота. Не взяла ли Лавриненко для этой цели, пользуясь приятельскими отношениями, соляной кислоты в аптеке института? Не оставила ли она флакон с этой кислотой на том шкафчике, где обычно стояла бутылка

с раствором борной кислоты для промывания детям глаз? Ведь она уже заканчивала свою смену и собиралась домой!

Мы знаем, что в это утро Малиновой еще не успели принести ребенка для кормления. Детей разносила по палатам Березова. Быть может, взяв ребенка Малиновой, чтобы отнести его матери, Березова обнаружила, что глаза у ребенка плохо промыты. Ведь Малинова — не рядовая роженица, она врач этого же института! Не захотела ли Березова проявить особое внимание и промыть глаза ребенку? Не ошиблась ли она, приняв флакон с кислотой за борный раствор?

Вспомним находящийся в деле фотоснимок лица ребенка после ожога. На нем ясно видно, что центр ожога находится над переносицей, откуда едкая жидкость растеклась по глазам, закрыв навсегда один из них и оставив рубец на веке второго. Вспомним показания профессора Пхакадзе, который первым из хирургов осматривал ребенка непосредственно после ожога. Он утверждает, что по характеру ожога можно сделать вывод, что он произошел не от того, что плеснули в лицо кислоту, а от вытирания ватой, намоченной в кислоте.

Опытный врач Годунова, работающая десятилетия в акушерских отделениях, показала, что няни обычно промывают глаза новорожденным не так, как положено, — от периферии к переносице, а выжимают ватку над переносицей и затем проводят ею по глазам ребенка от центра к периферии.

Не произошло ли это и в данном случае? Ведь тех 15 минут, о которых я говорил, было более чем достаточно для того, чтобы скрыть следы допущенной ошибки и уничтожить и ватку и флакон!

Не более ли вероятен и правдоподобен такой ход событий, чем обвинительная версия о чудовищном злодеянии Новинской?

Конечно, это только предположение, недостаточное для выводов о том, что Березова и Лавриненко допустили преступную небрежность, но предположение, значительно более обоснованное, чем то, на котором зиждется обвинение Новинской.

К несчастью, предварительное следствие по этому делу страдает невосполнимыми уже пробелами. И допущены они потому, что следователь нарушил основную заповедь — не увлекаться одной версией, не принимать поспешного решения и не упускать из поля своего зрения все другие возможные по обстоятельствам дела версии.

Приняв за основу показания Березовой без критической их оценки, сразу предположив умышленное преступление и заподозрив в нем Новинскую, следователь увлекся этой версией, оставив без тщательного исследования все обстоятельства дела и все иные возможные версии. Уделив все свое внимание слухам и сплетням, изучению личной жизни Новинской, чтению ее школьных дневников и давних писем, следователь забыл выполнить элементарные следственные действия, прямо предусмотренные законом.

Следователь, прибывший на место через час после события, не произвел даже осмотра места происшествия. Не были изъяты лекарства и посуда, находившиеся в детской комнате, не было проведено личного осмотра рук и халатов обслуживающего персонала — Лавриненко и Березовой, на которых могли остаться следы кислоты; отсутствует акт изъятия этих халатов; неизвестно, кем и когда собраны и изъяты ватки и тампоны, приобщенные к делу в качестве вещественных доказательств, которые якобы находились в детской палате.

Упущено все, что могло пролить свет на действительные обстоятельства этого печального дела.

Вот к чему ведет односторонность исследования дела!

В результате таких существеннейших пробелов следствия и забвения следователем элементарнейших обязанностей при расследовании преступления действительные виновники происшедшего несчастья не изобличены.

Новинская невиновна в предъявленном ей обвинении, и я прошу вынести ей оправдательный приговор.

Всякое иное решение этого дела будет тяжелой судебной ошибкой.

Я надеюсь, товарищи судьи, что вы не совершите такой ошибки!

Речь члена Ленинградской
областной коллегии адвокатов
Е. Б. Зайцева
в защиту Л. Ю. Буканова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

Начальник учебной части альпинистского лагеря «Алибек», заслуженный мастер спорта Буканов обвинялся в том, что, превысив свои служебные полномочия, незаконно утвердил учебно-тренировочное восхождение 4-го и 2-го отделений III отряда на вершину Семенов-Баши (в районе курорта Тиберды) 1-Б категории трудности и невнесенную в список учебно-тренировочных вершин.

Как указано в обвинительном заключении, вследствие этого 22 июля 1949 г. при спуске с указанной вершины 2-го отделения под руководством мастера спорта Поповой погибли двое начинающих альпинистов: Тищенко и Смирнова.

Буканов был предан суду по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 ч. 1 УК РСФСР.

Инструктор альпинизма мастер спорта Попова обвинялась в том, что допустила преступно-халатное отношение к своим обязанностям тем, что лично шла вне связки и без страховки. Этим создала неправильное представление о легкости пути и ненужности страховки. Кроме того, она избрала более сложный вариант пути, а не пошла по тому пути, по которому благополучно спустилось вниз отделение инструктора Рубинштейна.

Попова была предана суду по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 111 УК.

По делу на предварительном следствии и в суде была проведена экспертиза, в которой приняли участие

видные мастера альпинистского спорта и ученые, имеющие звание заслуженных мастеров альпинистского спорта, в частности член-корреспондент Академии наук СССР математик А. Д. Александров.

Дело слушалось в Народном суде в Ленинграде в марте 1950 г.

Суд вынес Буканову и Поповой оправдательный приговор, который вступил в законную силу.

РЕЧЬ АДВОКАТА Е. Б. ЗАЙЦЕВА

Товарищи судьи!

В течение трех дней этого не совсем обычного процесса вы со всей тщательностью, вооруженные всеми данными, которыми располагает современная наука для правильного разрешения дела, старались постичь истину.

Трагическая сущность дела заключается в том, что две молодые жизни оборвались внезапно, оборвались нелепо в начале своего жизненного пути, оборвались на пороге расцвета творческих сил.

Защита понимает эту трагическую особенность, понимает переживания близких и родственников Андрея Тищенко и Лили Смирновой, которые, по всей вероятности, сидят в зале суда.

Однако прежде всего мы должны ответить на прямой, короткий и ясный вопрос: есть ли причинная связь между действиями людей, сидящих на скамье подсудимых, в частности Буканова, которого я защищаю, и гибелью Тищенко и Смирновой? Если такая связь отсутствует, наш закон знает одно решение для суда, и это решение — оправдательный приговор.

Необходимо указать, что каждый судебный процесс, как учил нас основатель Советского государства Владимир Ильич Ленин, преследует не только цель наказания преступников, но и является средством воспитания наших людей в духе преданности социалистической Родине, в духе социалистической дисциплины.

Альпинистский спорт по своему характеру и особенностям протекает в обстановке, напоминающей условия, в которых действует воинская часть. Как в воинских частях, так и в группах альпинистов дисциплина на первом месте. Малейшее нарушение дисциплины в горах, хотя бы нарушителю в момент нарушения дисциплины оно казалось пустяшным, может привести, как и привело в данном случае, к трагическим последствиям.

Советский альпинизм имеет свою историю и свои особенности. Этот вид спорта учит борьбе с суровой горной природой, дает радостное чувство победы над этой природой, позволяет созерцать красоты горных пейзажей и закаляет организм. Таковы особенности этого вида спорта, которые завоевали ему широкую массовую базу. Достаточно сказать, что в СССР, как ни в одной другой стране в мире, альпинизм стал подлинно массовым спортом.

Обеспечение безаварийности при спортивных и исследовательских восхождениях, обеспечение людей во время высокогорных восхождений всем необходимым — все это задачи первостепенного значения.

Советский альпинизм, как и советский спорт в целом, коренным образом отличается от спорта буржуазного. Там, в капиталистических странах пренебрегают человеческой жизнью; там на первом месте стоит рекорд, который превыше всего и важнее всего; там одиночки вступают в борьбу с природой в поисках сильных ощущений и нередко гибнут.

Совсем иное основание альпинистского спорта у нас. Задача нашего альпинистского спорта—укрепление воли и развитие духа коллективизма и дисциплины у наших людей. У нас категорически воспрещается всякое пренебрежение правилами безопасности, категорически воспрещается восхождение одиночек на трудные вершины. Вот прочный фундамент тех рекордов, которые ставят наши альпинисты.

Эти особенности горной обстановки и продолжительная физическая работа во время высокогорных перевальных походов и восхождений, как я уже сказал, закаляют организм альпиниста и воспитывают ценнейшие психофизические качества: смелость, выносливость, волю к победе, дисциплину, самоотверженность, коллективизм.

Дисциплина в альпинистском спорте — фактор первостепенной важности и значения. Каждый, кто служил в армии, знает, сколько ненужных жертв в боевой обстановке может вызвать малейшая неосторожность; малейшее нарушение приказа, неосторожно оброненное слово, звон оружия, появившаяся из-за укрытия голова, мерцающий огонек папиросы — все это может повлечь тяжелые последствия не только для нарушителя, но и для его ни в чем неповинных товарищей, может провалить тщательно подготовленную операцию и вызвать много жертв.

В альпинизме события развертываются в обстановке, весьма напоминающей боевые действия. И как бы ни был опытен инструктор, как бы тщательно ни было проверено снаряжение, как бы ни были проинструктированы люди, как бы долго ни упражнялись в искусстве восхождения на гору, если они не прониклись духом дисциплины, не прониклись сознанием, что малейшее нарушение дисциплины может иметь тяжелый и даже смертельный исход, — альпинистский спорт не может дать хороших в смысле рекордов результатов, не может стать безаварийным.

В свете этой специфики альпинистского спорта нам надо выявить обстоятельства дела, которое мы с вами разбираем.

Мне кажется, что сейчас, после допроса многочисленных свидетелей, после детальной проверки их показаний, после заключения авторитетной экспертизы, обстановка, в которой произошли трагические события, совершенно ясна.

Мы допросили четырех свидетелей, которые стояли в момент катастрофы в 1,5—3 метрах от места аварии. Они видели, что произошло, и четко об этом рассказали. Это — Саввон, Вознесенская, Лебедев, Пигулевская — люди второй связки, которые готовились к спуску. Они рассказали точно то же, что и люди, оставшиеся в живых из первой связки,—Якимова и Некрасов. Это редкий случай, когда показания шести свидетелей так совпадают в общем и в деталях. Это совпадение показаний в значительной степени упрощает вашу задачу — найти правду.

Все эти свидетели, все шесть человек показали, что желоб, в котором произошла авария, был легко проходим. Вознесенская с некоторой, правда, долей преувеличения, свойственной молодости, показала, что пройти по этому желобу все равно, что пройти по Невскому проспекту. Во всяком случае все утверждали, что можно было спуститься по нему на ногах, не прибегая к помощи рук. Все свидетели после уточнения этого вопроса показали, что «живой камень» лежал не в желобе, а на гребне, и можно было пройти желоб, не касаясь камня. Не было необходимости к нему прикасаться.

Все свидетели показали — и это является бесспорным, что Тищенко стал спускаться раньше времени, не дождавшись команды, имея на руке (тут были некоторые расхождения, вполне естественные, потому что субъективное впечатление свидетеля всегда остается субъективным), по словам одних свидетелей, два свободных кольца веревки, по словам вторых — три кольца, по словам третьих — одно свободное кольцо. Во всяком случае бесспорно, что свободный конец веревки в распоряжении Тищенко еще оставался. И тут мы подходим к центральному вопросу в связи с совершившимся — к вопросу, который интересовал суд и стороны, но который, по-моему, совершенно безнадежно

пытаться разрешить,—это вопрос, почему,Тищенко взялся за «живой камень». Этот вопрос невозможно разрешить потому, что на него смог бы ответить один человек, ответить с полной достоверностью, этот человек— Андрей Тищенко. Погибнув, он эту тайну унес с собой. Все остальное, все соображения свидетелей по этому вопросу являются догадками, и только догадками.

Могу и я предложить вашему вниманию свои соображения, попытаться объяснить, почему Тищенко взялся за «живой камень».

Я категорически отвергаю версию о том, что Тищенко мог взяться за камень из озорства. Я потом попытаюсь охарактеризовать Тищенко и скажу, почему такое озорство, близкое к преступлению, ни в коем случае не могло иметь места.

Почему же мог взяться за «живой камень» Тищенко?

Тищенко мог взяться за «живой камень» вследствие неожиданного головокружения, которое может случиться со всяким на горной вершине, хотя бы и такой относительно небольшой высоты, как четыре тысячи метров над уровнем моря. Это головокружение могло быть вызвано кислородным голоданием. Хотя дно желоба было из твердой и прочной породы, совершенно гладкое, о чем говорили свидетели, но у Тищенко могла подвернуться нога, он мог оступиться, как иногда оступаются на гладком тротуаре благоустроенного проспекта. С Тищенко могла произойти тысяча случайностей, о которых мы сейчас может только гадать. Но факт остается фактом: он взялся за «живой камень», при тех или иных условиях он, очевидно, потерял равновесие.

В чем же тогда заключается нарушение дисциплины Тищенко?

Но раньше чем перейти к рассмотрению этого нарушения дисциплины, являющегося, по моему глубокому убеждению, причиной несчастья, которое мы здесь исследуем, я хочу в нескольких словах дать характеристику

Андрею Тищенко, основанную на свидетельских показаниях и материалах настоящего дела.

Я категорически отметаю всякий намек на то, что Тищенко был трус, хотя такие намеки в деле есть, и вот почему.

По показаниям свидетелей, Андрей Тищенко в Кавголово прыгал на лыжах с большого трамплина. Вы слышали, как свидетели-альпинисты говорили, что даже опытный альпинист не всегда рискнет прыгать на лыжах с трамплина, ибо для этого требуются большая выдержка и воля. Кто знаком с лыжным спортом и видел лыжника, отделяющегося от трамплина и парящего в воздухе, тот скажет, что такой человек может быть кем угодно, но только не трусом.

Характеристика, которую дал свидетель Великсон, показывает, что он считал Тищенко альпинистом, стоящим на среднем или выше среднего уровне.

Товарищи судьи, для того чтобы убедиться в том, что Тищенко был не только смелым человеком, но и человеком самоотверженным, я напомню одну деталь его гибели, деталь, которую подтвердили все свидетели.

Когда Тищенко взялся за «живой камень», взялся по неизвестной нам причине, и когда он почувствовал, что этот камень действительно «живой», что этот камень начал отваливаться и что ему грозит немедленная гибель, что крикнул тогда Андрей Тищенко? Задумайтесь над этим, товарищи судьи.

Тищенко не крикнул своим спутникам «страхуйте!», т. е. спасите меня. В эту роковую для него минуту он думал не о себе. Его первая и, может быть, последняя мысль была о товарищах, о Лиле Смирновой, которую он погубит, если не даст знать об опасности. И он крикнул «камень!», т. е. дал сигнал тревоги на условном языке альпинистов.

Если все это сопоставить, мы придем к бесспорному и правильному выводу, что Тищенко был человеком волевым, человеком смелым, человеком самоотверженным, и тень трусости, наложенная на него этим делом, по справедливости должна быть снята.

Вместе с тем Андрей Тищенко был не только смелым, но и жизнерадостным человеком, это подтвердила подсудимая Попова; говорили об этом и свидетели. Это был человек живой, общительный. Его живость и общительность сказывались и в том, что во время восхождения он всегда хотел поделиться впечатлениями, поговорить с товарищами; и это был человек немного легкомысленный, как это часто, товарищи судьи, бывает в 19 лет, в этом чудесном возрасте, когда организм полон бодрости и сил, когда воля человека подчас не знает препятствий и еще не всегда правильно умеет их оценивать.

Таков светлый образ молодого советского человека — Андрея Тищенко.

Но, товарищи судьи, Андрей Тищенко еще не успел усвоить, несмотря на то, что был он смелый и волевой человек, советское понимание героизма. Он, может быть, был слишком молод для этого, слишком мал был его житейский опыт, и потому так трагически оборвался его жизненный путь. Он еще не постиг принципов нашего советского героизма, которые гласят, что смелость должна сочетаться с точным расчетом и знанием дела и должна быть соединена с чувством дисциплины и спаянности с коллективом.

И вот, не постигнув этих принципов советского героизма, советской смелости, тех принципов, которые позволяли и позволяют нашим людям совершать чудеса и в мирной и в боевой обстановке, не постигнув этих принципов, Андрей Тищенко нарушил дисциплину страховки, сам погубил себя и погубил Лилю Смирнову.

Вот такова правда, вот таковы обстоятельства этого дела.

Как же все произошло? А произошло все очень просто, и нам сейчас все это очень ясно.

Когда связка, в которой были Тищенко и Смирнова, подошла к месту спуска, к тому желобу, который оказался роковым, Попова отдала совершенно ясную команду. Она сперва спустилась вниз, обследуя путь, затем поднялась наверх, проинструктировала людей и еще раз, хотя она могла, по существующим у альпинистов правилам, второй раз не идти, снова спустилась вниз и отдала команду: идти с попеременной страховкой, кроме первого и последнего, которые идут один с верхней, другой — с нижней страховкой, и трогаться, только выпустив предыдущего на полную веревку и получив команду о спуске от нее, Поповой.

Совершенно ясная, точно отданная команда была передана по цепочке самим Тищенко. Это было подтверждено шестью свидетелями.

Благополучно прошел Некрасов и стал на страховку, благополучно прошла Якимова и тоже стала на страховку. Благополучно двинулась в путь и почти прошла желоб Смирнова. И в эту минуту Тищенко пошел вперед, не выпустив Смирнову на полную веревку, пошел вперед, когда на руке у него оставалось два или три свободных кольца веревки, пошел вперед, когда Смирнова, обращенная спиной к нему, не только не могла страховать Тищенко, но сама нуждалась в страховке, пошел вперед, не дождавшись команды Поповой. Когда Смирнова находилась на конце желоба, в самой критической точке и когда перед нею были два пути: или налево, на площадку к Якимовой, где Смирнова должна была стать на страховку Тищенко, или прямо — в пропасть, Тищенко пошел вперед. В этот момент Смирнова, находясь спиной к нему на самом опасном участке пути, не могла видеть его движения, не только не могла его страховать, но сама оказалась беспомощной, так как удар был нанесен в спину, удар

внезапный и страшный, и ушли в пропасть: первая Смирнова, второй—Тищенко.

Вот из-за чего произошла катастрофа. Из-за небольшого, казалось, нарушения дисциплины: Андрей Тищенко двинулся на одну-две секунды раньше срока, не выпустив до конца веревку, не дождавшись команды Поповой. Вот почему погиб Тищенко, вот почему увлек он за собой Смирнову.

В альпинистской практике взаимная страховка—одна из форм обеспечения безопасности. Вот что говорится об этом в книге «Альпинизм»:

«Большинство несчастных случаев в горах происходит от незнания или пренебрежения техникой страховки... Однако страховка только тогда вполне надежна, когда техника выполнения ее приемов безукоризненна» (стр. 49).

Дальше авторы пишут: «Для того чтобы осуществить взаимную страховку, альпинисты связываются по два-три человека одной веревкой. Это обстоятельство является одним из серьезнейших в альпинизме: ведь связавшись вместе, альпинисты добровольно доверяют друг другу свою жизнь. Такое доверие предполагает исключительно внимательное, добросовестное, а иногда и самоотверженное отношение к страховке» (стр. 51).

Такого исключительно внимательного отношения Андрей Тищенко не проявил.

Что же, товарищи судьи, произошло в момент, когда сорвалась Смирнова, когда падал Тищенко? Что произошло на площадке, где стояла Якимова, которая страховала приемом «через поясницу».

Авторы книги «Альпинизм» характеризуют страховку «через поясницу» следующим образом:

«Способ страховки, позволяющий удержать сорвавшегося альпиниста, даже в случае свободного падения» (стр. 53).

Я обращаю ваше внимание на эти слова — «даже в случае свободного падения». Следовательно, свободное падение — это тот случай, когда всего труднее удержать сорвавшегося. А здесь в свободное падение перешли сразу двое — Тищенко и Смирнова. Естественно, что в этих условиях ничто не могло предотвратить их гибели: ни самый надежный способ страховки, который применила Якимова,— «страховка через поясницу», ни самая лучшая веревка, отвечающая всем требованиям, предъявляемым к «основной веревке страховки». Ничто, повторяю, не могло предотвратить их гибели. Это, товарищи судьи, не голословное утверждение, оно находит прочную опору в материалах дела.

Так, в заключении специальной комиссии (лист д. 27), обследовавшей место катастрофы, прямо сказано, что если бы веревка выдержала натяжение, возникшее в результате падения Тищенко и Смирновой, то страховавшая Якимова и навалившаяся на нее Попова не сумели бы удержать эту веревку и были бы также сорваны в пропасть.

Но могла ли выдержать веревка это натяжение? Нет, не могла. И я напомню вам мой вопрос экспертизе по этому поводу и ее ответ.

Вопрос защиты экспертизе: «Веревка, которой страховались Тищенко и Смирнова, подверглась двойному динамическому удару в результате свободного падения Тищенко и Смирновой.

Учитывая путь свободного падения тел Тищенко и Смирновой, поправку на скольжение веревки по скалам и дополнительное усилие на срез веревки в результате этого скольжения, могла ли выдержать это усилие веревка, отвечающая всем нормам, предъявленным к основной веревке страховки?»

Ответ экспертизы: «Принимая во внимание все имеющиеся в материалах следствия данные о характере

падения Тищенко и Смирновой и основываясь на расчетах прочности веревки, приведенных в работе заслуженного мастера спорта кандидата технических наук Каюковой, экспертиза считает, что даже веревка, отвечающая всем нормам, т. е. прочностью на разрыв в 1000—1200 килограммов, при динамической нагрузке могла не выдержать удара».

Значит, в этих условиях гибель Тищенко и Смирновой была неминуемой, так как усилие, которое возникло на конце веревки, равнялось примерно двум тоннам, а такой удар не могла выдержать ни одна веревка.

Что же происходило в это время на площадке, где стояла Якимова? Вы легко представляете себе, товарищи судьи, с какой силой врезалась веревка в руки Якимовой, вы помните показания Якимовой и Поповой о том, как шла кровь из раненой руки Якимовой и как ее сильно рванула веревка, прижав к скале. Вы слышали рассказ о том, как Попова, не думая о своей личной безопасности, навалилась на Якимову, чтобы попытаться спасти сорвавшихся и обезопасить Якимову.

Вы помните, как у нее загорелась искра надежды, что, возможно, удастся спасти две молодые жизни, когда веревка дала очень сильное и резкое натяжение, которое Попова и Якимова с трудом сдерживали.

Вы помните, что когда веревка ослабла,—эта искра надежды потухла, и Попова бросила одно слово: «Все!»

Вот как происходили события, вот как они подтверждены автеритетной экспертизой.

Я не случайно поставил экспертизе вопрос о том, могла ли выдержать двойной динамический удар в результате свободного падения двух тел веревка, отвечающая всем требованиям основной веревки.

Я не случайно поставил экспертизе и второй вопрос: есть ли причинная связь между недостаточной подго-

товленностью лагеря «Алибек» и происшедшей катастрофой?

Я поставил эти два вопроса экспертизе, хотя и мог, согласно нашему процессуальному закону (ст. 311–313 УПК), эти вопросы и не ставить. Я мог эти вопросы не ставить потому, что в формулу обвинения Буканову не входит ни обвинение в плохой подготовке лагеря к приему альпинистов, ни обвинение в снабжении группы Поповой недоброкачественной веревкой.

Защита поставила эти вопросы потому, что она заинтересована в том, чтобы в этом деле не было неясных мест.

Я не хотел, чтобы в вашем сознании оставалась хотя бы тень сомнения в том, что веревка, ее качество, подготовленность лагеря имеют малейшее отношение к тому, что произошло.

Теперь, после ответа экспертизы, ясно, что какого бы качества ни была веревка, она не могла выдержать динамического усилия, равного примерно двум тоннам. Теперь ясно, что степень подготовленности лагеря к приему альпинистов также не имеет никакой связи с катастрофой.

Таковы, товарищи судьи, обстоятельства этого дела; такова истинная картина происшествия, которое может быть охарактеризовано как следствие нарушения Андреем Тищенко элементарных правил дисциплины в горах.

Теперь несколько слов о том конкретном обвинении, которое предъявлено Буканову. Ведь Буканову предъявлено одно единственное обвинение. Согласно обвинительному заключению, оно состоит «в том, что Буканов, являясь начальником учебной части альпинистского лагеря «Алибек» ЦС ЛСО «Наука», превысив свои служебные полномочия, незаконно 20 июля 1949 г. утвердил учебно-тренировочное восхождение 1-го и 2-го отделения III отряда на вершину Семенов-Баши, рас-

положенную в районе курорта Теберды Грузинской ССР, 1-Б категории трудности и не внесенную в список учебно-тренировочных вершин, вследствие чего 22 июля 1949 г. при спуске с указанной вершины 2-го отделения под руководством мастера спорта Поповой произошла гибель двух начинающих альпинистов — Тищенко и Смирновой, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 110, ч. 1 УК РСФСР».

Вот единственное обвинение, которое предъявлено Буканову.

Когда я читал обвинительное заключение, составленное в результате проведенного по делу предварительного следствия, я задавал себе один вопрос: если по инструкции можно вести новичков после соответствующей подготовки в предгорьях на высоты 1-А и 1-Б категорий трудности, то почему высота становится безопасной, когда она зарегистрирована? Почему она становится безопасной в результате этого формального акта? Я этого никак не могу понять.

В инструкции «О порядке разрешения учебных и спортивных альпинистских мероприятий», утвержденной Комитетом по делам физкультуры и спорта от 28 июня 1949 г., нет указаний на то, что учебно-тренировочные восхождения могут разрешаться только на вершины, ежегодно утверждаемые для каждого горного района Комитетом по делам физкультуры и спорта при Совете Министров СССР. Наоборот, подразделяя альпинистские мероприятия на учебные, спортивные и исследовательские и говоря о сложности восхождения, эта инструкция в § 3 примечания 1 говорит: «Категории трудности определяются по издаваемой Всесоюзным комитетом Классификационной таблице вершин и перевалов СССР».

В § 22 этой же инструкции говорится, что в план альпинистских мероприятий могут быть включаемы, кроме основных, резервные альпинистские объекты

(перевалы, вершины). Резервные объекты по категории трудности не должны быть выше основных.

Учитывая это, а также и то, что регистрация вершин и перевалов, согласно программе «Альпинизм» (приложение 1 § 2, примечание 1), имеет в виду только обеспечение выполнения нормативных требований при сдаче на значок «Альпинист СССР I ступени», можно считать, что учебно-тренировочные восхождения, не входящие в зачетные нормативы, могут производиться на любую высоту 1-А и 1-Б категории трудности, независимо от того, зарегистрирована эта высота или нет.

Следовательно, поскольку вершина Семенов-Баши, согласно «Классификационной таблице вершин и перевалов СССР», отнесена к 1-Б категории трудности, Буканов в соответствии с § 13 указанной выше инструкции мог разрешить учебно-тренировочные восхождения на нее для групп Рубинштейна и Поповой, тем более, что письмо начальника отдела альпинизма и туризма за № 0444 от 3 марта 1950 г. указывает, что порядок выпуска групп на восхождение определяется только этой инструкцией.

И теперь, после того как мы тщательно проанализировали это дело, экспертиза вынуждена была признать, что регистрация высот относится к зачетным высотам, связанным со сдачей на значок «Альпинист СССР I ступени», но эта регистрация не имеет чудесных свойств, которые придают безопасность движению по горам. Эта регистрация имеет целью только проконтролировать строгость требований, предъявляемых на зачетах к молодым альпинистам. Для того чтобы не снизить этих требований, и необходима эта регистрация. Никакой безопасности любому горному маршруту регистрация не придает и придать не может.

Вот что говорит экспертиза по этому поводу: «Разрешение траверса Семенов-Баши для группы начи-

нающих альпинистов соответствовало инструкциям альпинизма».

Таким образом, бесспорно, и это подтверждено экспертизой, что восхождение на вершину Семенов-Баши могло быть разрешено как тренировочное и Буканов совершенно законно санкционировал это мероприятие.

Товарищи судьи, это мнение не только экспертов, что высота Семенов-Баши по своей трудности отвечала требованиям для восхождения группы Поповой. Есть широко известная книга Делоне «Вершины западного Кавказа», в которой автор описывает восхождение на вершину Семенов-Баши. Вот что он говорит: «Отсюда идут по легким скалам на восточный гребень и по его скалам, тоже легким,—на вершину» (стр. 59).

Что же такое по альпинистской терминологии «легкие скалы»? У нас есть авторитетное разъяснение этого термина. Мы его находим в уже цитированной книге «Альпинизм», где сказано:

«Обычно скальные склоны делят по степени трудности на три группы: трудные скалы, скалы средней трудности и легкие скалы». И дальше: «Легкими скалами называются такие скалы, по которым можно идти без помощи рук, лишь иногда используя их для поддержания равновесия или страховки... Это некрутые склоны, поверхность которых достаточно шероховата для того, чтобы не скользили ноги» (стр. 65).

Как видите, Делоне характеризует восхождение на вершину Семенов-Баши, как восхождение по легким скалам; с другой стороны, легкие скалы, как указывает учебное пособие — книга «Альпинизм»,— это такие скалы, где подъем производится без помощи рук, и к помощи рук прибегают только для поддержания равновесия или страховки. Ноги на этих скалах не скользят. Таковы доказательства, характеризующие вершину Семенов-Баши, таково мнение экспертов.

Наконец, весьма любопытно заявление свидетеля Великсона. Этот свидетель рассказал, что он консультировал Попову по поводу маршрута на вершину Семенов-Баши. Он, если мне не изменяет память, восходил на эту вершину и характеризовал ее как легкую. А когда у него спросили, у кого он сам получил консультацию по поводу этой якобы недозволенной, по материалам предварительного следствия, вершины, не дозволенной для восхождения новичков, он сказал, что получал консультацию не у кого иного, как у уважаемого члена экспертной комиссии товарища Громова, который тоже водил новичков на эту вершину.

Великсон подтвердил, что в лето 1949 г. на вершину Семенов-Баши восходили многочисленные группы новичков, что, в частности, он, Великсон, нашел на вершине Семенов-Баши записку, оставленную группой, пришедшей из лагеря «Молния».

Свидетель профессор Кватор рассказал, как с членом экспертной комиссии товарищем Александровым они, как выразился Кватор, «шутя и играя, между завтраком и обедом, почти «оседлали» эту вершину».

Наконец, в книге «Альпинизм — руководящие материалы» имеется «Классификационная таблица вершин и перевалов СССР», где указана трудность восхождений, и там вершина Семенов-Баши числится под № 38 как вершина 1-Б категории трудности (стр. 33).

Мне кажется, что после всех этих указаний, после авторитетного заключения экспертной комиссии, после исчерпывающих указаний, которые дает § 13 инструкции Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта и «Классификационная таблица», — после всего этого не может быть никаких сомнений в том, что мой подзащитный Буканов совершенно законно и совершенно правильно разрешил группе новичков восхождение на вершину Семенов-Баши, и это единственное обви-

нение, которое ему было предъявлено, должно отпасть.

В этой связи, заканчивая анализ улик по делу, я должен сказать несколько слов об единственном свидетеле, который давал неблагоприятные для подсудимых и, в частности для Буканова, показания. Я должен сказать несколько слов о свидетеле Кудинове. Будучи в составе комиссии, расследовавшей причины катастрофы, т. Кудинов, да и вся комиссия не вышли на место происшествия, не беседовали ни с одним свидетелем этого несчастного случая. Кудинов не мог вспомнить ни одной фамилии свидетеля, с которым комиссия бы беседовала. Когда мы просили Кудинова сослаться на инструктивные, руководящие материалы, он не мог привести ни одного источника в подкрепление своего мнения о виновности Буканова и Поповой. Между тем он знал, по какому вопросу его вызывают в качестве свидетеля, он знал, о чем его будут спрашивать. Он ничего не смог ответить, так как ему нечего было ответить. И тогда под огнем перекрестного допроса сторон он должен был признать, что единственное, что сделала его комиссия, это «перепроверила» работу предыдущей комиссии. Но в чем конкретно выразилась эта «перепроверка», он объяснить не смог. Да и что тут можно было объяснить! Вот единственный свидетель обвинения против Буканова. Никто больше о нем плохого слова не сказал. И это одинокое плохое слово повисло в воздухе, как ни на чем не основанное.

Товарищи судьи, заканчивая свои объяснения по делу, я, как полагается юристу, должен поставить перед вами вопросы правовые.

Эти правовые вопросы заключаются в следующем: установлена ли причинная связь между неподготовленностью лагеря и происшедшей аварией, установлена ли причинная связь между фактом разрешения восхож-

дения на незарегистрированную вершину Семенов-Баши и гибелью Тищенко и Смирновой?

Я утверждаю, что все приведенные выше соображения говорят о том, что такой причинной связи не было.

Какое же юридическое значение имеет это отсутствие причинной связи?

В науке уголовного права и в судебной практике твердо установлено положение, что уголовная ответственность за вредный результат наступает тогда, когда между неправильным действием должностного лица и вредным результатом установлена причинная связь. Это положение было выражено во множестве решений верховных судов союзных республик и Верховного Суда СССР. В общем виде оно может быть сформулировано таким образом: лицу, совершившему то или иное деяние, наступившие объективные последствия могут быть вменены в вину лишь в том случае, когда последствия явились результатом его действий, т. е. только в том случае, когда между деянием и последствием имеется причинная связь, установление каковой и является важнейшей задачей предварительного и судебного следствия. Конечно, одной причинной связи недостаточно для уголовной ответственности — необходима вина, т. е. умысел или неосторожность. Но при отсутствии причинной связи во всяком случае не может быть уголовной ответственности за имевшие место вредные последствия.

Во многих случаях наличию причинной связи между действием и результатом придавалось решающее значение при рассмотрении вопроса о составе преступления, предусмотренного ст. 109 УК РСФСР.

В равной мере это относится и к делам о преступлениях по ст. 110 УК, по которой судится Буканов.

Между действиями Буканова и трагической гибелью двух молодых альпинистов нет никакой причинной

связи, а потому в действиях Буканова нет состава преступления.

Таковы те обстоятельства дела, товарищи судьи, которые позволяют мне утверждать, что Буканов не виновен в том преступлении, которое вменяется ему в вину.

Я закончу свои объяснения тем, что попытаюсь в нескольких словах охарактеризовать личность моего подзащитного. Это необходимо сделать потому, что советские судьи за бумажными листами дела никогда не перестают видеть живого человека, сидящего на скамье подсудимых, страдающего и ожидающего справедливого приговора.

Говоря о Буканове, я прежде всего позволю себе сослаться на ту характеристику, которую дала ему кафедра физической культуры Ленинградского государственного университета.

В этой характеристике сказано следующее: «Имея большой опыт работы по альпинизму, возглавлял эту работу на кафедре. Им была подготовлена программа по альпинизму для студентов университета.

Буканов с большой любовью и энтузиазмом относился к своей работе. Студенты этой специализации, участвуя в соревнованиях по зимним видам спорта (слалом), занимают первые места. Буканов пользовался авторитетом среди студентов и преподавателей. Буканов вел исследовательскую работу, выполнял партийные и общественные поручения».

Товарищи судьи! Что представляет собой Буканов как советский спортсмен?

Буканов был в числе тех, кто стоял у колыбели альпинизма в нашей стране. Он был одним из тех, кто превратил альпинизм в массовый вид советского спорта. Его имя, как имя одного из славных зачинателей советского альпинизма, упоминается в руководящих альпинистских материалах: Так в книге «Альпинизм» на

стр. 11 сказано: «Советские альпинисты совершили ряд восхождений, о которых иностранные спортсмены говорили, что они почти невозможны. Это — траверс Ужбы, Шхелды». На стр. 42 программы по альпинизму мы читаем, что траверс Ужбы — одной из труднейших в Советском Союзе вершин — сделан в 1940 году группой, возглавлявшейся Букановым.

Товарищи судьи, альпинизм—это массовый спорт, но руководителей этого движения, мастеров этого спорта не так много. В этом отношении характерны статистические данные за 1947 г. Вот эти данные: «У нас насчитывается более 70 тысяч спортсменов, имеющих значок «Альпинист I ступени», около 500 значкистов II ступени, более 50 мастеров спорта и 13 заслуженных мастеров спорта СССР» («Альпинизм», стр. 12). . .

Как видите на эту 70-тысячную армию альпинистов имеется всего 50 мастеров спорта и только 13 заслуженных мастеров спорта. Буканов был в числе заслуженных мастеров спорта и лишен этого звания в связи с настоящим делом.

От вашего приговора зависит, будет ли он восстановлен в этом звании.

Заканчивая характеристику Буканова, я хотел бы напомнить слова свидетеля Кватора: «Буканов—это вдумчивый, любящий свое дело, бесстрашный, волевой альпинист. С ним я предпринял восхождение на одну из опаснейших вершин в Союзе. С ним пойду на любое восхождение. Ему я смело вручаю свою безопасность в горах». Это сказал не увлекающийся юноша, это сказал профессор Кватор, у которого седина на висках и 20 лет альпинистского стажа.

Таков бывший мастер спорта Буканов, судьбу которого вы должны сегодня решить.

Буканов тяжело переживает происшедшее; он, еще и еще раз анализируя все события, хочет ответить са-

мому себе, есть ли его доля вины в гибели двух молодых людей. Ему бесценно дорога жизнь вверенных ему людей, ему дорого его доброе имя — заслуженного мастера спорта СССР.

Вы должны его оправдать, и вы это, несомненно, сделаете. Но этот случай наложил на него неизгладимый след.

Коммунистическая партия воспитывает советских людей и рядовых работников и заслуженных руководителей в духе беспредельной преданности своему народу, своей Родине. Честь и доброе имя советского гражданина для наших людей безмерно дороги, и Буканову дорога его честь. Честь Буканова, до сих пор незапятнанная, подвергается тяжкому испытанию. И я прошу вашим оправдательным приговором эту честь полностью восстановить, чтобы Буканов не ушел от советского спорта, от советского альпинизма, чтобы он мог и дальше достойно нести высокое звание честного советского человека.

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов С. К. Казначеева в защиту А. З. Прахова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

С 31 марта по 18 апреля 1947 г. в Московском городском суде слушалось дело группы лиц, обвинявшихся в систематическом хищении тканей из швейных фабрик и магазинов Москвы с последующей их перепродажей. В числе других подсудимых был заместитель директора магазина Прахов, которому инкриминировалось, что он, войдя в преступную связь с директором одной из швейных фабрик Косовым, с целью сокрытия хищения 2344 метров тканей и 800 тюфячных наволочек подписывал бестоварные накладные на этот товар и списывал их через магазин, за что получил от Косова 55 тысяч рублей.

Прахов был приговорен к лишению свободы на 10 лет с конфискацией имущества по закону от 7 августа 1932 г.

27 мая 1947 г. приговор этот был отменен Верховным Судом РСФСР, а дело было передано на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Второй раз дело это слушалось в Московском городском суде с 12 февраля по 2 марта 1948 г.

Приговором от 2 марта 1948 г. Прахов был оправдан. Оправдательный приговор был опротестован прокурором. 16 апреля 1948 г. приговор этот был оставлен в силе Верховным Судом РСФСР.

РЕЧЬ АДВОКАТА С. К. КАЗНАЧЕЕВА

Товарищи судьи!

Большинство подсудимых по этому делу на предварительном следствии признали себя виновными. Признания эти прокурор без достаточных к тому оснований именует чистосердечными.

За много дней судебного следствия мы встречались с такими случаями, когда признания, данные по этому делу на предварительном следствии, явно не соответствовали фактам, а иногда и оказывались в очевидном противоречии даже со здравым смыслом.

Нельзя не обратить внимания на то, что признания обвиняемых на предварительном следствии начинались одними и теми же стандартными словами.

Признание Сажина начинается так: «Во изменение данных мною показаний я хочу чистосердечно рассказать о моих преступлениях...»

Таковы же первые слова признания Зобова: «Во изменение данных мною показаний я хочу показать действительную правду...»

Такими же словами начинаются и признания всех остальных подсудимых.

Однако эти признания в дальнейшем подвергались сильным изменениям. Эволюция показаний большинства обвиняемых была такова, что один вариант «правды» не был похож на другой. Весьма красочным примером этого являются показания отсутствующего здесь Сажина, связанные с действиями Косова.

Изобличая Косова по эпизоду с тюфячными наволочками, Сажин дал несколько вариантов показаний, противоречащих друг другу и противоречащих документам. Однако при этом он категорически утверждал, что познакомился с Косовым «в конце августа—в начале сентября 1945 г.», после чего договорился о покупке наволочек. Документами же с бесспорностью установлено, что отпуск наволочек имел место в марте—апреле 1945 г., т. е. почти за полгода до того, когда Сажин познакомился с Косовым. Таким образом, обличительный темперамент Сажина толкнул его на дачу показаний, явно нелепых и не соответствующих действительности.

Как можно было в этих условиях серьезно воспринимать показания Сажина и обосновывать ими те или иные выводы?

Здесь уже приводили много примеров того, как порочны были показания некоторых обвиняемых на предварительном следствии. А между тем на них построен целый ряд выводов обвинительного заключения, причем показания Сажина играют роль основного стержня обвинения.

Допуская необоснованные выводы в обвинительном заключении и принимая на веру все эти показания, следователь не счел нужным произвести необходимых следственных действий для их проверки.

Следователь был обязан тщательно проанализировать и проверить показания обвиняемых, а не заниматься только коллекционированием «чистосердечных признаний».

Думаю, мне удастся доказать, что, если бы предварительное следствие по делу было проведено удовлетворительно, Прахов не привлекался бы к уголовной ответственности и не занимал бы сейчас места на скамье подсудимых.

Особенность положения Прахова в данном процессе заключается в том, что изобличитель по этому делу Сажин ни в одном из своих показаний фамилию Прахова нигде и никогда не называл. Сажин также нигде и никогда не называл номера магазина, в котором работал Прахов.

Наконец, в показаниях Сажина нет буквально ничего, что указывало бы на причастность Прахова к каким-либо преступным операциям.

Это был вынужден признать прокурор, и в этом нетрудно убедиться, прочитав все показания Сажина. В первых его показаниях вообще ни слова не говорится по поводу эпизода с тюфячными наволочками. В последующих показаниях он по-разному рассказывает об этом, называет разные суммы вырученных денег, разные количества полученного товара и разную технику его отпуска, но нигде не говорит об участии в этой операции Прахова.

Как я уже указывал, Сажин так запутался, что утверждал, что получил наволочки от Косова за полгода до того, как впервые с ним познакомился.

Когда Косова предъявили для опознания Сажину, последний заявил, что Косов действовал с кем-то из работников магазина, но кто этот работник, он не знает.

Своевременно Прахова не предъявляли для опознания Сажину, и очной ставки между ними не было. Теперь же эта очная ставка невозможна, так как Сажин скрылся перед первым судебным заседанием.

Вывод о том, что показания Сажина ни в какой мере и ни в чем не уличают Прахова, следует считать бесспорным.

Вторая особенность положения Прахова заключается в том, что его не изобличает буквально ни один из многих свидетелей, допрошенных по делу.

Третья особенность положения Прахова состоит в том, что он не изобличается и документами, так как в деле нет тех накладных, которые он, по версии обвинительного заключения, якобы подписал.

При обыске у Прахова также ничего не найдено, и материалы обыска его ни в какой мере не компрометируют.

Сам Прахов никогда ни в чем не сознавался, ибо, как он утверждает, сознаваться ему не в чем. Он никогда не менял своих показаний и никого не уличал, так как, не совершая преступлений, он не имел соучастников. За два года следствия по делу Прахов был допрошен всего три раза индивидуально и один раз на очной ставке с Косовым.

Какие же улики имелись против Прахова? Против него имелся только оговор Косова на предварительном следствии, причем оговор, неоднократно менявшийся, неправдоподобность которого была очевидна; оговор, от которого Косов отказался еще на предварительном следствии.

Абсурдность двух первых вариантов оговора совершенно ясна: ведь тогда Косов механически подтверждал бессмысленные показания Сажина о том, что они познакомились в августе 1945 г., тогда как наволочки были отпущены за полгода до того.

Последний же вариант оговора находился в явных неладах с арифметикой: по словам Косова, он получил от Сажина 80 тысяч рублей, из коих 55 тысяч дал Прахову, 5 тысяч Дворлову и 35 тысяч рублей оставил себе. Между тем даже школьник младшего класса обратил бы внимание на то, что при сложении этих сумм получается 95 тысяч рублей, а не 80 тысяч, однако это ускользнуло от внимания следователя.

В дальнейшем ходе предварительного следствия Косов категорически заявил, что данные им ранее показания он не подтверждает, так как они являются

ложными как в отношении его самого, так и в отношении заместителя директора магазина Прахова.

Ясно, что оговор Косова на предварительном следствии не может служить доказательством виновности Прахова, а никаких других доказательств его виновности в деле нет.

Учитывая отсутствие в деле доказательств виновности Прахова, нельзя не обратить внимания на редкое своеобразие самой формулировки предъявленного ему обвинения. Поддерживая обвинение в отношении Прахова, прокурор ничего не сказал о своеобразии этой формулировки.

Прахов обвиняется в том, что он, работая заместителем директора магазина, вошел в преступный сговор с Косовым и «с целью сокрытия хищения 2344 метров тканей и 800 тюфячных наволочек подписывал бестоварные накладные на получение тюфячных наволочек, списывая их через магазин, как якобы реализованные населению. Фактически наволочки продавались Сажиным, за что Прахов получил от Косова 50—55 тысяч рублей и 10 тысяч промтоварных единиц. Коммерческая стоимость похищенных тканей 231 933 рубля».

Закон требует, чтобы в изложении существа обвинения были конкретно указаны место, время и способ совершения преступления, а также другие признаки его.

А разве оглашенная мною формула обвинения Прахова удовлетворяет требованиям закона?

Когда производились операции, инкриминируемые Прахову,— не видно. Какие именно накладные были им подписаны, также нигде не сказано. Как такие операции могли проводиться по магазину одним Праховым без соучастия других лиц, понять также нельзя.

Разве не ясно, что изложение существа обвинения Прахова по меньшей мере неудовлетворительно и

вынесение обвинительного приговора по такой формулировке вряд ли возможно.

Ведь нельзя же представить себе, чтобы в формулировке обвинения или в приговоре по делу об убийстве не было сказано, кто был убит и когда произошло убийство, так же как нельзя по делу о подлоге не указать, в каком документе и когда был учинен подлог.

А ведь обвинение Прахова отличается именно этими пороками, и инкриминируемые ему преступления даже не конкретизированы и не ограничены пределами времени.

Как же могут быть разрешены эти вопросы в приговоре!

Но в данном случае следует пойти дальше и поинтересоваться вопросом о том, почему не указана дата совершения преступления, инкриминируемого Прахову, и можно ли эту отсутствующую дату обнаружить на основе материалов настоящего дела?

Попробуем это сделать.

Косов обвиняется в продаже 800 наволочек, которая отнесена к марту—апрелю 1945 г. Если попробовать эту дату вписать в формулировку обвинения Прахова, то абсурдность обвинения станет ясной, ибо экспертизой твердо установлено, что в марте магазину отпущено 456 наволочек, а в апреле ни одной, значит и не могло быть никакой бестоварной накладной на 800 наволочек.

Есть еще одна возможность попытаться выяснить эту дату, пользуясь показаниями Косова на предварительном следствии, но и тогда получается также абсурдное положение: по показаниям Косова операция с наволочками относится к августу—сентябрю 1945 г., тогда как точно установлено, что ни в августе, ни в сентябре магазину не было отпущено ни одной наволочки.

Думаю, что я не погрешу против истины, если скажу, что, не умалчивая даты той операции, которая инкриминируется Прахову, сформулировать обвинение было невозможно.

Как же обстоит вопрос с накладными, которые якобы подписывал Прахов?

Ведь вы помните, товарищи судьи, как в предпоследний день судебного следствия свидетельница Лобанова подтвердила, что она вместе со следователем и экспертом просматривала все накладные и ни одной подписанной Праховым накладной не нашла. Ясно, что при таких условиях нельзя было в формулировке обвинения указать, какие именно накладные он подписал.

В обвинительном заключении есть и весьма оригинальные арифметические выводы, к которым пришел следователь.

Сопоставьте обвинение Косова с обвинением Барышниковой. В первом случае сказано, что 2344,6 метра тканей плюс 800 тюфячных наволочек стоят 231 933 рубля, а во втором говорится, что только 2344,6 метра тканей (без наволочек) стоят также 231 933 рубля!

Что это значит? Разве так можно оперировать цифрами?

Ведь при таком сопоставлении получается, что 800 тюфячных наволочек ничего не стоят, а Косов на них сумел заработать десятки тысяч и из этих заработков 55 тысяч рублей дать Прахову.

Мне кажется, что здесь погрешность далеко уходит за пределы арифметики, ибо в том же обвинительном заключении легко обнаруживаются и другие, не менее оригинальные утверждения.

Так, о Барышниковой сказано, что она «составила два фиктивных акта на крой 240 штук и 600 штук тюфячных наволочек, фактически же этот крой не производился...»

Вот здесь и рождается загадка: если наволочки не кроили и не шили, то как они в готовом виде могли кому-то быть отпущены?

Вне зависимости от разгадки этой загадки нельзя не признать бесспорным одно положение: поддерживая обвинение по одному и тому же делу и требуя осуждения Барышниковой, нельзя утверждать, что наволочек не было, а добиваясь осуждения Прахова и Косова, заявлять, что эти несуществующие наволочки были кому-то проданы за большую сумму.

В 1947 г., когда дело слушалось первый раз, я надеялся на то, что Прахов будет оправдан и что суд отвергнет явно неправильные выводы обвинительного заключения, но... я ошибся. Прахову был вынесен тогда обвинительный приговор. Свидетельские показания и выводы экспертизы судом не были приняты во внимание.

По вопросу о дате совершения операции с тюфячными наволочками в приговоре было сказано: «В 1945 г., в разное время».

Как вам известно, 27 мая 1947 г. приговор этот был отменен Верховным Судом РСФСР с передачей дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. В определении Верховного Суда содержались серьезные указания по поводу неправильности осуждения Прахова. Верховный Суд прямо указал на то, что «конкретизация времени получения товара является решающей для исхода дела Прахова».

В определении об отмене первого приговора отмечено, что суд не указал конкретно, когда именно, в каком месяце Праховым были отпущены наволочки Косову, что если на предварительном следствии называли август—сентябрь 1945 г., то в эти месяцы наволочки не поступали в магазин, между тем как суд вместо конкретного указания на время отпуска наволочек ограничился общим указанием, что наволочки

были получены «в 1945 г. в разное время», что нельзя признать правильным.

Казалось бы, что после отмены приговора на доследовании должны были быть устранены недостатки предварительного следствия. Однако этого не было сделано. Кроме того, доследование началось крайне поздно — только 19 октября 1947 г. Это опоздание было обусловлено тем, что городская прокуратура настаивала на принесении протеста на определение Верховного Суда от 27 мая 1947 г., но «протест Генеральным Прокурором Союза ССР не был поддержан» (так сказано в постановлении следователя), и к доследованию пришлось приступить.

Однако доследование это носило чисто формальный характер. Эпизод, связанный с Праховым, фактически никак не проверялся. Так же как и на первом этапе предварительного следствия, Прахов опять просил о допросе ряда свидетелей и об уточнении дат и номеров накладных, которые он якобы подписал, но во всех ходатайствах, так же как и раньше, следователь ему отказал.

Почему не нужно уточнять номера накладных, в постановлении следователя не сказано. По поводу же допроса свидетелей следователь написал, что он нецелесообразен, так как свидетели будут вызваны в суд; однако в список лиц, подлежавших вызову в суд, он этих свидетелей не включил!

Вот как производилось доследование дела Прахова.

Закончилось доследование тем, что следователь дословно воспроизвел из старого обвинительного заключения изложение существа обвинения Прахова и не обратил внимания ни на очевидную порочность старого обвинения, ни на те указания, которые были сделаны Верховным Судом.

В отношении Дворлова тот же следователь дело прекратил.

7 Заказ 4

Трудно все эти действия следователя признать правильными.

В результате неудовлетворительно проведенного предварительного следствия Прахов был неосновательно привлечен к уголовной ответственности.

Результаты судебного исследования дела дают право утверждать, что в отношении Прахова обвинение не доказано. Опровергнут и самый факт бестоварного отпуска 800 тюфячных наволочек через магазин как в марте—апреле 1945 г., так и в августе—сентябре того же года. Экспертизой в двух судебных заседаниях четко установлено, что ни в марте—апреле, ни в августе—сентябре 1945 г. через магазин не проходило 800 тюфячных наволочек.

Свидетельница Лобанова на предварительном следствии и в двух судебных заседаниях подтвердила, что Сажин с Праховым к ней никогда не приходили, что Прахов сам никогда не расписывался на накладных.

Свидетельница Кулебова показала, что товар получала всегда она, а не Прахов, и что он никогда не расписывался в накладных и не мог расписываться, так как доверенности выписывались на ее имя.

Свидетельница Черпахина, кассирша, в двух судебных заседаниях подтвердила, что она никогда не получала от Прахова денег для проведения их по кассе.

Аналогичные факты подтвердила и свидетельница Машкова, подчеркнув, что не было случая, когда бы товар, числящийся по накладной, не поступал в магазин.

Этими данными, которые ничем не опорочены, целиком и полностью опровергается необоснованное, неправильно сформулированное и ничем не доказанное обвинение, предъявленное Прахову.

При таких условиях мне совершенно ясно, что показания Косова, которые он давал на предварительном следствии, являлись ложными.

Не сомневаюсь, что, если бы на предварительном следствии ходатайства Прахова были удовлетворены и следствие было проведено в соответствии с требованиями закона, Прахов не привлекался бы к ответственности, и ему не пришлось бы завтра ждать приговора.

В отношении Прахова я не мыслю никакого иного приговора, кроме оправдательного!

Речь члена Московской
коллегии адвокатов
Я. М. Кульберга
в защиту Н. А. Горбачева

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

Н. А. Горбачев был привлечен к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142 УК. Горбачеву вменялось в вину нанесение смертельных повреждений Е. А. Бровко при следующих обстоятельствах: Горбачев пригласил к себе Бровко для выпивки. После отказа Бровко продолжать выпивку Горбачев ударил его кулаком в живот, а затем нанес несколько ударов ногами в область брюшины. Будучи доставлен в больницу каретой скорой помощи, Бровко через два дня умер при явлениях перитонита. Вскрытие трупа Бровко показало, что у него была раздроблена печень на одну восьмую долю.

Горбачев не признал себя виновным в инкриминируемом ему преступлении.

Для разрешения сложных вопросов судебной медицины были приглашены эксперты — профессора В., П. и Т., доцент К., а также врач С.

Дело рассматривалось в Народном суде Москвы. Прокурор, поддерживая обвинение против Горбачева, требовал для него наказания за содеянное в пределах санкции, указанной в ч. 2 ст. 142 УК.

Народный суд вынес Горбачеву оправдательный приговор, который вступил в законную силу.

РЕЧЬ АДВОКАТА Я. М. КУЛЬБЕРГА

Товарищи судьи!

Менее года назад на площадке лестничной клетки большого дома на Красной Пресне был найден молодой человек, издававший глухие стоны. Это было в середине августа в одиннадцатом часу вечера.

Света на лестничной клетке не было, и выбежавшая из своей квартиры Елизавета Жукова с трудом разглядела лежавшего на спине Ефима Бровко, которого она часто встречала в компании с соседом по дому Николаем Горбачевым. Горбачев стоял тут же, склонившись над Бровко, и пытался приподнять его.

Доставленный каретой скорой помощи в больницу, Бровко через два дня скончался при явлениях перитонита.

Жена погибшего в своем заявлении в прокуратуру писала, что, когда она была в больнице в первый раз, муж ей сказал: «Иди в дом, где живет Горбачев, тебе все скажут.» При этом муж добавил, что Горбачев ударил его рукой и ногами в живот.

Так началось уголовное преследование против Горбачева, обвинявшегося в нанесении тяжелых телесных повреждений Бровко, приведших его к смерти.

Длинный путь исследования прошло это дело.

Дело Горбачева — это не только «большое дело» с точки зрения обилия в нем следственных материалов. Это дело весьма сложное и тонкое, а во многих отношениях спорное.

Чем объясняется исключительно большой интерес и глубокое внимание суда к проверке всех мельчайших сторон этого дела?

Только страна социализма подняла значение личности на недосягаемую высоту. Только социалистическое уголовное законодательство в полной мере охраняет жизнь и здоровье личности от преступных посягательств. Вместе с тем обвинительный приговор может последовать только тогда, когда вина подсудимого не вызывает никаких сомнений, когда существует одна единственно правильная версия о вине, исключающая все другие возможные версии.

Доказана ли вина Горбачева? Прав ли обвинитель, требуя осуждения и наказания Горбачева?

Ответ на эти вопросы суд найдет лишь после всесторонней и объективной проверки всех материалов предварительного и судебного следствия.

Три группы вопросов должны быть со всей тщательностью исследованы в этом процессе.

Это, во-первых, факты. Нам необходим строгий отбор фактов, имеющих прямое и непосредственное отношение к данному делу.

Вторая группа вопросов, имеющая важнейшее значение для этого дела, относится к выяснению отношений между Горбачевым и погибшим, к исследованию мотива действий подсудимого.

И, наконец, нам необходимо изучить научный материал, представленный видными экспертами. Материал — сложный, противоречивый, без правильной оценки которого невозможно объективное суждение о виновности подсудимого.

При каких обстоятельствах погиб Бровко? Где кроется разгадка его смерти?

Подсудимый отрицает свою вину сегодня, как отрицал ее и в тот момент, когда был вызван в органы прокуратуры.

По его словам, по окончании занятий в тот злосчастный день он пригласил к себе домой Бровко, с которым давно был знаком по совместной работе на одном предприятии. Хозяин стал угощать гостя вином; Бровко быстро захмелел, отказался продолжать выпивку и, сославшись на то, что он должен поскорее идти домой, поднялся из-за стола. Горбачев проводил гостя до выходной двери и вернулся к себе. Это было в десятом часу вечера. Приблизительно через час после ухода Бровко в дверь Горбачева постучала соседка по квартире и сказала: «Идите скорее на лестницу, там ваш приятель корчится и стонет».

Горбачев, по его словам, вышел на площадку второго этажа и увидел Бровко, который стонал и держал руки на животе. Подсудимый вышел на улицу и вызвал карету скорой помощи.

При содействии Горбачева Бровко был доставлен в больницу. Несколько раз подсудимый приходил в больницу справляться о состоянии здоровья больного.

Товарищ прокурор отвергает показания подсудимого, который не может объяснить, при каких обстоятельствах Бровко мог получить смертельное повреждение. Обвинитель указывает, что вина подсудимого подтверждается показаниями свидетелей Жуковой, Ольги Бровко (жены потерпевшего) и Зуйкова.

Обратимся к анализу показаний свидетельницы Жуковой. По мере уточнения ее показания носят как бы угасающий характер. Допрошенная в стадии предварительного следствия Жукова показала: «Я быстрым движением распахнула двери и увидела, что Горбачев ногой ударил по животу лежавшего человека».

На очной ставке с Горбачевым эта свидетельница уже говорила несколько иначе: «Когда услышав стоны за дверью, я открыла ее, то увидела Горбачева с занесенной над лежавшим Бровко ногой».

Прошу вас, товарищи судьи, вспомнить ту часть объяснений подсудимого, в которой он заявил, что вынужден был переступить через лежавшего Бровко, так как площадка лестницы очень невелика и он не мог иначе его поднять. Эти показания подсудимого, как я об этом скажу несколько позже, находят свое объективное подтверждение в материалах судебно-медицинской экспертизы.

В дальнейших своих показаниях свидетельница Жукова указывает: «Бил ли Горбачев ногой Бровко, я точно сказать не могу».

Таким образом, об ударе ногой Жукова упоминает только в первом своем показании. Следует иметь в виду, что показания этой свидетельницы весьма далеки от точности, которая необходима суду для правильного решения дела. Жукова, например, утверждала, что Бровко лежал так, что ноги его были обращены к ступенькам, а голова к двери. Но свидетельница не сумела ответить на вопрос, к какой именно двери головой лежал погибший Бровко. Из плана, приобщенного к материалам дела, видно, что на лестничную площадку выходят две двери. Жукова не помнит, на каком расстоянии от Бровко находился Горбачев и с какой стороны от лежавшего стоял подсудимый. Эта часть показаний Жуковой имеет большое значение. Если вы, товарищи судьи, сопоставите ее рассказ с планом расположения квартир, то увидите, что лестничная площадка так мала, что Горбачев физически не мог произвести достаточно сильного размаха ногой, чтобы причинить столь сильную травму, как разрыв печени.

Прокурор высказывает предположение, что подсудимый в этом случае мог применить механизм размятия области брюшины. Но необходимо вспомнить заключение эксперта-профессора П., что при способе размятия должно быть применено исключительно грубое насилие, чтобы причинить разрыв печени.

Таким образом, показания свидетельницы Жуковой, на которую ссылается обвинитель в подтверждение вины Горбачева, нельзя считать достаточным основанием для обвинения.

Жена потерпевшего Ольга Бровко, посетившая мужа в больнице, говорила: «Как муж мне сказал, бил его Горбачев кулаками и ногами в грудь и в живот. Подробно он ничего больше не говорил».

По мнению обвинителя, эти показания Ольги Бровко подтверждаются показаниями брата потерпевшего – Ивана Бровко, который на судебном заседании со слов покойного заявил, что Горбачев ударил Ефима два раза, что подсудимый с силой ударил брата и что потерпевший не мог ничего рассказать подробно, так как потерял сознание. Свидетель Зуйков, находясь у постели больного, также якобы слышал от него, что его ударил Николай.

Можно ли считать, как это полагает прокурор, что показания этих свидетелей имеют доказательственную силу и что показания этих свидетелей могут обосновать обвинительный приговор?

Первоисточником всех этих сведений был сам потерпевший. Эти же свидетели, о которых я сейчас упоминал, подтверждают, что Бровко, даже находясь на больничной койке в предоперационный период, не вышел еще из состояния опьянения. Показания этих свидетелей приводятся со слов человека, находившегося в очень тяжелом состоянии. Незначительные толчки он мог принять за сильные удары. Эксперты-профессора П. и Т. утверждают, что падение Бровко от легкого толчка или даже совсем без толчка, равно как и потеря сознания могли произойти от сильного опьянения. Необходимо вспомнить эту часть заключения экспертов П. и Т., чтобы дать правильную оценку показаниям свидетелей.

Нам не удалось, товарищи судьи, выяснить, где в течение часа, а именно между десятью и одиннадцатью часами вечера, находился Бровко. Каким образом Бровко мог оказаться вновь на площадке лестничной клетки после того, как он оставил квартиру Горбачева?

Ни один из допрошенных свидетелей, соседей по квартире Горбачева, не слышал стонов или криков в этот период. Не слышала криков и свидетельница Жукова, показавшая суду, как вы помните, что она немедленно вышла на площадку, как только услышала стоны. Соседи по квартире на вопросы судей также ответили, что они не слышали ни ссоры, ни скандала в комнате Горбачева в то время, когда там находился Бровко.

Прокурор в своей речи обошел молчанием важнейшую сторону данного дела — вопрос о мотиве преступления, о побудительных причинах, которые могли толкнуть Горбачева на совершение преступления.

Позвольте напомнить вам, товарищи судьи, значение существа мотива для раскрытия любого преступления. Иногда говорят о так называемых «безмотивных» преступлениях, т. е. таких преступлениях, в которых мотив оказался неустановленным. Тем не менее мотив в каждом преступлении, если оно совершено не в состоянии невменяемости, должен обязательно присутствовать.

Если попытаться, товарищи судьи, раскрыть содержание мотива поведения в его психологической основе, то мотив — это ответ на вопрос, почему человек действует или будет действовать так, а не иначе, почему он ставит перед собой эту цель, а не другую, почему он при достижении поставленной цели действует или предполагает действовать такими-то, а не другими средствами и путями.

С этой весьма важной точки зрения обвинитель в данном процессе не дал ответа на вопрос о мотивах преступления. Были ли какие-либо мотивы личного, корыстного или иного свойства, которые могли руководить подсудимым?

Конечно, в некоторых случаях мотив остается нераскрытым. Но для того чтобы прийти в данном случае к такому выводу, товарищи судьи, необходимо все же попытаться раскрыть содержание взаимоотношений между Горбачевым и Бровко. Были ли между ними столкновения, конфликты по службе?

Безмотивных преступлений, мы знаем, не бывает. Нельзя согласиться с прокурором, который, в сущности говоря, уклонился от анализа умысла подсудимого. Но ведь Горбачеву вменяют в вину состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 142 УК РСФСР. Что означает этот отказ исследовать субъективную сторону состава преступления? Это не что иное, как отказ доказать обвинение во всем объеме. Нельзя, говоря об умышленном нанесении смертельных повреждений, игнорировать возможные мотивы деяния. Мы вправе сказать, что требование прокурора об осуждении Горбачева в этой части лишено конкретного основания и не является убедительным.

Что мы знаем о Горбачеве? Ему 40 лет. Жизнь его протекала в труде, в заботах о семье, о сыне, которому он отдавал весь свой досуг. Работа на производстве снискала ему уважение среди товарищей. Соседи по квартире, допрошенные здесь, в судебном заседании, по ходатайству защиты, не говорят о нем как о скандалисте, драчуне, пьянице.

Горбачев знаком с Бровко больше десяти лет. Познакомившись на производстве, они стали ходить в гости друг к другу, брали деньги взаймы друг у друга. И жены их познакомились, приходили друг к другу потолковать о житейских делах. Не было,

как об этом же говорила жена потерпевшего, никаких конфликтов, которые позволяли бы заподозрить кого-либо из них в скрытом недоброжелательстве.

В момент, когда произошло несчастье с Бровко. Горбачев не проявил равнодушия к его судьбе. Он доставил его в карете скорой помощи в больницу, навещал его там. Можно ли говорить о коварстве Горбачева? Но где его истоки? Обвинитель не показал нам ни аморального человека, ни злодея в его отношениях к людям, к требованиям социалистического общежития.

В чем же разгадка гибели Бровко? Вашей инициативе, товарищи судьи, мы обязаны тем, что к разрешению сложных вопросов дела были приглашены наиболее авторитетные представители судебной медицины.

Как вам известно, по первоначальному приговору Народного суда Горбачев был осужден к лишению свободы сроком на четыре года по ч. 2 ст. 142 УК. По протесту Прокурора РСФСР Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда приговор отменила и дело прекратила за отсутствием в действиях подсудимого состава преступления. При первоначальном рассмотрении дела экспертное заключение давал проф. В., указавший, что смерть Бровко последовала от перитонита в результате разрыва печени в связи с его падением с высоты.

Верховный Суд РСФСР в связи с новой экспертизой, представленной доктором С., отменил определение Московского городского суда о прекращении дела и направил его на вторичное рассмотрение по существу в суд первой инстанции. По вашей инициативе, товарищи судьи, в настоящее судебное заседание вызваны эксперты— профессора П. и Т., а также доцент К.

Обратимся к анализу трех экспертных заключений, представленных на рассмотрение суда.

Кто из экспертов в своем заключении прав? Нам представили современные данные судебной медицины по интересующим нас вопросам, и наша обязанность заключается в том, чтобы тщательно разобраться в этих сложных и противоречивых ответах.

Ведь суду придется взять за основу только одно из трех заключений. Заключение экспертов — один из видов доказательств в уголовном процессе, и суду придется решить, какое же из представленных экспертных заключений наиболее достоверное и убедительное.

Эксперт проф. В. считает, что в акте судебно-медицинского исследования трупа и в диагнозе болезни Бровко неправильно указано, что воспаление брюшины развилось в связи с ушибом кишечника. По мнению эксперта, такое утверждение в акте судебно-медицинского вскрытия и в диагнозе является неправильным, так как в истории болезни при производстве первой операции указано, что, кроме разрыва печени, никаких других повреждений не было обнаружено. В акте судебно-медицинского вскрытия трупа Бровко сказано, что «ушиб кишечника следует отнести за счет повторной операции, произведенной в связи с развившейся кишечной непроходимостью». Эксперт в своем заключении указывает, что описанные в истории болезни кровоподтеки и ссадины в разных частях тела Бровко следует отнести к поверхностным, так как в акте судебно-медицинского исследования трупа Бровко нет указаний на ссадины и кровоподтеки, и, следовательно, эти следы исчезли за время с 15 августа, т. е. с момента поступления Бровко в больницу, и до 18 августа, т. е. до дня его смерти.

Эти замечания эксперта В. имеют весьма большое значение для выводов о причине гибели Бровко.

Хочу напомнить вам эту часть заключения проф. В. «Каких-либо точных данных для решения вопроса о том, произошел ли разрыв печени от удара по передней

8 Заказ 4

брюшной стенке каким-либо тупым тяжелым предметом или при падении, в материалах дела не имеется. Однако, учитывая отсутствие кровоизлияния в область правого предреберья и то обстоятельство, что Бровко был в состоянии резко выраженного опьянения, можно допустить, что в данном случае имело место падение с разрывом печени».

Итак, по мнению первого эксперта проф. В., Бровко, возможно, погиб от разрыва печени в результате падения.

Но с этим заключением не согласен доктор С., который считает, что Бровко погиб от удара в область брюшины, приведшего к разрыву печени.

Я цитирую, товарищи судьи, часть заключения, представленного доктором С. в Прокуратуру РСФСР:

«Удар в область печени, причинивший ее разрыв, мог быть и небольшой силы, так как Бровко злоупотреблял алкоголем, а у лиц, злоупотребляющих алкоголем, печень подвергается дегенеративным изменениям, становится очень хрупкой, легко ломается».

Итак, доктор С. считает, что Бровко из-за чрезмерного употребления алкоголя мог погибнуть от удара, нанесенного с небольшой силой.

Но это мнение доктора С. решительно оспаривают эксперты профессора П. и Т. Как видно из представленного ими заключения, ни при операции, ни при вскрытии в ткани печени Бровко не установлено каких-либо патологических изменений, явно нарушающих ее структуру, и, следовательно, отсутствуют достаточные основания для суждения о том, что печень Бровко была уже подвергнута дегенеративным изменениям из-за чрезмерного употребления им алкоголя.

Я процитирую их заключение:

«Указание эксперта С. на то, что у алкоголиков печень становится хрупкой и легче рвется, не соот-

ветствует современному состоянию науки, и подобный взгляд давно отвергнут патологической анатомией. К тому же ни при операции, ни при вскрытии в ткани печени Бровко не установлено каких-либо патологических изменений, явно нарушающих ее структуру».

Но не только в этой части мы устанавливаем противоречие в экспертизе. Вспомните, товарищи судьи, что доктор С. утверждает, что Бровко погиб от удара, нанесенного «посторонним лицом», разумея, повидимому, подсудимого Горбачева. Однако профессора П., Т. и доцент К. отвергают это утверждение доктора С. Вот что они говорят. Я снова привожу эту часть заключения указанных экспертов:

«Теоретически и можно предположить, что в редких, исключительных случаях может случиться разрыв печени от чрезвычайно сильного удара тяжело обутой ногой или тяжелым кулаком, но за 31 год нашей судебно-медицинской работы мы ни одного раза такого случая не наблюдали».

По каким же причинам погиб Бровко с точки зрения экспертов—профессоров П., Т. и доцента К.?

Эти эксперты впервые поставили на разрешение суда вопрос о загадочном исчезновении Бровко в период между 10 и 11 часами вечера. Бровко ушел из квартиры Горбачева в десятом часу вечера. Он был пьян. Где он был в это время, между 10 и 11 часами вечера? Повидимому, на улице. По этому основанию эксперты профессора П., Т. и доцент К. приходят к заключению, что гибель Бровко могла произойти от травмы, полученной им от движущегося предмета, возможно, от автомашины.

Эти эксперты утверждают, что им часто приходится видеть на операционных столах трупы лиц, попавших под колеса трамвая, автобуса в состоянии сильного опьянения, причем разрыв внутренних органов, в том числе и печени, в таких

трупах—обычное явление и не всегда связано с внешними признаками повреждения».

Но эта часть заключения еще не разрешает основного вопроса о том, каким же образом мог Бровко оказаться вновь на втором этаже дома, где проживает Горбачев?

В понимание этого вопроса новое вносят своим заключением эксперты П. и Т. Они утверждают, что «человек с разрывом печени, как у Бровко, может некоторое время после тяжелого повреждения пройти известное расстояние и подняться на второй этаж».

Эксперты считают, что у Бровко были ослаблены болевые ощущения, так как он находился в сильной степени опьянения. Вспомните заявление этих экспертов, что литература о способности смертельно раненого человека передвигаться обширна. Считаю важным отметить, что эксперт С. не отрицает наличия такой литературы о шоковом состоянии смертельно раненого и способности его передвигаться на некоторое расстояние.

Какое же экспертное заключение мы можем считать наиболее достоверным?

Главным и решающим недостатком заключения, представленного экспертом С., является то, что этот эксперт на трех страницах своего заключения ссылается на показания свидетелей и на основании показаний свидетелей приходит к выводу, что Бровко был нанесен удар «посторонним лицом».

Нельзя считать правильным такой метод экспертизы. С точки зрения принципа, изложенного в ст. 319 УПК РСФСР, оценка показаний свидетелей является обязанностью суда, рассматривающего дело. По существу же экспертиза доктора С. вторгается в эту компетенцию суда, пытаясь взять на себя его функции, что нельзя признать допустимым.

Прокурор считает, что в основу приговора должно быть включено экспертное заключение доктора С. Я не могу с этим согласиться, и надеюсь, что с этим мнением прокурора не согласитесь и вы, товарищи судьи. Заключение доктора С. не покоится на объективных данных дела. Это заключение не разрешает важного вопроса о возможном получении Бровко травмы по иным причинам во время его отлучки из квартиры Горбачева. Данные же науки судебной медицины, приводимые этим экспертом, не разделяются другими экспертами.

Считаю наиболее авторитетным мнение профессоров П. и Т., так как их заключение не расходится с объективными обстоятельствами дела. Как нам известно, никто из допрошенных свидетелей не удостоверил нанесения Горбачевым ударов Бровко. Нам не доказали, что существовали мотивы, свидетельствующие о злонамеренном характере поведения подсудимого. Отсюда следует прийти к выводу, к которому пришли эксперты профессора П. и Т.: «Бровко была нанесена травма, приведшая к разрыву печени и смерти; этот разрыв печени произошел не от удара, а от другой причины». Объяснение же этой причины нашло, как я думаю, отчетливое и наиболее правдоподобное истолкование в экспертном заключении профессоров П. и Т.

Всестороннее исследование материалов предварительного и судебного следствия должно привести к единственно правильному выводу о невиновности Горбачева.

Мы искренне скорбим и испытываем чувства глубокой горечи и сожаления по поводу смерти Бровко. Но эти чувства не могут и не должны заслонить перед нами ответственности за правосудное решение дела. Вам должно быть понятно глубокое моральное потрясение, переживаемое Горбачевым в связи с этим процессом.

Социалистический гуманизм нашего правосудия заключается в его высокой объективности, исключающей какую бы то ни было возможность осуждения невиновного.

Прошу вас, товарищи судьи, вынести Горбачеву оправдательный приговор!

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов А. М. Левина в защиту В. Яркова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

Группа лиц в течение июля 1940 г. совершила в Москве ряд грабежей с применением физического насилия, а на даче в Подрезкове под Москвой ограбила 86-летнюю Смирнову, которая во время грабежа, не выдержав потрясения, скончалась от разрыва сердца.

По заданию главаря шайки Я. Конова две девушки Галина Шустова и Мария Лавочкина заманивали и спаивали мужчин, которых затем другие участники шайки грабили в темных переулках Москвы. Одним из активных участников группы был Всеволод Ярков.

Ярков, а также остальные участники преступной группы были преданы суду по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 59-3 УК РСФСР.

Московский городской суд приговорил Яркова к длительному сроку лишения свободы.

РЕЧЬ АДВОКАТА А. М. ЛЕВИНА

Прокурор требует приговорить Яркова к расстрелу за те действительно тяжкие преступления, которые он совершил. Верно ли, что единственным ответом на то, что сделал Ярков, может быть только эта мера.

Нам, товарищи судьи, трудно уйти от чувства, негодования, которое овладевает каждым из нас, когда мы узнаем про тяжкие преступления, совершенные этой шайкой. Мы содрогаемся, когда рисуем в своем воображении августовскую ночь в Подрезкове. В эту ночь грабители ворвались в комнату 86-летней Смирновой и потребовали, чтобы она указала, где спрятаны деньги. Ужас сковал сердце Смирновой, и она умерла.

Вольно или невольно, но они убили ее. Хотел или не хотел этого Ярков, но он был участником убийства.

Но мы как судебные работники обязаны тщательно проанализировать все обстоятельства дела, и тогда на вопрос, поставленный прокурором, последует иной ответ.

Говорят: «банда!» Верно, они творили черные, бандитские дела. Но, если пристально всмотреться в этих юношей и девушек, трудно поверить, что это бандиты.

Когда читаешь имеющееся в деле написанное полудетским почерком наивно-трогательное письмо юной девушки к Павлу Перову, не можешь поверить,

что оно адресовано членом шайки своему соучастнику.

Галина Шустова, еще недавно активная комсомолка, в своем письме к матери (написанном до ареста) с искренним самоотвержением пишет, что ее собственная гибель должна уберечь от падения тринадцатилетнюю сестру Светлану. Нельзя поверить, что это пишет грабитель и убийца!

Поражает резкий контраст между Всеволодом Ярковым, сердечным сыном, юношей, тянущимся к учебе, и Ярковым — грабителем.

В чем их вина — это ясно. Но должно быть ясно и в чем их беда. А она в том, что никто, ни отцы, ни матери, ни педагоги не сумели внедрить в их сознание, что против жизненных невзгод (а у некоторых, в частности у Яркова, были сильные потрясения) имеется только одна верная и твердая защита — труд.

На их пути оказались люди, которые не сумели внушить им, что и незначащая на первый взгляд работа может дать большое удовлетворение, если понимать ее как часть грандиозной коллективной работы, преображающей всю нашу страну, приближающей ее к заветной цели — коммунизму. Нужно было ярко и убедительно пояснить им, что успехи и слава наших знатных людей — это не только плод их способностей, но и результат большого упорного труда.

Максим Горький писал о том, что при капитализме у многих естественный романтизм юности перерождается в бандитизм. У нас вдохновенная романтика советской юности воодушевляет молодежь на героическую борьбу за переустройство страны, ведет ее на шахты и стройки, в Арктику и знойные пустыни, туда, где нужны отвага и бесстрашие, неутомимая энергия и творческая инициатива. Недаром молодежь знает имена всех выдающихся летчиков, исследователей Арктики, изобретателей, дерзновенных открывателей новых земель.

Несколько дней назад были опубликованы имена девяти Героев Социалистического Труда. Среди них Борис Гаврилович Шпитальный — доктор технических наук. Он начинал свой трудовой путь слесарем, рабочим Мытищинского завода.

Следовало внушить чертежнице и парашютистке Галине Шустовой, которая сидит теперь рядом с Коновым, что чертежницей и парашютисткой начинала свой путь легендарная Марина Раскова. И детство у нее также было далеко не легкое. Правда, у нее была заботливая, сердечная, умная мать. Такой матери у Галины не было...

Всеволод Ярков, как вы знаете, в 16 лет не только лишился заботы и поддержки матери, но она сама должна была стать предметом его особых забот и поддержки, как психически больной человек. Всеволод вынужден был покинуть школу, будучи в 10-м классе, и из Рыбинска переехать в Москву. Это было тяжелой травмой, после которой Всеволод стал угрюм и молчалив. Он так настойчиво и не по-детски упрямо говорил окружающим: «Мне все равно, мне все равно...» Здесь, в этой травме, лежат истоки тех психопатических черт его личности, которые признаны экспертизой.

Судебная психиатрия нас учит: «... исследователи придают большое значение ранним инфекциям и заболеваниям, детским травмам и т. п., оставившим после себя своеобразный след в виде изменения характера». Черты личности Яркова так удивительно близко подходят к классическим описаниям дисгармонии личности. Люди такого склада, как это отмечает учебник судебной психиатрии, «лишены некоторого внутреннего единства, у них наблюдается недостаточное умение управлять своими влечениями, недостаточная способность сдерживать свои аффекты, неумение подчинить свою жизнь некоторой единой цели».

Всеволод Ярков, переезжая в Москву, не мог осуществить своего желания: окончить десятилетку и поступить в Московский автодорожный институт. Осталось только полгода учебы, но сестра не поддержала его... Я не хотел бы отягощать душевное состояние его сестры, но все же я должен сказать, что как бы ни были сильны ее заботы о своей семье, она все же могла и должна была поддержать его...

Ярков поступил на работу, жил в общежитии, где-то далеко от города, за Сокольниками. Он все же делал попытки, работая, продолжать учебу, но совместить это не смог. Школа для взрослых не принимает его. Он посещает Публичную библиотеку, работает там. Весной 1940 г. едет на юг к матери. Новый удар: узнает, что мать заболела активной формой туберкулеза.

Мать его, как вы знаете, учительница с 30-летним стажем, теперь—пенсионер.

Всеволод замкнулся, ушел в себя, и на суде, кроме краткого рассказа о печальных фактах, мы так от него и не узнали, что же привело его к преступлению. Но то, что Всеволод Ярков в период, предшествовавший совершению им преступлений, жил в атмосфере тягостных страданий, видно и из писем его отца и из показаний сестры-инженера.

Вы помните, пораженный тяжким недугом, отец еще до начала следствия по этому делу из больницы пишет ему: «... сын мой, люби и береги мать, Инну и Асеньку, они сейчас одиноки, живется им тяжко, а в таком положении несколько хороших и ласковых, от души сказанных слов, проявление внимания к интересам и нуждам человеческим—это много значит...»

Вторая сестра Яркова — Инна, тоже инженер, в этот период оставляет производство, так как стала инвалидом. Все это крайне отрицательно действовало на его душевное состояние. Старшая сестра рассказывает

о том, что, когда Всеволод вернулся от матери в Москву, он при редких встречах с ней говорил, что ему жить не хочется, жить незачем.

Никто не борется с его депрессией. У сестры он почти не бывает, муж ее гонит Всеволода... Ярков живет нуждаясь, но никто не внушает ему мысли, что он обладает огромным богатством, источником всевозможных благ—юностью. Ведь ему только 19 лет, и перед ним безграничные возможности!

Но вскоре приходит болезнь — и как раз в тот момент, когда Ярков уже подготовился экстерном за 10-й класс и, казалось, близок к цели. Когда Ярков после операции выходит из больницы, экзаменационная сессия закончилась и надежда получить аттестат рухнула...

С 22 марта по день сокращения 17 апреля он работает учетчиком в Мосгорстрое, не имея постоянного местожительства. Короткое время, когда муж сестры был в командировке, он ночевал у нее, изредка ночует у какой-то дальней родственницы отца.

Совершенно случайно, как вы знаете, он знакомится с Георгием Шустовым. «Я пригласил к себе Яркова»,— говорит Шустов. Всеволод остается ночевать на Полянке у Шустова, и тот требует за это вознаграждения. Через день Ярков и Фомин приносят патефон и пластинки и продают ему. Аттестаты, похищенные из Дмитровской школы, остались на квартире у Фомина.

Ночь на 18 апреля — это начало гибели Яркова. За месяц, только за один месяц, он совершает быстрое восхождение по позорной лестнице преступлений.

Фомин не раз во время судебного следствия говорил, что ему было жалко Яркова, который сильно нуждался. Как же он ему помог? Условия жизни Фомина в Москве, как вы знаете, были очень благоприятными. В родительской квартире Фомин располагал отдельной комнатой. Он без большого труда мог ока-

зать помощь товарищу, тем более что Всеволоду Яркову оставался лишь один-полтора месяца до ухода в Советскую армию. Но Фомин оказывает ему весьма своеобразную «помощь»: он знакомит его с завхозом Дмитровской школы и достает при его содействии бланки аттестата об окончании средней школы. Надо напомнить, что сам Фомин не выдержал испытаний за 10-й класс, а Ярков, как уже говорилось, из-за болезни не мог сдавать экстерном экзамены. Вместе с аттестатами из школы похищают патефон и пластинки.

Прокурор говорит: «Ярков наряду с Коновым— вдохновитель и организатор шайки». Неверно! Все члены группы, к сожалению, были активны. Активен был и Ярков. Нельзя, однако, указать ни одного грабежа, который бы возник по его инициативе, которым бы он руководил. Вспомните и такую немаловажную деталь: к 29 июля 1940 г., когда был совершен первый грабеж, у Конова «стаж» преступной жизни составлял 5 лет, а «стаж» Яркова равнялся только 5 дням.

С затемненным сознанием, с заглушенной совестью Ярков шел на грабеж, но он не хотел крови. Он противился кровавому насилию. Вы помните, что после ранения Сорокина он, негодуя, отобрал нож у Конова. Больше того, можно считать установленным, что Ярков не знал о том, что, идя на грабеж, Конов был вооружен финским ножом. Лишь после того как Ярков надел пиджак Сорокина и почувствовал что-то мокрое и увидел кровь, он понял, что Конов при нападении ранил Сорокина.

Однако верно ли то, что Ярков отобрал нож у Конова? Об этом говорит не только сам Ярков. Об этом на предварительном следствии говорит совершенно категорически и Фомин. Об этом же говорит Галина Шустова, и даже у Лавочкиной, сожительницы Конова, вырвалось на суде: «Ярков отобрал нож у Конова. Он или спрятал его, или отдал его Фомину, но я знаю,

что Конов спустя некоторое время потребовал и забрал вновь нож у Фомина».

Галина Шустова далее рассказывает о том, что когда она приехала на дачу в Подрезково, то увидела, что Ярков бледный и злой ходит по комнате. Ярков, как она выразилась, «грызся с Коновым и перестал с ним разговаривать из-за истории с Сорокиным».

Показания Галины особенно ценны. Они не должны вызывать у нас никаких сомнений.

Шустова была с Ярковым в *особых* отношениях. Был период, когда они чувствовали друг к другу острую и страстную привязанность.

Но вскоре у Яркова вспыхнула ревность, и он резко порвал с Галиной.

Галина Шустова горячо отрицала какие бы то ни были основания подозревать ее в измене.

Но когда защитник Галины спросил на суде Яркова, думает ли он и теперь, что Галина ему изменяла, он сухо, но твердо сказал: «Да, я и теперь в этом уверен». Таким образом, вряд ли Галина могла особенно благожелательно относиться к Яркову.

И тем не менее, как вы слышали, она утверждала, что он отнял нож у Конова...

Ярков не хотел гибели старухи Смирновой. Галина Шустова на суде, излагая печальные события ночи 2 августа, сказала: «У двери в комнату старухи Конов и Ярков задержались, на минуту между ними возник спор, кому войти первому...» Подсудимая пояснила, что Ярков, зная вспыльчивый и неукротимый в гневе нрав Конова, хотел войти первым, чтобы не допустить кровавого насилия. И, говорит Галина, она уверена, что, если бы Ярков вошел в комнату первым, не было бы смерти Смирновой... Конов связал руки и ноги 86-летней старухе. Ее никто не душил, она умерла от испуга...

Рассказывая в зале суда о своем противодействии насилию, Ярков говорит скупо: «Я отстранил нож

Конова». Перов говорит об этом конкретнее и ярче: «... при ограблении Ивчика Конов намеревался ударить его ножом, но Ярков сделать этого не дал. Он вышиб нож из рук Конова и при этом поранил себе руку».

Как видите, вопреки мнению прокурора, не случайно не была пролита кровь Ивчика, как не случайно «грызся» Ярков с Коновым.

И последнее. Если в совещательной комнате вы вновь и вновь задумаетесь над вопросом, нужно или не нужно применять к Яркову высшую меру наказания,— пусть ваше сомнение разрешит еще одно обстоятельство.

Свидетель, потерпевший Ивчик, который в ночь на 12 августа был завлечен и ограблен в одном из темных переулков Москвы, рассказывает, что он при свете луны увидел, как сверкнул нож в руках Конова. И нож этот был, говорит он, в двух сантиметрах от его шеи...

Вспомните, что нож этот от горла Ивчика в последнюю секунду отвел Всеволод Ярков.

Не нужно лишать жизни Яркова, потому что при всей глубине его падения в нем окончательно не умерло чувство человечности!

Я прошу вас сохранить жизнь Всеволоду Яркову потому, что ему только 19 лет.

Даже спустя много лет, проведенных в условиях трудового режима лагерей, он еще сможет начать честную жизнь сначала.

Я прошу сохранить ему жизнь и потому, что гибели единственного сына не выдержит истерзанное и больное сердце его матери...

Ваш справедливый приговор должен послужить суровым предостережением не только для тех юношей, которых манят темные закоулки жизни, но для тех отцов и матерей, которые преступно забывают о своих первейших обязанностях перед подрастающим поколением.

РЕЧЬ члена Московской городской коллегии адвокатов Э. С. Ривлина в защиту Д. С. Грачева

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

Группа работников фабрики «Спортинвентарь» № 2 треста «Мосгоркожобувьпром» была предана суду по обвинению в том, что с июля 1951 г. по август 1952 г. занималась хищением кожи с фабрики.

В обвинительном заключении сказано, что эти лица умышленно завышали нормы расхода кожи на выпускаемые фабрикой изделия спортивного инвентаря. Получаемая экономия кожи в документах не отражалась. Через закройщика Якуба кожу продавали Д. С. Грачеву и С. Т. Гутину.

Грачеву было предъявлено обвинение «в том, что он совместно с Гутиным, войдя в сговор с участником группы расхитителей, орудовавших в 1951—1952 гг. на фабрике «Спортинвентарь» № 2, Якубом, систематически получал от последнего похищенную на фабрике кожу. Из этой кожи изготавливались пальто, для реализации которых Грачев создал преступную группу, занимавшуюся сбытом этих пальто через комиссионные магазины Москвы.

Всего этой группой, в которую вошли Л. М. Ерохина, К. М. Сокова, В. М. Мулин, В. А. Вуколов, В. Д. Розенберг, было реализовано 150 пальто.

19 августа 1952 г. после получения от Якуба очередной партии похищенной с фабрики кожи (около 1200 дециметров) Грачев был задержан с поличным».

В обвинительном заключении указано, что обвиняемые, сдававшие пальто в комиссионные магазины, в свою очередь привлекли больше тридцати человек—

родственников и знакомых, которые также сдавали пальто на комиссию.

Грачев не признал себя виновным в том, что он являлся участником группы расхитителей на фабрике

Все сдатчики подтвердили, что пальто они получали от Гутина и Грачева, которого они опознали по рыжим волосам и золотым зубам и по другим индивидуальным приметам.

Гутин от следствия и суда скрылся.

Грачев был предан суду по обвинению в совершении преступления, предусмотренного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Дело рассматривалось в Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда с 25 декабря 1953 г. по 23 февраля 1954 г. Всего были привлечены к уголовной ответственности 25 обвиняемых.

В своей речи прокурор утверждал, что Грачев— активный участник группы расхитителей, и требовал приговорить его к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 20 лет без применения амнистии, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии», и взыскать с него стоимость похищенной кожи в сумме 294 965 рублей солидарно с другими подсудимыми.

Суд признал, что Грачев может нести ответственность лишь в пределах 43 635 рублей—стоимости незаконно приобретенной им кожи.

Суд приговорил Грачева к заключению в ИТЛ сроком на 12 лет с конфискацией имущества, применил к нему Указ об амнистии и срок заключения снизил до 6 лет.

Этот приговор оставлен в силе определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР.

РЕЧЬ АДВОКАТА Э. С. РИВЛИНА

Товарищи судьи!

В обвинительной речи прокурора содержалось много нелестных эпитетов по адресу Грачева. Эпитеты — иногда полезная форма выражения мысли, но они не могут заменить необходимых для осуждения бесспорных доказательств виновности. В речи прокурора таких доказательств виновности Грачева не было.

В анализе имеющихся в отношении Грачева улик и доказательств и в их критической оценке защита и видит свою задачу.

В своей речи прокурор сказал: «Грачев огульно отрицает ряд бесспорных фактов. Такое его поведение производит очень неблагоприятное впечатление».

Но суд обосновывает свой приговор не на впечатлениях, а на твердо установленных фактах и доказательствах.

В течение почти двух месяцев вы исследовали все обстоятельства этого дела, и у меня нет опасений, что неблагоприятное впечатление от показаний Грачева может вызвать недостаточно объективную оценку доказательств.

Советскому суду чужды предубеждения.

И наша — суда и сторон — общая задача при исследовании приписываемого Грачеву обвинения — исходить не из впечатлений, а из неопровержимых фактов.

Вы знаете, что 19 августа 1952 г. Грачев и Якуб были задержаны органами милиции. У Грачева были найдены сверток с пятнадцатью кожами (1150 дециметров) и три квитанции на сдачу в комиссионные магазины трех кожаных пальто. У Якуба же были обнаружены одиннадцать таких же кож и две тысячи рублей. Именно из такой кожи изготовляла свои изделия фабрика «Спортинвентарь» № 2 (в дальнейшем номер этой фабрики упоминаться не будет).

При допросе в день задержания Якуб признал, что всю эту кожу он похитил на фабрике «Спортинвентарь». Из них пятнадцать он продал Грачеву за две тысячи рублей, которые и обнаружены у Якуба. Грачеву он сообщил, что кожа похищена им на фабрике.

Изъятые у Грачева три квитанции были выписаны на имя других лиц. Следственные органы получили из различных комиссионных магазинов 147 товарных карточек — вторые экземпляры квитанций, выдаваемых при приеме вещей на комиссию. Таким образом, вместе с тремя найденными у Грачева всего карточек оказалось 150 на 150 пальто. В обвинительном заключении сказано, что все эти пальто он сдал в комиссионные магазины.

Грачев обвиняется в том, что всю кожу, из которой были изготовлены эти пальто, он вместе с Гутиным приобрел у Якуба, похитившего ее совместно с другими работниками фабрики.

Обвинение утверждает, что для сбыта этих пальто через комиссионные магазины Грачев организовал группу сдатчиков. В эту группу входили — Ерохина, Сокова, Вуколов, Мулин, Розенберг, которые в свою очередь для той же цели привлекли ряд лиц.

В своем выступлении прокурор подробно говорил о значении социалистической собственности, как священной и неприкосновенной основы советского строя, об общественно-политическом значении борьбы со вся-

кого рода посягательствами на социалистическую собственность.

Это высказывание безусловно верно. Перед судом же стоит определенная задача: установить, совершил ли Грачев преступление, и если совершил, то какое именно, правильно квалифицировать его действия и избрать справедливое наказание.

Правильное разрешение данных вопросов является важнейшим условием соблюдения социалистической законности в этом деле.

Грачев отрицал предъявленное ему обвинение в том, что он был участником группы расхитителей на фабрике.

Объяснения подсудимого — одно из доказательств по делу (ст. 58 УПК РСФСР). Конечно, суд вправе положить их в основу приговора. Но для этого необходимо рассмотреть все обстоятельства дела в их совокупности.

Когда подсудимый сознается в совершении преступления, мы говорим: надо проверить все доказательства по делу, чтобы установить, подтверждают ли они сознание.

Когда подсудимый полностью отрицает свою виновность, необходимо исследовать все доказательства, чтобы выяснить, подтверждают ли они обвинение.

Товарищи судьи! Имеются ли достаточные доказательства виновности Грачева в предъявленном ему обвинении по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»?

Таких доказательств, как считает защита, в деле нет.

Прежде всего, если исходить из того, что через подставных лиц Грачев сдавал кожаные пальто в комиссионные магазины, то можно говорить о сдаче им

не 150, а 31 пальто. Это обстоятельство надо тщательно проверить, так как оно дает возможность установить действительный объем обвинения и внесет ясность в его фактическую сторону.

Однако не доказано, что для изготовления и этих 31 пальто Грачев приобретал кожу у Якуба.

И, наконец, не установлено, что и эти пальто изготовлены из кожи, принадлежавшей фабрике «Спортинвентарь». Никто не сказал, из какой кожи они сшиты, никто не видел этих пальто.

Прежде чем обосновать эти положения, необходимо выполнить предварительную задачу. Необходимо рассмотреть, как следовало бы квалифицировать действия Грачева, если бы фактическая сторона предъявленного ему обвинения не вызывала возражений.

Такое рассмотрение в свою очередь поможет верно установить факты и правильно их квалифицировать.

В своей речи прокурор заявил, что Грачев является активным участником преступной группы, расхитившей на фабрике кожу на сумму почти 300 тысяч рублей. Именно поэтому прокурор считает, что Грачев должен нести солидарную с другими подсудимыми материальную ответственность на всю указанную сумму.

Несомненно, что именно поэтому прокурор требовал приговорить Грачева к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 20 лет.

Именно поэтому прокурор требовал, чтобы к Грачеву не была применена амнистия.

Товарищи судьи! Выступавшие до меня защитники представили суду ряд соображений, исключающих версию о существовании группы расхитителей. Если вы отвергнете эту версию, то само собою отпадает и обвинение Грачева в том, что он являлся участником этой преступной группы.

Но вопрос о принадлежности Грачева к группе

расхитителей должен быть решен самостоятельно, независимо от того, как этот вопрос вы решите в отношении других подсудимых в том числе и в отношении Якуба.

Участие в группе расхитителей — признак состава преступления, предусмотренного ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. Об этом признаке должно быть указано в постановлении о привлечении к уголовной ответственности и в формуле обвинительного заключения.

Так именно и поступил автор обвинительного заключения в отношении лиц, которых он считал участниками группы расхитителей.

В постановлениях о привлечении к уголовной ответственности и в обвинительном заключении в отношении каждого из обвиняемых работников фабрики говорится об участии в группе расхитителей. Подчеркивается, что в эту группу входили т о л ь к о работники фабрики. Перечисляются участники группы. Вместе с предполагаемыми организаторами — их восемнадцать человек. Упоминается об их солидарной ответственности за весь предполагаемый ущерб; называется количество похищенной кожи, размер ущерба.

Только о Грачеве и еще шести сдатчиках ни в постановлениях о привлечении к уголовной ответственности, ни в резолютивной части обвинительного заключения не говорится как об участниках группы расхитителей.

На это я обращаю ваше внимание. Ведь ст. 311 УПК РСФСР устанавливает, что рассмотрение дела в судебном заседании производится лишь в отношении первоначально предъявленного обвинения.

Какое же обвинение предъявлено Грачеву?

Грачев обвиняется в том, что, вступив в сговор с о д н и м и з у ч а с т н и к о в преступной группы — Якубом, систематически приобретал у него

заведомо похищенную им кожу. А это совсем не то же, что участие в преступной группе.

При всякой покупке заведомо краденого между покупателем и продавцом имеется сговор (соглашение) о размере и цене покупаемого. Однако такой сговор, если бы он был доказан, еще недостаточен для того, чтобы считать Грачева участником группы расхитителей.

В каких же случаях покупка заведомо краденого может повлечь ответственность как за участие в группе расхитителей?

Для ответственности за участие в такой преступной группе необходимо, чтобы два или несколько лиц предварительно договорились и организовались для совершения хищения. Лишь тогда каждый из них отвечает за совершенное группой хищение.

Однако не всякое хищение по предварительному сговору можно рассматривать как хищение, совершенное организованной группой.

Между пособником и исполнителем хищения также должна быть предварительная договоренность о содействии совершению преступления. Тем не менее подобные действия пособника могут повлечь за собой ответственность лишь как за соучастие в хищении в соответствии со ст. 17 УК РСФСР.

Об участии в группе расхитителей можно говорить лишь тогда, когда предварительный сговор касается по крайней мере основных моментов предполагаемого хищения, плана совершения хищения, состава группы, объекта хищения, распределения ролей участников группы.

Именно это придает участникам группы организованный характер. Именно в этом смысле известное вам постановление Пленума Верховного Суда СССР от 6 мая 1952 г. говорит, что групповым является хи-

щение, совершенное по предварительному сговору сорганизовавшейся для этой цели группой лиц[1].

Точно так же покупателя заведомо похищенного можно считать участником группового хищения лишь тогда, когда между ним и членами преступной группы была предварительная договоренность об организации хищения. Лишь тогда он отвечает за весь ущерб, причиненный преступной группой.

При отсутствии же этого условия такого покупателя нельзя считать участником группового хищения, даже если он знал, где совершено хищение.

Все эти соображения носят не только теоретический характер. Они имеют непосредственное отношение к вопросу об ответственности Грачева.

Состав преступления, выражающийся в покупке заведомо краденого, не поглощен Указом от 4 июня 1947 г. Но такая покупка иногда может перерасти в соучастие в хищении государственного и общественного имущества.

Вопрос о соучастии может возникнуть при систематической скупке заведомо краденого у лиц, участвовавших в совершении преступления. Подобная скупка, особенно если она производилась в крупном размере, иногда заведомо для покупателя может создать похитителям благоприятные условия для сбыта. О соучастии можно говорить и тогда, когда была договоренность о покупке вещей, которые будут похищены.

Такова и практика Верховного Суда СССР. В частности, именно так этот вопрос разрешен в определении

---

[1] В настоящее время это постановление утратило свою силу. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 28 V 1954 г. «О судебной практике по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4.VI 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» — по вопросу о признаках группового хищения дал аналогичные указания.

Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 22 марта 1951 г. по делу Л. и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 7 сентября 1951 г. по делу Д.

В отношении Грачева нет условий, необходимых для признания его участником группы расхитителей.

Ни с кем из работников фабрики Грачев не договаривался ни об организации хищения, ни о его плане, способах, распределении ролей при совершении хищения. Ни в одной из строчек двадцати двух объемистых томов этого дела вы не встретите и намека на причастность Грачева к группе расхитителей на фабрике. О такой причастности Грачева вы не слышали в течение почти двухмесячного судебного следствия.

Вспомним, что группе работников фабрики «Спортинвентарь» предъявлено обвинение в том, что она стала совершать хищения с июня 1951 г. Уже тогда был выработан план хищения, была договоренность о способах хищения, были распределены роли, найден источник сбыта. Уже тогда стали сбывать кожу работникам ателье Киевского района.

Между тем в обвинительном заключении указано, что Грачев стал приобретать кожу у Якуба, когда тот уже поступил на фабрику, т. е. с 26 марта 1952 г.

Прокурор сказал, что Грачев вступил в сговор с Якубом как с представителем группы расхитителей. Но это только предположение, и для него нет оснований.

Если 19 августа 1952 г. Грачев купил у Якуба пятнадцать кож, можно ли утверждать, что он знал и должен был знать, что кожа похищена группой? Разве такое количество кожи обязательно должно было быть похищено группой? Вспомним, в чем обвиняется Вишнев — тоже подсудимый по данному делу. Он обвиняется в том, что именно один, вне всякой

группы, похитил на той же фабрике почти такое же количество кожи.

Конечно, было бы совершенно нежизненным предполагать, что, продавая Грачеву 15 кож, хотя бы и несколько раз по такому же количеству, Якуб специально уведомлял его, что кожа похищена группой.

Итак, в деле нет никаких доказательств, что Грачев был осведомлен о наличии группы расхитителей на фабрике.

Вот почему не случайно Грачеву не предъявлено обвинение в том, что он являлся участником группы расхитителей на фабрике.

Вне предусмотренной статьей 311 УПК процессуальной гарантии не может быть и ответственности Грачева по обвинению его в участии в группе расхитителей.

Утверждая, что Грачев являлся участником группы расхитителей на фабрике, прокурор вышел за пределы предъявленного Грачеву обвинения.

Вот почему, если считать, что Грачев систематически приобретал у Якуба заведомо похищенную кожу, зная источник хищения, то его можно признать не участником группы расхитителей, а соучастником одного Якуба.

Я полагаю, что на соучастника хищения нельзя возлагать ответственность за в е с ь ущерб, причиненный группой расхитителей. Соучастник хищения может нести уголовную и материальную ответственность лишь за тот ущерб, причинению которого он содействовал.

Соучастие в виде покупки заведомо краденого может повлечь ответственность лишь в пределах незаконно приобретенного.

Вот почему, если даже считать, что Грачев приобретал у Якуба заведомо краденую кожу, то его —

Грачева — ответственность должна быть ограничена лишь стоимостью приобретенной кожи.

Возможно и такое возражение: ведь Грачев и Гутник были организаторами группы сдатчиков. Однако это не имеет никакого отношения к вопросу об уголовной и материальной ответственности Грачева за ущерб, причиненный предполагаемой группой расхитителей на фабрике.

Итак, Грачев — не участник группового хищения, а участник группового судебного процесса.

В таком процессе факты, которые касаются лишь участников группы расхитителей, могут бросить роковой отсвет на подсудимого, к этой группе не причастного. Улики в отношении этого подсудимого могут принять преувеличенные очертания.

Я уверен, что улики, относящиеся к предполагаемой группе расхитителей, вы ни в коей мере не будете рассматривать как доказательство виновности Грачева. К нему они не имеют никакого отношения.

Товарищи судьи! Для того чтобы верно разрешить вопрос о виновности Грачева, надо исследовать, к сдаче какого количества пальто он причастен, если предъявленное ему обвинение считать правильным.

Может возникнуть вопрос: какое это имеет значение для дела? Допустим, Грачев причастен к сдаче на комиссию не 150, а гораздо меньшего количества кожаных пальто. Влияет ли это на квалификацию его действий?

Выяснение количества сданных пальто даст возможность установить количество кожи, затраченной на их изготовление.

Во всяком хищении социалистической собственности размер похищенного имеет значение для выбора меры наказания и для вопроса о материальной ответственности. Этот размер для участи Грачева имеет

большое значение, если учесть содержание Указа «Об амнистии» от 27 марта 1953 г.

Считая предъявленное Грачеву обвинение недоказанным, тем не менее для полноты исследования необходимо этот вопрос осветить.

Но количество сданных пальто имеет и иное, бо̀льшее значение.

Если будет известно, с к о л ь к о на них израсходовано кожи, это поможет установить, г д е она могла быть приобретена.

Следовательно, это количество поможет также установить по отношению к Грачеву правильную квалификацию.

Это также и вопрос о наказании в пределах правильной квалификации.

Если, отвергнув предъявленное Грачеву обвинение, считать его виновным в спекулятивной деятельности, то при выборе наказания далеко не безразлично, сколько пальто было им сдано через подставных лиц — 150 или гораздо меньше.

Для того чтобы установить, сколько пальто сдал Грачев, — если обвинение считать правильным, — следует изучить содержание 150 товарных карточек. Они имеются в различных томах дела.

Мною разработана классификация всех карточек и представлена суду. В этой классификации — четыре перечня. В них о каждом пальто указаны следующие сведения: дата сдачи на комиссию, фамилия сдатчика, наименование сданного предмета, сумма оценки, скидка на изношенность, номер карточки, номер комиссионного магазина.

Я понимаю — рассмотрение товарных карточек и все связанные с этим подсчеты могут звучать сухой и скучной арифметикой.

Но в этой арифметике—существо предъявленного Грачеву обвинения.

10 Заказ 4

От этой арифметики зависит судьба Грачева. Вот почему на эту арифметику я обращаю ваше внимание.

В первом перечне перечислены 42 товарные карточки, по которым сдавались кожаные пальто в комиссионные магазины до 26 марта 1952 г.

Грачев обвиняется в том, что он приобретал кожу только у Якуба.

Якубу же предъявлено обвинение, что он стал совершать хищения на фабрике «Спортинвентарь» после того, как начал там работать.

Вы знаете, что Якуб поступил на эту фабрику 26 марта 1952 г. Следовательно, все пальто, которые были сданы в комиссионные магазины до 26 марта 1952 г., к предъявленному Грачеву обвинению не имеют никакого отношения.

Совершенно очевидно, что эти 42 пальто должны быть исключены из обвинения Грачева.

Прокурору очень не нравится слово «отсечь». Прокурор несколько раз иронизировал по поводу просьб моих коллег отсечь некоторые обвинения, предъявленные их подзащитным.

Но здесь надо отсечь возможность такого подхода к вопросу: «Если нельзя считать, что пальто, сданные на комиссию до 26 марта, изготовлены из кожи фабрики «Спортинвентарь», то следует признать в приговоре, что они изготовлены из кожи, похищенной в неустановленном месте».

Так делать нельзя. Я полагаю, что этот вопрос предельно ясен.

Во втором перечне указаны пальто драповые, шевиотовые и демисезонные. Всего их числится 16.

Как суду известно, фабрика «Спортинвентарь» вырабатывает только кожаные изделия.

По утверждению обвинения на комиссию сдавались пальто, изготовленные только из кожи, при-

надлежавшей этой фабрике. В хищении шевиота и драпа по этому делу никто не обвиняется.

Ясно, что и эти 16 пальто к коже фабрики «Спортинвентарь» никакого отношения не имеют.

Но нужно исключить не только эти пальто.

В третьем перечне указаны 25 товарных карточек, на которых имеются отметки; «бывшие в употреблении», «десять процентов скидки» за изношенность и дефекты.

Но фабрика «Спортинвентарь» свои изделия изготовляла только из новой кожи — это вне спора.

Может возникнуть предположение, что указанные в этих карточках дефекты заключаются не в изношенности, а в устарелости фасонов.

Не изготовлены ли эти пальто все-таки из новой кожи?

Но это только предположение, да и к тому же совершенно не убедительное.

Нелепо предполагать, что из приобретаемой кожи Грачев и Гутин в одно и то же время одни пальто изготовляли по новому фасону, а другие — по устаревшему.

Мною были представлены суду правила деятельности комиссионных магазинов. Из этих правил видно, что комиссионные магазины вправе принимать на комиссию готовое платье, в том числе и верхнее, изготовленное как государственной и кооперативной промышленностью, так и кустарями. Они вправе принимать на комиссию как новые вещи, так и бывшие в употреблении. За изношенность же устанавливается стандартная скидка в десять процентов.

Может быть, работники комиссионных магазинов по сговору с Грачевым и Гутиным принимали новые пальто, а в квитанциях указывали на их изношенность? У них не было цели так поступать, так как комиссионные магазины вправе принимать и новые пальто.

Вы знаете, что в отношении работников комиссионных магазинов было возбуждено дело о преступном сговоре с Грачевым и Гутиным. Дело это производством прекращено, так как никакой преступной связи между этими работниками с Грачевым и Гутиным не установлено. Постановление о прекращении дела здесь было оглашено.

Вспомним показание Мулина, что Гутин сначала платил ему по пятьдесят рублей за каждое сданное пальто, а потом — по тридцать. Мулин показывает: «Я спросил, почему стали меньше платить». Гутин ответил: «Раньше делали новые пальто, а теперь только подкладка новая, а материал старый».

Итак, 25 пальто, изготовленных из кожи, уже бывшей в употреблении, к коже фабрики «Спортинвентарь» также никакого отношения не имеют.

Однако и это не все пальто, которые должны быть исключены из обвинения Грачева.

Необходимо выяснить, какие пальто сдавал Грачев с Гутиным и какие — Гутин и другие лица вне всякой связи с Грачевым. Во время судебного следствия прокурор заявил: «Так как Розенберг умер, а Гутин скрылся, то теперь Грачев и другие все сваливают на Розенберга и Гутина».

Но получилось обратное: то, что относится к Гутину и Розенбергу, сваливают на Грачева.

Девятнадцать пальто были сданы так называемой группой Мулина. В обвинительном заключении эти пальто также совершенно неосновательно отнесены к Грачеву.

При допросе 13 марта 1953 г. Мулин показал, что по просьбе Гутина он сдавал в комиссионные магазины кожаные пальто. Для этой сдачи он привлек и своих знакомых. Гутина он знает по совместной работе в Московской пожарной охране. Пальто он полу-

чал только от Гутина, которому он отдавал полученные за них деньги. От него же он получал вознаграждение за сдачу пальто. Но однажды, сев в такси вместе с Гутиным, он увидел рядом с шофером какого-то рыжего человека. Этот человек не давал ему — Мулину — ни пальто, ни денег, он не заходил с ним в комиссионный магазин и ни о чем с ним не разговаривал. Этого рыжеволосого незнакомца он больше не видел. И тем не менее 16 марта 1953 г. Мулин в лице Грачева опознал этого человека.

В протоколе опознания сказано лишь, что из числа представленных ему лиц Мулин указал на Грачева, заявив, что один раз видел его в такси с Гутиным. По каким именно признакам и приметам Мулин опознал Грачева, в протоколе опознания нет ни единого слова.

При следующем допросе 20 августа 1953 г., еще в стадии предварительного следствия, Мулин заявил, что в правильности своего опознания он не уверен.

На суде Мулин рассказал, как происходило опознание. Из трех предъявленных ему лиц только у Грачева были рыжие волосы. Мулин заявил, что именно поэтому он и указал на Грачева.

При опознании цвет волос может иметь значение лишь в сочетании с какими-либо другими индивидуальными признаками. Ведь не один же рыжий человек на свете!

Состав участников опознания в значительной мере предрешил его исход.

Нельзя считать установленным, что именно Грачев — тот человек, которого Мулин однажды видел в такси с Гутиным. Тем не менее прокурор заявляет: «Ведь Мулин опознал Грачева!»

Нетрудно обосновать, что это опознание произведено с нарушением процессуальных условий, гаран-

тирующих его достоверность. Но такое обоснование в данном случае было бы излишним.

Ведь если даже исходить из этого опознания, которому прокурор так верит, в чем же Мулин уличает Грачева? Только в том, что Грачев знаком с Гутиным.

Но здесь нет ничего нового. О том же говорили и несколько свидетелей.

Разве это в какой-либо степени уличает Грачева в преступной связи с Мулиным?

Это опознание, от которого Мулин вскоре отказался, само по себе не имеет никакого доказательственного значения.

На предварительном следствии и в судебном заседании в качестве свидетелей были допрошены лица, привлеченные Мулиным для сдачи пальто в комиссионные магазины. Все они показали, что, кроме Мулина, в магазины их часто сопровождал Гутин. Грачева они не знают и о нем ничего не слыхали.

Вот почему, 19 пальто, сданные на комиссию так называемой группой Мулина, к Грачеву также никакого отношения не имеют.

Семнадцать пальто были сданы Розенбергом лично и через его знакомых. Эти пальто без всяких оснований также отнесены к Грачеву.

Почему?

Розенберг проживает на станции Клязьма. К несчастью для Грачева, на той же станции проживает его знакомая, к которой он несколько раз ездил. Об этом следственным органам рассказал сам же Грачев, когда при задержании у него обнаружили билет до Клязьмы.

Тогда следователь изъял из комиссионных магазинов в числе других товарные карточки на пальто, сданные Розенбергом и другими жителями Клязьмы.

Была исследована связь между Грачевым и Розенбергом. Не было даже установлено, что они знакомы.

Розенберг по профессии — портной. На предварительном следствии он показал, что, начиная с 1949 г., он скупал в комиссионных магазинах и на рынках старые пальто, сам их реставрировал, окрашивал и сдавал в комиссионные магазины через своих родственников и знакомых.

С целью проверки показаний Розенберга была допрошена его жена. Она также рассказала, как производились реставрация и окрашивание, где доставали материал, чем окрашивали кожу, вплоть до того, в какой комнате и на каком столе окрашивали. Она не могла сговориться со своим мужем, который в это время находился в тюрьме, и тем не менее ее показания полностью совпали с показаниями Розенберга.

Были допрошены лица, сдававшие пальто по поручению Розенберга. В своих показаниях они подтвердили, что пальто сдавались т о л ь к о по просьбе Розенберга, что они не знают ни Грачева, ни Гутина и даже не слышали этих фамилий. Им платил деньги только Розенберг, и он же сопровождал их в комиссионные магазины.

В обвинительном заключении сказано, что Грачев и Гутин сдавали пальто в комиссионные магазины через Розенберга. На самом же деле Розенберг сам искал людей, чтобы через них изготовленные им пальто сдавать на комиссию.

Все эти пальто сдавал Розенберг, а оказался виновным Грачев.

Отсутствие какой-либо связи между Розенбергом и Грачевым было очевидно для следователя и для прокуратуры Москвы.

В постановлении от 25 апреля 1953 г., утвержденном прокурором Москвы, о привлечении Розенберга

в качестве обвиняемого, следователь пишет, что Розенберг «в неустановленном месте приобретал кожу, сам шил пальто, окрашивал их и сдавал в комиссионные магазины».

Это постановление никем не отменено. На каком же основании пальто, сданные Розенбергом, приписаны Грачеву?

Вполне понятно изумление Грачева, когда, получив копию обвинительного заключения, он узнал, что пальто, сданные Розенбергом, отнесены к нему только потому, что он несколько раз ездил на Клязьму к своей знакомой.

Таким образом, в результате приведенных мною подсчетов с непреложностью устанавливается, что после 26 марта 1952 г., т. е. после поступления Якуба на работу в качестве закройщика на фабрику «Спортинвентарь», в комиссионные магазины было сдано всего 31 новое кожаное пальто.

Экспертиза установила, что для изготовления одного кожаного пальто требуется около шестисот шестидесяти дециметров кожи. Эксперт сказал, что средняя стоимость дециметра коричневого шеврета—1 руб. 64 коп.

Мною представлены суду цифровые подсчеты.

Если исключить пальто, сданные в комиссионные магазины до 26 марта 1952 г., пальто драповые, шевиотовые, изношенные, а также сданные Розенбергом и Мулиным, то стоимость кожи, потребной для изготовления остальных 31 пальто, равна 31 874 рублям.

Я считаю, что — это предел ответственности Грачева, если исходить из предъявленного ему обвинения.

В своей речи прокурор неоднократно заявлял, что по отношению к ряду подсудимых обвинение «художественно доказано». Теперь вы видите, насколько «художественно доказано» обвинение Грачева в том,

что он участник хищений почти на триста тысяч рублей!

Но доказано ли, что для изготовления этих 31 пальто Грачев приобретал кожу у Якуба?

Установлено ли, что хотя бы одно из них изготовлено из кожи, принадлежавшей фабрике «Спортинвентарь»?

Товарищи судьи! Для того чтобы приговор служил целям советского правосудия, необходимо, чтобы обвиняемый был признан виновным лишь в том преступлении, которое он действительно совершил.

Доказывая виновность Грачева, прокурор сказал: «Так как, все отрицая, Грачев не сообщил, где он доставал кожу, мы лишены возможности отвергнуть обвинение Грачева в том, что кожу для изготовления пальто он приобретал у Якуба»!

С этим высказыванием нельзя согласиться. Нельзя свою аргументацию строить так: если Грачев все отрицает, значит он не доказал свою невиновность; значит его виновность доказана.

В науке советского уголовного процесса и в судебной практике твердо установлено положение, что обвинитель должен доказать правильность обвинения. Таким образом, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, и непредставление им доказательств своей невиновности не может рассматриваться как доказательство виновности.

Я не думал, что придется упоминать о том элементарном положении, что обвинитель, поддерживающий обвинение, должен доказать виновность подсудимого. Но вследствие высказывания прокурора я вынужден был это сделать.

Посмотрим же, как обвинитель осуществил лежащую на нем обязанность доказывания.

В своей речи прокурор доказывал, что Грачев сдавал в комиссионные магазины пальто через под-

ставных лиц. Но такие действия Грачева сами по себе представляют состав преступления, предусмотренного ст. 107 УК, т. е. спекуляцию, а не хищение.

Для того же чтобы считать Грачева соучастником преступления Якуба, а тем более участником группы расхитителей, нужно доказать, что эти пальто изготовлены из кожи, похищенной на фабрике «Спортинвентарь». Нужно также доказать, что Грачев приобретал кожу у Якуба и д о 19 августа 1952 г.— дня их задержания.

Какой бы приговор вы не вынесли Якубу, даже если он будет признан виновным в хищении кожи, это ни в коей мере не может предрешать судьбу Грачева. Виновность Грачева в предъявленном ему обвинении не зависит от виновности Якуба. В этом деле Грачев и Якуб — не сиамские близнецы, неразрывно друг с другом связанные.

Доказательство виновности Грачева прокурор видит в том, что при его задержании 19 августа 1952 г. у него были обнаружены пятнадцать кож, принадлежавших фабрике «Спортинвентарь».

Однако этот факт имеет отношение лишь к обвинению Грачева в единственном случае покупки кожи у Якуба. Этот факт не устанавливает, что Грачев приобретал кожу у Якуба и до 19 августа 1952 г.

Подсудимые — сдатчики Ерохина, Вуколов, Сокова подтвердили лишь, что по поручению Грачева они сдавали пальто в комиссионные магазины. Но они не уличают Грачева в преступной связи с Якубом.

В качестве свидетелей были допрошены более двадцати человек, показавших, что по поручению Грачева они также сдавали кожаные пальто на комиссию.

Разве кто-либо из них уличал Грачева в преступной связи с Якубом?

Все эти подсудимые и свидетели заявили, что не знают, из какой кожи изготовлены пальто—кустарной

или государственной выработки, им неизвестно, где была приобретена кожа. Якуба они впервые увидели на суде, и эту фамилию они никогда не слыхали.

Всеми этими показаниями можно обосновать виновность Грачева лишь в спекулятивной деятельности, но не более.

Если бы Грачев приобретал кожу у Якуба, обвиняемые работники фабрики заинтересовались бы, кому и по какой цене Якуб сбывает кожу. Вряд ли можно считать, что все дело реализации кожи они «на откуп» отдали Якубу. Они заинтересовались бы, не берет ли себе Якуб бо̀льшую часть выручки, они знали бы Грачева и во всяком случае, несомненно, слыхали бы эту фамилию.

По поводу некоторых объяснений подсудимых прокурор восклицал: «Так в жизни не бывает!» Я позволю себе здесь с неменьшим основанием заявить: так в жизни, действительно, не бывает. Нереально считать, чтобы работники фабрики не только не знали, но даже не слыхали о Грачеве, если бы он действительно приобретал кожу у Якуба. Ведь в обвинительном заключении и в речи прокурора о Грачеве говорится как об основном источнике сбыта похищаемой на фабрике кожи. Многие из обвиняемых работников фабрики в своих показаниях разоблачали себя, рассказывали детали своих преступлений, называли участников, но фамилию Грачева они не упоминали.

За исключением Якуба, никто из них Грачева не знал и эту фамилию не слыхал.

Доказывая преступную связь, существовавшую между Грачевым и Якубом, прокурор сослался на показания свидетелей Чернышевой и Царькова.

Чернышева на предварительном следствии и на суде рассказала, что на квартире близкой родственницы Якуба в 1951 г. она однажды видела человека, по цвету волос напоминающего ей Грачева. Опознать Грачева она не может.

Что же показал Царьков?

Он заявил, что около двух лет назад работал с Якубом в одном ателье. Однажды он видел, как к Якубу пришел какой-то рыжий человек. Но он не может утверждать, что это был Грачев.

Таким образом, Чернышева и Царьков не опознали Грачева.

Если бы даже Чернышева и Царьков опознали Грачева, то такое их опознание Грачева ни в чем не уличает. Допустим даже, что Грачев — давнишний знакомый Якуба. Разве это свидетельствует о том, что он скупал у него кожу до 19 августа 1952 г.?

Прокурор ссылается на обнаруженные у Грачева при его задержании квитанции комиссионных магазинов и на изъятые из этих магазинов товарные карточки.

Устанавливают ли эти документы преступную связь Грачева с Якубом? Нет, не устанавливают.

В этих квитанциях и карточках нет сведений, из какой кожи сшиты пальто.

Из показаний свидетелей видно, что при своем задержании Грачев пытался уничтожить квитанции комиссионных магазинов. Однако этот его поступок можно объяснить стремлением избежать ответственности за спекуляцию.

По делам о хищении социалистической собственности большое значение имеют вещественные доказательства. В самом деле, только увидев эти пальто, можно установить, из какой кожи они изготовлены.

Вы знаете, что при задержании Грачева 19 августа 1952 г. у него были обнаружены три квитанции на сданные в этот день пальто. Грачева задержали около часа дня. Пальто могли быть сданы в магазин только после 11 часов дня, т. е. за час-два до задержания Грачева. Имея эти три квитанции, можно было по све-

жим следам осмотреть пальто. Если бы было обнаружено, что они изготовлены из кожи фабрики «Спортинвентарь», это являлось бы вещественным доказательством правильности предъявленного Грачеву обвинения.

Однако этого сделано не было. Следственные органы упустили возможность осмотреть пальто. Как я уже говорил, никто не видел хотя бы одно из них. В деле нет вещественных доказательств того, что пальто изготовлены из кожи, принадлежавшей фабрике «Спортинвентарь».

В связи с этим считаю необходимым напомнить об определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 6 января 1954 г. по делу Московкина, осужденного Московским городским судом по обвинению в хищении шевиота. В своем определении Верховный Суд СССР указывает, что этот шевиот в качестве вещественного доказательства в деле не фигурирует и что при этих условиях, при отсутствии вещественных доказательств, вывод суда о виновности указанных подсудимых основан на голых предположениях.

Это высказывание Верховного Суда СССР полностью относится и к обвинению Грачева.

Свой решающий аргумент прокурор приберег для конца речи. Какой же это аргумент? Это, видите ли, показания Якуба от 20 августа 1952 г.

Что показал Якуб?

Он заявил, что с Грачевым познакомился в первых числах августа 1952 г. и продал ему кожу только один раз — 19 августа того же года. До этого Грачеву он кожу никогда не продавал и не обещал продать.

Прокурор зачитал эти показания и заявил, что считает их правдивыми. Я благодарен за упоминание о них. Эти показания — один из главных аргументов защиты.

Доказывая обвинение Грачева, прокурор сделал заявление, на которое я обращаю особое внимание суда. Прокурор сказал: «Жизнь многообразна, но не всегда все удается установить. Но где-то Грачев кожу доставал!»

Этими словами прокурор фактически признал недоказанным, что Грачев приобретал у Якуба кожу и до 19 августа 1952 г. И тем не менее прокурор требует приговорить Грачева к заключению в ИТЛ сроком на 20 лет, да и к тому же без применения амнистии!

По обвинительному заключению Грачев является чуть ли не единственным приобретателем кожи у Якуба. Из 350 тысяч с лишним дециметров похищенной на фабрике кожи можно изготовить почти восемьсот пальто.

Я уже говорил, что если считать Грачева причастным к сдаче пальто в комиссионные магазины, то можно говорить лишь о 31 пальто.

Следовательно, Грачев не был необходимым звеном в сбыте похищавшейся на фабрике кожи.

Где же все-таки Грачев и Гутин доставали новую кожу для изготовления кожаных пальто? Где источник приобретения этой кожи?

Для изготовления 31 пальто могла быть приобретена кустарная кожа. Она выделывалась так называемыми «кадочниками» в Кимрах, Дмитровском районе Московской области, в Рязанской и Калужской областях.

Вы слышали показания ряда свидетелей, что в 1952 г. на рынках можно было достать кустарную кожу.

Вы знаете, что Розенберг приобретал кожу и шил из нее кожаные пальто с 1949 г., т. е. за три года до поступления Якуба на фабрику «Спортинвентарь». Значит, в течение нескольких лет до хищения на фабрике Розенберг имел другой источник приобретения кожи.

Наконец, в постановлении о привлечении Розенберга в качестве обвиняемого сказано, что «Розенберг покупал кожу в неустановленном месте».

В мотивах своего определения от 2 сентября 1953 г. по делу Глушкова Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в качестве установленного по делу обстоятельства указывает, что кустарь Глушков покупал на рынках кустарные кожи и изготовлял из них пальто.

Почему же такой источник приобретения кожи исключается по отношению к Грачеву?

Разве эта версия менее реальна, чем предположение прокурора?

Разве предположение обвинителя о происхождении кожи исключает эту версию?

Заканчивая свою речь, прокурор просил суд, руководствуясь своим внутренним убеждением, признать Грачева виновным в предъявленном ему обвинении.

Однако внутреннее убеждение суда должно быть основано на совокупности доказательств по делу.

По отношению же к Грачеву имеются предположения,—

что до 19 августа 1952 г. он покупал кожу у Якуба и что пальто, о которых идет речь, сшиты из кожи, принадлежавшей фабрике «Спортинвентарь».

Но количество предположений не превращает их в качество доказательства виновности.

Каждое из них должно быть самостоятельно доказано.

Прокурор пытается это сделать, но, к сожалению, весьма оригинальным способом. Одно предположение он доказывает другим.

Прокурор говорит: «Если Грачев до 19 августа 1952 г. приобретал кожу у Якуба, значит пальто изготовлены из кожи, принадлежавшей фабрике «Спортинвентарь».

Но ведь прежде всего это «если» надо доказать.

Далее прокурор рассуждает: «Если все пальто сшиты из кожи фабрики «Спортинвентарь», значит эта кожа приобретена у Якуба».

Но ведь прежде всего именно и требуется доказать, что пальто изготовлены из кожи фабрики «Спортинвентарь».

На языке логики метод доказывания, к которому прибегает прокурор, называется «предрешением основания» — приведение в качестве доказательства аргумента, который сам еще должен быть доказан.

На процессуальном языке — это обвинение, основанное на предположениях.

Предположения же не могут заменить недостающих улик.

Нельзя рассуждать: так могло быть, поэтому так должно быть, так было.

Такое рассуждение противоречит презумпции невиновности — важнейшему процессуальному принципу социалистического правосудия. Именно презумпция невиновности исключает правомерность обвинительного приговора, основанного на предположениях, на вероятности, даже на высокой степени вероятности виновности подсудимого. Приговор советского суда должен выражать абсолютную истину. Обвинительный приговор должен быть основан на безусловной и абсолютной доказанности, что подсудимый виновен во вменяемом ему деянии.

Суммирую сказанное.

Как я уже говорил, из 150 пальто, о которых сказано в обвинительном заключении, лишь 31 сдано после якобы возникшей преступной связи между Грачевым и Якубом.

Стоимость кожи, потребной для изготовления этих 31 пальто, выражается в сумме 31 874 рубля.

Это — предел ответственности Грачева. Указанная же

в обвинительном заключении и в речи прокурора сумма почти в 300 тысяч рублей нереальна и ничем не подтверждена.

Поэтому, даже с точки зрения предъявленного Грачеву обвинения, нельзя признать правильным требование прокурора приговорить его к 20 годам ИТЛ, без применения амнистии. Даже в этом случае имеются все основания определить Грачеву минимальное наказание в пределах вмененной ему статьи Указа от 4 июня 1947 г. и применить к нему амнистию.

Однако нет доказательств, что даже эти 31 пальто изготовлены из кожи, похищенной на фабрике «Спортинвентарь». Нет доказательств, что эту кожу Грачев приобрел у Якуба.

Систематическая же сдача пальто в комиссионные магазины должна повлечь квалификацию в зависимости от того, вкладывал ли сдатчик в их изготовление свой личный труд. Если сдатчик сам изготавливал пальто, может идти речь о применении к нему ст. 99 УК (занятие запрещенным промыслом). При отсутствии этого условия может быть применена ст. 107 УК. Из дела видно, что Грачев и Гутин не умели шить пальто. Этого не отрицал и сам Грачев.

Поэтому при квалификации действий Грачева надо исходить из того, что из приобретенной где-то кожи он и Гутин изготавливали пальто у неустановленных кустарей, не вкладывая в это свой личный труд. Через подставных лиц эти пальто они сдавали в комиссионные магазины. Такие действия Грачева должны быть квалифицированы по ст. 107 УК.

Остается обвинение Грачева в том, что 19 августа 1952 г. он купил у Якуба 15 кож, заведомо зная, что они похищены.

Эта единственная покупка должна быть квалифицирована по ст. 164 ч. 1 УК РСФСР (покупка заведомо краденого).

В своей речи прокурор сказал, что нужно усилить меру наказания в отношении Грачева, так как Грачев вовлек на преступный путь Ерохину и других сдатчиков пальто. Так ли это?

Нет, это не так.

Ерохина сама показала, что она неоднократно просила Мулина познакомить ее с Гутиным, чтобы «подработать». По ее словам, через Гутина она познакомилась с Грачевым.

Не Грачев и Гутин искали Ерохину. Она сама искала их.

А затем Ерохина вовлекла в преступление других лиц, предложив им сдавать пальто в комиссионные магазины.

Ерохина и другие сдатчики рассказали, что именно Гутин познакомил их с Грачевым.

Итак, Грачев никого не вовлек в преступление.

Вспомним, что Гутин сдавал пальто в комиссионные магазины с начала 1951 г., почти за полтора года до того, как к этому стал причастен Грачев, если исходить из обвинительного заключения.

Именно Гутин сопровождал сдатчиков в комиссионные магазины. Он же получал по квитанциям деньги. Вспомним показания свидетелей о доминирующей роли Гутина.

Нужно ли высказывать опасение, что отсутствие на скамье подсудимых скрывшегося Гутина может увеличить роль Грачева в этом деле?

Я полагаю, что суд не возложит на Грачева тяжесть преступления, совершенного другими.

Правда, задержание Грачева положило начало розыскным действиям по делу.

Но Грачев здесь подобен персонажу, который несколькими словами начинает первое действие пьесы, затем исчезает и не принимает участия в развертывающихся в ней событиях.

В своем выступлении прокурор сказал, что запирательство некоторых подсудимых, в том числе и Грачева, является обстоятельством, отягчающим их вину.

Товарищи судьи! Прежде всего необходимо сказать, что мы иногда допускаем неправильную оценку значения сознания подсудимого и отрицания им своей вины.

Опытный преступник обычно признает бесспорные факты, отрицание которых заведомо бесполезно и бесплодно. Свое вынужденное признание он тогда старается облечь в форму искреннего раскаяния. Действуя с продуманным расчетом, он надеется таким путем добиться значительного смягчения наказания. При этом он часто пытается запутать суд, вклинивая крупицы правды в глыбу неправды.

В то же время запирательство не всегда свидетельствует о закоренелой преступности.

Нередки случаи, когда подсудимый глубоко раскаивается в совершенном им преступлении, твердо решает больше не вступать на преступный путь, желая в тоже время избежать длительного заключения.

Вряд ли можно отягчать участь подсудимого только потому, что свое право защиты он неправильно использовал.

В отношении же Грачева вообще нельзя говорить о запирательстве, так как он отрицает необоснованное обвинение — что он являлся участником группы расхитителей.

Я надеюсь, что вы не пройдете мимо прошлого Грачева. Правда, в нем нет ничего выдающегося, но во всяком случае до знакомства с Гутиным он ничем себя не запятнал. До семнадцатилетнего возраста он учился. После смерти отца в 1940 г. он стал работать, сначала наладчиком автоматов на одном из заводов, затем в различных учреждениях. С последнего места

службы вследствие реорганизации учреждения он был уволен 16 августа 1952 г., за три дня до своего задержания. Одновременно он учился в машиностроительном техникуме.

Единственный сын, он все это время был и единственной поддержкой своей теперь уже семидесятидвухлетней одинокой матери.

Еще несколько слов.

Председатель судебного заседания в одном своем замечании высказал правильную мысль, что бесцельное отрицание виновности иногда объясняется тем, что подсудимому стыдно обо всем рассказать на суде.

И быть может, в этом стыде — начало исправления.

В этом деле имеется заманчивая возможность следовать предположениям. Полагаю, — не будет самонадеянным считать, что вы, товарищи судьи, не пойдете по этому легкому, но неверному пути.

Это—не путь исследования, предписанный нам требованиями советского правосудия.

Товарищи судьи! На пути к исправлению важно, чтобы осужденный сознавал справедливость приговора.

Разрешите выразить уверенность, что ваш приговор в отношении Грачева будет глубоко продуман и поэтому глубоко справедлив.

Судите Грачева, но не выше его вины.

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов В. Л. Россельса в защиту Ю. Багрова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

В марте 1940 г. в Московском городском суде слушалось дело по обвинению В. П. Демьянова по ст. 73-2 УК РСФСР, несовершеннолетних школьников Ю. Кобзарева, А. Курина, В. Маревина, В. Никишина—по ст. 74 ч. 2 УК и Багрова Ю.—по ст. 17-74 ч. 2 УК.

16 февраля 1940 г., в 7 часов вечера, в доме по Арбату в коридоре второго этажа группой подростков был избит ученик 6-го класса пионер-активист, председатель пионерского совета Слава Зорин, который вместе с членами пионерского совета—учениками Игорем Лозовым, Лилей Травиной и Тамарой Либовой—шел к отцу ученика Юры Багрова поговорить о повышении его успеваемости.

Юра Багров, ученик 6-го класса, обвинялся в том, что, «зная, что к его родителям должен прийти, согласно решению совета пионерского отряда, председатель совета отряда Ростислав Зорин по вопросу его плохой успеваемости, с целью недопущения его к родителям организовал группу ребят — Курина, Никишина, Кобзарева—для учинения озорных, хулиганских действий, выразившихся в избиении Зорина, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 17-74 ч. 2 УК РСФСР» (обвинительное заключение).

Подсудимого Демьянова суд оправдал, всех остальных приговорил к одному году лишения свободы условно с испытательным сроком в течение двух лет.

Суд вынес два частных определения.

В одном из них обращалось внимание органов народного образования на антипедагогические методы воспитания детей, применявшиеся директором и заведующим учебной частью школы, в частности, на то, что педагоги пытались перепоручить учащимся некоторые свои обязанности, посылали школьников на дом к родителям.

В другом определении сообщалось общественным организациям учреждений, где работали родители осужденных, что они плохо воспитывают своих детей, оставляют их без надзора.

28 марта 1940 г. «Правда» в большой статье «Что показал процесс школьников» писала: «Защитники хорошо справились со своей задачей. В своих речах они не ограничились юридической трактовкой вопроса, а поставили во весь рост связанные с процессом общественные и педагогические вопросы», а 29 марта в передовой статье «Школа и семья» «Правда» вновь в связи с данным делом осветила принципиальные стороны школьного и семейного воспитания.

РЕЧЬ АДВОКАТА В. Л. РОССЕЛЬСА

Товарищи судьи!

Есть несколько общих вопросов, без правильного разрешения которых нельзя определить ни значения совершенного подсудимыми, ни меры вины каждого из них.

Я полагаю, что общественная задача защиты состоит в том, чтобы, подняв во весь рост возникшие в этом процессе вопросы, раскрыть их общественный смысл и дать на них посильный ответ.

Вечером 16 февраля 1940 г. на второй этаж огромного дома на углу Смоленской площади и Арбата поднималась небольшая группа детей. Впереди шел Слава Зорин, за ним Игорь Лозов, а далее девочки — Лиля Травина и Тамара Либова.

Это шел совет пионерского отряда школы.

Хорошее намерение руководило ими: поговорить о поднятии успеваемости своего товарища Юры Багрова с его отцом.

Так понимали эти дети свой долг товарищества и дружбы.

Они вошли в коридор...

А там, в коридоре, поджидал их другой отряд таких же школьников, их сверстников и товарищей.

Для чего? Может быть, для встречи Славы Зорина как друга, как товарища?

Нет, они собрались в темном углу коридора, чтобы встретить Славу как недруга, злого «ябедника», которого надо «проучить», а если понадобится, то и побить...

Высокое чувство дружбы и товарищества, которое руководило Зориным, эти дети считали проявлением «ябедничества», а свое трусливое нападение из-за угла на товарища расценивали как выполнение долга дружбы по отношению к Багрову, просьбу которого они выполняли.

Какая печальная картина смешения нравственных понятий! Какая подмена высокого и доброго низким и злым в этом маленьком детском мирке!

Велика власть благородных идей в нашем обществе! Одна из них — дружба и товарищество.

Тарас Бульба, образ которого всегда волнует детское воображение, говорит о товариществе:

«Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество... Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей...

Нет, братцы, так любить, как русская душа,— любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе...

Нет, так любить никто не может!.. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество!»

«Товарищество» — это понятие выросло и окрепло в ходе нашей социалистической революции. «Товарищ» — это понятие, которое вдохновляет наших людей на подвиг, оно проникает во все поры нашего общественного организма, делая еще более несокрушимой силу сцепления его частей.

«Товарищи судьи»,—это обращение к вам разве не символизирует взаимоотношения в нашем обществе?

И вот эта основная идея нашего бытия грубо искажена.

Как объяснить это?

Кто ответствен за это?

Ответ на этот вопрос беспокоит не только родителей, жаждущих видеть своих детей нравственно здоровыми людьми, не только педагогов, воспитывающих их, но и все наше общество, заинтересованное в неприкосновенном сохранении тех основных моральных ценностей, которые крепят его конструкцию.

Посильный ответ на этот вопрос — необходимая общественная задача защиты в этом процессе.

Однако не только этот вопрос вызывает беспокойство.

Есть еще вопросы.

Избит мальчик Зорин.

Может быть, его душевные качества, его поведение вызвали столь бурную реакцию его товарищей?

Нет. Родители Славы Зорина вправе гордиться своим сыном.

«Слава Зорин — председатель пионерского отряда 6-го класса, член учкома, отличник, безукоризненно дисциплинированный, прекрасный товарищ»,—говорит о нем директор школы.

Четырнадцатилетний мальчик перед тем, как пойти к отцу Багрова, колеблется, боится ошибочного шага, боится быть ложно понятым своим товарищем Багровым, боится незаслуженно прослыть «ябедником» и обращается за советом к заведующему учебной частью, спрашивает, удобно ли, тактично ли идти учащимся по такому поводу к родителям товарища, и получает неосторожный совет идти, совет, о котором, несомненно, теперь жалеет давший его педагог.

Тревожно ощущает неверность этого шага Слава Зорин и говорит Тамаре Либовой: «Знаешь что, когда мы расскажем отцу, что Юре нужна помощь, мы позовем Юру погулять, чтобы дома не было неприятностей, поговорим с ним по-товарищески об учебе».

Не правда ли, товарищи судьи, такую чуткость мог проявить мальчик высокого интеллекта, тонкой духовной организации.

Слава сомневается, но идет вместе со своими друзьями выполнить свой долг.

И вдруг... нападение из-за угла...

«Били Зорина два раза. Когда он вырвался в первый раз, мы его звали домой,—рассказывает Тамара Либова, — но он сказал: «Я пойду к Багрову», пошел, и снова его там же стали избивать... Когда Зорин вырвался вторично, он сказал все же Багрову: «Позови отца!»

О мужестве написано много книг, много сложено песен...

Какое же это мужество, выдержать нападение нескольких мальчиков из-за угла? И все же... В этом есть пленительное мужество, формирующее сознание бойца, выполняющего свой долг. Мужество и сознание долга — это внушает уважение даже врагам.

И неслучайно Маревин, принимавший участие в избиении, говорил про Зорина: «Жаль его, хороший, смелый парень».

«Когда его избивали, — рассказывает Яснинская, — Слава кричал своим спутникам, чтобы они не подходили. Когда его избивали, он больше всего боялся, чтобы не побили девочек».

Так понимал этот мальчик достоинство мужчины, дружбу и товарищество.

Этим мальчиком, сочетавшим в себе душевную чуткость, высокое сознание долга, непоколебимое мужество с чувством товарищества, вправе гордиться не только вырастившие его родители, не только воспитавшие его педагоги, но и видящее в нем свою надежду общество.

Им должны были гордиться, уважать и любить товарищи, его сверстники...

Должны были...

А между тем...

Игорь Лозов, ближайший друг Славы, с горечью говорит:

«Не все его любили».

И мы с недоумением узнаем, что целый ряд школьников — Болотов, Андреев, Карев, Боков одобряли избиение Зорина.

Так Слава Зорин шел к своим товарищам с открытым сердцем, а они напали на него из-за угла, он заслужил любовь, а ему отплатили ненавистью.

Как это случилось?

И на этот вопрос общество, видящее в Зорине лучшие черты советского человека, ждет ответа.

И еще...

Кто эти дети, которые не поняли ни товарищества, ни товарища?

Не бездомные ли это, беспризорные дети, которые, будучи лишены ласкового увещания матери, строгого внушения педагога, доброго слова товарища, идут по пути преступления, повинуясь инстинкту—передко в их одиноком и печальном детстве единственному советнику, иногда дурному, приводящему их в судебный зал?

Нет, эти дети, впервые видящие огни судебного зала и красное сукно сурового судейского стола, более счастливы. Они выросли в теплом уюте любящей трудовой семьи, во главе которой в большинстве случаев интеллигенты — носители высокой советской культуры.

Отец Никишина — научный работник, мать его — педагог; Кобзарев — сын доцента Тимирязевской академии; отец Багрова—член Коммунистической партии, инженер, только что вернувшийся из заграничной командировки; мать Маревина — пользующаяся уважением общественница, ведающая красным уголком в доме.

Казалось бы, дети таких родителей должны были получить лучшие представления о нормах поведения в нашем общежитии.

Нет, это — не беспризорные дети. Они окружены вниманием школы, педагоги говорят о них, как о хорошо и отлично дисциплинированных школьниках, и эта характеристика соответствует отметкам в их дневниках.

И все же они здесь перед нами, поникшие и сознающие, что совершили дурное дело. Среди них и Кобзарев, всегда тихий, замкнутый, спокойный, много читающий староста стрелкового кружка в красном уголке дома, и Багров, которого я защищаю и о котором скупая характеристика жильцов дома говорит: «в шалости и хулиганстве не замечался», и другие такие же.

И именно эти школьники, поведение которых до этого времени не вызывало сомнений, обвиняются в избиении прекрасного товарища.

А вспомните свидетеля, подростка Виктора Морева, с открытым, хорошим лицом, который на вопрос, что бы он сделал, если бы оказался в тот момент в коридоре, чистосердечно ответил: «Бил бы...» Он понимал, что готовится дурное дело, но, трусливо боясь прослыть в глазах сверстников плохим товарищем, не нашел в себе мужества противостоять их позорному намерению.

Кто в нашем обществе, которое считает мужество высшей доблестью, а трусость — пороком, внушил им эти ложные взгляды?

Как понять это? Как объяснить эту особенность настоящего процесса?

Больше того. Оказывается, что о готовившемся избиении знали не только его участники, но и много других ребят, и никто, ни один из них не только не попытался остановить избиение, но и не предупредил об этом ни педагогов, ни родителей.

Какая отчужденность между воспитанниками и воспитателями! Какое одиночество в семье!

Как это могло случиться в нашем обществе, которое в укреплении трудовой семьи видит залог дальнейшего прогресса?

Велико общественное значение этого процесса, и не случайно все эти дни мы видим в переполненном судебном зале не только родителей, педагогов и судебных деятелей, но и работников наших общественных организаций.

Кто-то из подсудимых перед тем, как началось нападение, потушил в коридоре свет. Может быть, потому, что при свете стыднее творить дурное? Стыд, как дым, глаза ест...

Надо включить свет, надо осветить не только темные события, разыгравшиеся в этом коридоре с выходящими в него наглухо закрытыми дверями, за которыми живут равнодушные к детскому крику родители обвиняемых (ведь никто не вышел, чтобы остановить избиение), надо осветить и школу, где учились Зорин с его друзьями и Багров с его товарищами, надо осветить и семьи, в которых они выросли.

Тогда мы многое увидим, многое поймем...

Велика и почетна роль учителя в нашей стране.

Антон Павлович Чехов еще в начале 1900-х годов говорил Алексею Максимовичу Горькому: «Если бы Вы знали, как необходим русской деревне хороший, умный, образованный учитель!.. без широкого образования народа государство развалится, как дом, сложенный из плохо обожженного кирпича! Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело».

Советское учительство как один из передовых отрядов социалистической интеллигенции призвано содействовать повышению культуры подрастающего поколения, укреплению в сознании молодежи великих

принципов коммунизма, высоких идей морали, воспитанию в них лучших качеств человека — идейности и решительности, честности и верности долгу, бесстрашию и настойчивости, трудолюбию и беззаветной любви к социалистической Родине, к народу, к Коммунистической партии.

И советское учительство с честью несет свое знамя. Только недавно свыше четырех тысяч особо отличившихся учителей Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР награждены орденами и медалями.

Общество вправе требовать от наших педагогов не только личных нравственных качеств, но и серьезных знаний, необходимых для выполнения стоящих перед ними общественных задач.

Было ли так в этой школе?

Директор школы — человек, личные нравственные качества которого нам не внушают сомнений, но его педагогические приемы, методы воспитания вызывают тревогу.

Судите сами, товарищи судьи.

У кого-то в школе пропадают деньги. По этому поводу школьников 7-го класса подвергают личному обыску, у них выворачивают карманы.

«Каждый может быть жуликом», «каждый — в подозрении» — вывод, который могут сделать школьники. «Доверять никому нельзя и даже близкому товарищу»,—думает школьник; растет рознь среди друзей, недоверие.

Не правда ли—метод воспитания весьма сомнительный. И он дал свои результаты.

А вот еще.

Школьники Болотов и Карев одобряют избиение Зорина. Узнает об этом директор и не находит лучшего способа бороться с открыто выраженным мнением подростков, как исключением их из школы.

Но это не все.

Для того чтобы вновь быть принятыми в школу, от обоих исключенных требуется очень немного. Они должны подать письменное заявление, что «осознали» неправильность своих высказываний, что «раскаиваются».

И что же! Чуть ли не на следующий день они подают заявление, что «осознали», «раскаялись», и они возвращены в школу.

Такова награда за лицемерие!

Школьники получили предметный урок того, что действительные убеждения от начальства следует скрывать, а высказывать то, в чем ты, может быть, и не убежден, но что угодно начальству, и «жизнь твоя будет сладка и приятна».

Вот как можно приучить к низкому угодничеству, лицемерию, ханжеству!

Таковы результаты подмены в этой школе хотя и трудной, но полезной, живой разъяснительной педагогической работы вредными, крутыми административными мероприятиями.

Так руководитель единого школьного коллектива, педагог — старший товарищ, воспитатель советской школы вытесняется здесь администратором, начальником.

Вот к чему приводят иные «педагогические» методы, применяемые иными руководителями школы.

Влияние этих методов сказывается и на атмосфере, которая создается в 6-м классе, где учатся и Зорин и Багров. Недоверие друг к другу, рознь внесены в их среду, и вот начинается расслоение среди товарищей, образуются группировки среди одноклассников.

В 6-м классе ученики резко делятся на «отличников», «хороших» детей и неотличников — «плохих». Отличники возглавлялись Зориным; во главе неотличников были Болотов и Карев.

Дело дошло до того, что отличник Лозов, сидевший с Болотовым на одной парте, разделил парту пополам, отделив себя от товарища: у нас, мол, с тобой разные интересы.

Все руководящие «посты» разделены между отличниками.

Классный организатор—отличник, членами совета пионерского отряда были только отличники Зорин, Лозов, Либова, Травина. Редакторами, корреспондентами стенгазеты были те же Зорин, Лозов, Травина, Либова и другие отличники, ревниво оберегавшие газету от проникновения «посторонних».

Когда неотличник Багров оформил стенгазету, редакторы не приняли ее, заявив, что «он не имел права оформлять ее».

«Посторонним вход воспрещен!»

Порыв и труд Багрова пропали даром, и, кто знает, может быть, в этот день впервые зародилась у него дурная мысль, и яд незаслуженной обиды впервые растревожил еще неокрепшую в борениях совесть мальчика враждой к обидчикам.

Пропасть между двумя группами детей расширялась и углублялась. Педагоги не могли не видеть этого, но проходили мимо, не понимая значения всего этого для назревавшего конфликта и не принимая никаких мер для улучшения напряженной атмосферы в классе.

В соответствии с Положением Наркомпроса РСФСР об ученических организациях в классе образован совет пионерского отряда, однако его действия выходят за пределы предоставленных ему Положением функций.

Совет пионерского отряда по собственной воле, с одобрения и поощрения директора школы вызывал для внушения не только неуспевающих и провинившихся учеников товарищей, но и их родителей; не только вызывал, но и посещал родителей на дому,

контролируя занятия и поведение своих товарищей, «инструктируя» их и т. п.

Педагоги передоверяли свои функции совету пионерского отряда. Совет пионерского отряда перестал быть органом товарищеского воздействия и стал чем-то вроде педагогического совета.

В глазах школьников пионерский совет перестал быть «своим», дружеской организацией товарищей, а стал «чужим», как бы организацией школьной администрации.

А педагоги не замечали противоестественности создавшегося положения.

Во главе совета стоял Зорин, который понимал свои задачи в соответствии с тем значением, какое в этой школе было придано совету. Педантичный в выполнении своего долга, он носил постоянно записную книжку, в которую записывал опоздавших, не приготовивших урока, провинившихся, а затем ставил на вид, делал замечания, вызывал в случае надобности в совет отряда.

Этот мальчик чувствовал себя и вел себя со своими товарищами скорее как требовательный педагог, чем как равный товарищ.

Зорин был почти начальник.

Применяемые в школе приемы вредного администрирования отражаются и на отношении Зорина к товарищам.

Директор, как мы знаем, не доверяет своим ученикам.

Зорин воспринимает тот же «педагогический» метод и не доверяет своим товарищам.

Болотов получил по физике за контрольную работу «хор». Зорин не верит, что тот сам выполнил эту работу, и Болотов, подчиняющийся требованиям председателя пионерского совета, вынужден принести от отца записку, в которой удостоверяется, что он сам, без помощи отца, написал работу.

Зорин успокаивается.

Но едва ли скоро успокоится Болотов, который, оскорбленный недоверием, видит в Зорине не товарища, а начальника, да еще начальника, незаслуженно его третирующего в глазах товарищей и отца.

«И все это тем более возмутительно и противно,— думает Болотов, —что ведь Славка такой же мальчик, как и я».

Ненависть закипает в сердце Болотова, и не только в его сердце... Яд просачивается и по каплям отравляет сердца товарищей, которые боятся оказаться в таком же положении, как и он.

Конфликт назревает.

А классный руководитель, обязанный, как устанавливает Положение, «держать связь с советом пионерского отряда», поощряет деятельность Зорина, не нарадуется ей и, близорукий, не замечает, что вокруг пионерского совета создается враждебная атмосфера, что совет не только перестал быть здоровой ученической организацией, «объединяющей учащихся в единый дружный коллектив», как этого требует Положение, но становится вредным. Не замечает и того, что председатель совета Зорин, так желающий помочь своим товарищам, не только теряет авторитет и их любовь, но становится в их глазах «подлизой» у школьной администрации, «ябедником». Не замечает, что тучи сгущаются над головой неповинного мальчика — жертвы несомненных педагогических ошибок школьной администрации.

В воздухе становится душно, как перед грозой...

Когда выяснилось, что у Багрова пять «плохо», его вызывают на совет пионерского отряда.

«Чем объяснить, что у тебя пять «плохо»?—обращается к нему Зорин. Багров смущается, робеет и отвечает, что он старается и что вернувшийся недавно

из заграничной командировки отец ему помогает и занимается с ним до позднего вечера.

Багров говорит правду и даже готов дать «честное пионерское», но совет отряда не доверяет уверениям товарища и решает посетить его отца.

Присутствовавший здесь классный руководитель Павлова помнит, что незадолго до этого пионеры-отличники Бранов и Булаев пошли на квартиру к отстающим двум товарищам, и там их... облили водой, помнит также, что райком партии осудил практику «хождений на дом» пионеров к родителям.

Но опытный, старый педагог так верит в детскую «самодеятельность», что одобряет решение совета.

Впрочем, толком никто не понимает, для чего надо идти. Педагог Павлова говорит, что они шли для того, чтобы позвать отца Багрова на заседание пионерского совета. Старшая пионервожатая Буцко утверждает, что они должны были пойти, чтобы проверить, правду ли говорит школьник Багров, а Зорин полагал, что они идут к отцу Багрова для того, чтобы с ним обсудить, как поднять успеваемость сына.

А в протоколе (представьте себе, что совет пионерского отряда, как и подобает серьезному административному органу, ведет подробные протоколы совещания по методу «слушали-постановили») записано не очень грамотно: «постановили отправиться к отцу Багрова на счет успеваемости».

Никто не понимает толком...

Но меньше всех понимает Юра Багров.

Ему немного лет, и он уже познал тяжесть разочарования. Он горько переживает обиду: ему не поверили, и он чувствует, что в совете нет товарищей.

Нет, ни любимец школьного руководства, выполняющий его поручения, Зорин, допрашивающий его, как следователь, как судья, ни противные, — так кажется Багрову, две девчонки с косичками Лиля и

Тамара, поддакивающие Зорину, ни другие — все это не товарищи!

Да и не могут быть они его товарищами. Они не верят ему, а ведь главное в товариществе — это доверие, вера в то, что товарищ не обманывает, а Юра ведь говорит правду.

«Нет, это не товарищи, — решает Багров, — это какие-то изменившие товариществу начальники. Зачем они идут к его отцу?»

Багрову ясно только одно, что от этих посещений успеваемость его не повысится, что его бывшие товарищи, а теперь ненавистные начальники и сами не знают, для чего они идут, и он с тревогой начинает подозревать, что они идут для того, чтобы отцу «наябедничать», и вот он уже слышит упреки матери, он уже видит, как у него отбирают костюм и другие привезенные отцом подарки.

И все это из-за ненавистного Зорина и его друзей.

Все перемешалось в представлении Багрова. «Товарищество», «ябедничество» — все это спуталось в его взволнованном воображении.

И, как укол в сердце, воспоминание об отвергнутом порыве, о стенгазете...

У всегда дисциплинированного (по дисциплине — отлично, говорят педагоги) мальчика вновь возникает когда-то ранее мелькнувшая мысль: «Отомстить за себя, за Болотова, за других, проучить раз навсегда, не пустить ябедника, спастись во что бы то ни стало...»

И все же не случилось бы того дурного, о чем сейчас жалеют и Багров и сидящие с ним рядом друзья его, если бы кто-нибудь из взрослых, например классный руководитель, разъяснил ему истинное существо намерений Славы.

«Положение об ученических организациях в школе» прямо требует «массовой разъяснительной работы среди учащихся о значении и роли ученических организаций

в школе, проводимой учителями, пионерской и комсомольской организациями под руководством директора и комсорга».

Но, к сожалению, педагоги в этой школе сами не понимали значения и роли ученических организаций.

Юра Багров в одиночестве решал свои казавшиеся ему столь серьезными жизненные проблемы, и он решил их так, как подсказало ему дурное чувство, вспыхнувшее в его неопытном сердце.

Так понятие «товарищество» подменилось в психологии мальчика понятием «ябедничество»; так Слава Зорин, имевший право на любовь товарища, вызвал к себе его ненависть; так ничего не понявший, всегда дисциплинированный Багров пошел по дурному пути...

Кто ответствен за это?

Я думаю, что путь и непонятого Славы Зорина и ничего не понявшего Юры Багрова от пионерского совета к темному коридору большого дома устлан грубыми ошибками педагогов.

Не надо быть специалистом-педагогом, чтобы понять, что поведение обоих мальчиков было в значительной степени результатом неправильных методов воспитания, практиковавшихся в этой школе.

Однако испытания Юры не кончились. Он идет домой. Мысль блеснула, созрела. Решение принято, но оно ведь еще не выполнено... Еще теплится надежда. Юра знает, что уже брошенный и летящий мяч вратарь на футбольном поле перехватывает у самых ворот.

«Сказать матери, отцу?»—колеблется Юра...

Но ему не везет. Днем отец и мать не могут говорить с сыном: они заняты на работе!

Может быть, вечером?

«14 февраля вечером мы с женой были в кино,—рассказывает инженер Багров,—и, когда пришли домой, Юра уже спал, а утром ушли на работу, Юра мой еще не вставал».

Слишком мало времени уделяете вы сыну, инженер Багров! Если бы хоть несколько минут внимания вы уделили сыну, сын поделился бы своими заботами с вами, отцом, а не со своими столь же одинокими, как он сам, товарищами.

Но вам некогда, а Юра спешит.

Он обращается к Володе Маревину, и тот соглашается принять участие в избиении. План, конечно, не будет открыт Володей родителям. По словам соседей, «отец мало обращал внимания на сына, а мать истолковывала его шалости как шалости «неразумного дитяти».

Не расскажет и Толя Курин своему отцу, который даже тогда, когда его вызывали в школу по поводу плохой успеваемости и плохого поведения сына, ни разу в школу не пришел, ссылаясь на перегруженность. Так нам рассказала классная руководительница Дирикова.

Просит Юра о помощи и тихого, много читающего, замкнутого друга Юру Кобзарева. И с ним договориться не опасно. Заговор не будет им раскрыт перед отцом. Он—доцент Сельскохозяйственной академии, ученый. Он поглощен интересами науки, и они заслоняют в его глазах «маленькие» интересы его сына.

А у сына свой мирок.

Придет, может быть, время, когда ученый захочет проникнуть в мирок сына, но будет поздно, так же поздно, как теперь, когда отец только через два дня узнал, что его тихий, скромный сын участвовал в избиении товарища.

Не жалеете ли вы, товарищ Кобзарев, что ваши интересы не связаны с интересами вашего сына и не чувствуете ли за это моральной ответственности?

И вот четвертый участник — Слава Никишин. Его отец — научный работник, а мать — педагог средней шко-

лы, профессия которой—воспитание детей. Не расскажет ли Слава им о предполагаемом избиении товарища? Но Юра Багров спокоен — не поделится Слава своими планами с родителями.

«Мать и отец работают. Сын предоставлен самому себе»,—говорит о Никишиных классный руководитель.

Сама мать Никишина, по словам свидетельницы Солдатовой, говорила: «Что делать, ребенок предоставлен самому себе, я прихожу поздно, а муж не уделяет ему внимания».

Нет, конспирация не будет нарушена. Никто не расскажет ни одному взрослому, ни педагогу, ни отцу, ни матери, с которыми нет у детей необходимой духовной связи.

Какое детское одиночество!

Юра возвращается домой. Сегодня—пятнадцатое. До прихода Зорина остался еще день. «А может быть, сегодня поговорить с матерью, отцом?»

Еще остается проблеск надежды.

Напрасны колебания Юры. Днем родители, как и вчера, на работе, «а вечером 15 февраля мы с женой, — рассказывает отец Багрова,—отправились в театр».

Вчера—кино, сегодня—театр.

Не слишком ли много развлечений у вас, товарищ Багров,—так много, что в течение двух суток вы не нашли времени, чтобы уделить самое малое внимание сыну?

Или его интересы, которые ему кажутся самыми важными в жизни, а вам кажутся маленькими, вас не занимают, и вы предоставляете ему разрешать его маленькие дела самому, без вашего совета и помощи, в одиночестве?

Нет спора, вы заняты работой, в которой нуждается государство. А не нуждается ли государство в правильном воспитании молодого поколения? И не нарушаете

ли вы вашим пренебрежением к сыну долга перед обществом и государством, которое обязывает вас не только содержать ваших несовершеннолетних детей, но и заботиться об их воспитании и подготовлении к общественно полезной деятельности!

Сегодня не говорил с сыном, завтра не говорил. А сыну надо поделиться тревожными вопросами, и ему приходится получать ответы не у отца, а у товарища, у которого родители, может быть, так же заняты, как и вы.

Сын начинает понимать, что у отца получить ответ на тревожащие его вопросы трудно, и сын отвыкает обращаться к отцу. Наступает охлаждение между отцом и сыном, наступает отчуждение, порывается естественная нравственная связь. Расходятся дороги отца и сына, и только вдруг отец узнает о сыне что-то такое, что поражает его, и он с тоской всматривается в лицо сына: «Да сын ли это мой, да как же это случилось?»

А ведь Багров — член партии, интеллигент, инженер, только что побывавший за границей, мог бы много рассказать сыну и о нашей стране и о далеких странах, что так увлекает детей... Но ему некогда...

Родители не понимали своих детей...

«Отцы и дети» — «вечный вопрос», брюзжит кто-то в углу, восстанавливая в своей памяти картины прошлого, вспоминая роман Тургенева и его Николая Петровича Кирсанова, который с тоской говорит о сыне: «Я остался позади, он ушел вперед, и понять мы друг друга не можем».

Но в нашем обществе мы не отстаем от детей наших, и они не отстают от нас, потому что мы вместе с ними слиты в одно целое одной волей, одним желанием, одним стремлением, одной борьбой за построение коммунистического мира. Мы не можем не понимать их, а они — нас.

У нас нет сомнений, что Багров и другие родители подсудимых любят своих детей, кормят их, одевают и создают им надлежащую по возможности обстановку для занятий, но ведь это далеко не все...

Нужно проникнуться интересами детей, ежедневно и упорно следить за их развивающимися запросами, за их чтением и развлечениями, помогать им в разрешении их моральных конфликтов, найти с ними общий язык и стать их старшими друзьями, с которыми они делятся своими детскими переживаниями.

Этого здесь не было...

Родители не сумели понять во-время детей, не сумели и остановить их.

И случилось то, что не должно было случиться, что могло бы не произойти, если бы не ошибки школы и родителей этих детей.

После X Пленума ЦК ВЛКСМ, посвященного школьным вопросам, усилилось внимание партийных, комсомольских и профсоюзных организаций к школе. Расширяются, увеличиваются требования общественности к родителям и педагогам.

Неправильно было бы думать, что только педагогам вменена обязанность воспитания наших детей. Нет, эта обязанность в равной мере лежит и на родителях.

Необходимо доброе взаимодействие родителей и педагогов, которое в атмосфере напряженного внимания нашей общественности поможет разрешить высокую задачу воспитания граждан, достойных нашего общества.

В таком аспекте вскрытие обнаруженных в этом процессе ошибок педагогов и родителей составляло общественную задачу защиты, без разрешения которой нельзя было бы определить ни сущность совершенного подсудимыми, ни меру их вины.

Однако неправильно было бы думать, что ошибки воспитания родителей и педагогов снимают ответ-

ственность с несовершеннолетнего Юры Багрова, которого я защищаю, и с других подсудимых.

Есть преступления, противоправность, противообщественность которых в нашем обществе очевидна каждому достигшему определенного возраста подростку. К таким преступлениям относится и совершенное подсудимыми.

Наше общество воспитывает всех граждан в неизменном уважении к личности человека, строго на каждом шагу охраняя его физическую неприкосновенность. Представление об этом, вытекающее с необходимостью из всего нашего социального строя, всасывается в плоть и кровь каждого гражданина нашей страны с самого раннего детства, как только он начинает ориентироваться в окружающем и понимать «можно» и «нельзя».

Несовершеннолетние подсудимые и в их числе Юра Багров в том возрасте, когда они ясно сознают, что такое физическая неприкосновенность человека, когда звучавшие в детстве надоедливые «можно» и «нельзя» перерастают в их представлении подростков в правовые понятия «разрешено» и «запрещено законом», когда они понимают и должны понимать, что они несут ответственность за совершенное ими перед обществом и государством, когда они должны понимать и понимают, что ни одно преступление в нашей стране не может остаться без наказания, которого и они не могут избежать.

Но какое наказание, в какой мере?

Прокурор требует осуждения этих школьников по ст. 74 ч. 2 УК, как хулиганов. Но хулиганы ли эти дети, впервые в жизни испытавшие волнение подсудимых?

Не похожи они на хулиганов, да и действия их в строгом соответствии с законом не могут быть квалифицированы по ст. 74 ч. 2 УК.

Обвиняемые избили Зорина.

Хулиганство может сопровождаться насилием над личностью, может и не сопровождаться насилием, которое как составной элемент преступления предусмотрено не только ст. 74 УК, но и другими статьями, содержащимися в VI главе УК РСФСР.

Как же разграничить хулиганство от преступлений иного качества?

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 29 апреля 1939 г. дал исчерпывающие указания:

«Нанесение побоев, тяжких или легких телесных повреждений, оскорблений и т. д. должно квалифицироваться по соответствующим статьям той главы УК, которая предусматривает преступление против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности... Квалификация подобных действий как хулиганства может иметь место лишь в том случае, когда установлено, что эти действия совершены в целях проявления явного неуважения к обществу, а не тогда, когда в их основе лежали мотивы, связанные с личными взаимоотношениями обвиняемого с потерпевшим».

После того как нам стали известны обстоятельства избиения Зорина, можно ли сомневаться, что обвиняемыми руководили только мотивы, связанные с их личным отношением к потерпевшему?

Ведь все обвиняемые в один голос утверждают, что они видели в Зорине школьника, который пришел к отцу Багрова жаловаться на своего товарища, видели в нем «подлизу» у начальства и «ябедника», и именно поэтому они участвовали в его избиении.

Они находились в заблуждении. Слава Зорин — не «подлиза» и не «ябедник». Их мотивы ошибочны, но, однако, ими руководили именно эти личные мотивы, а не озорство, сопряженное с неуважением к обществу.

Более того, они субъективно полагали, что оказывают услугу своему школьному обществу, охраняя его от «подлиз» и «ябедников».

Они и здесь ошиблись.

Их школьное общество отвергает такого рода меры для охраны от «подлиз» и «ябедников» в своей среде.

Они находились в заблуждении.

Однако они руководствовались именно этими мотивами, которые, несмотря на их грубую ошибочность, определяют их действия, как совершенные не из озорства, не в целях проявления явного неуважения к обществу.

Стало быть, действия их не могут быть квалифицированы по ст. 74 ч. 2 УК.

Слава Зорин, как установила медицинская экспертиза, получил легкое телесное повреждение, не опасное для жизни, но причинившее расстройство здоровья.

Я полагаю, что правильно будет в связи с этим квалифицировать действия виновных подсудимых по ст. 143 ч. 1 УК, а действия Багрова, которого я защищаю,—по ст. 17-143 ч. 1 УК.

Я слышал здесь, что Багров и другие сидящие рядом с ним его товарищи обещали в дальнейшем хорошо себя вести и хорошо учиться и, имея в виду, что родители этих детей, любящие и дорожащие ими, как и воспитывающие их педагоги, сделавшие, несомненно, много полезных наблюдений в этом процессе, усилят свое внимание к их поведению и занятиям, думаю, что у суда есть все основания вынести Багрову по ст. 17-143 ч. 1 УК условное осуждение, о чем я прошу, и тогда...

Войдут завтра в свой класс и Багров и Кобзарев... Они увидят там своего товарища выздоровевшего Славу Зорина, который, может быть, я надеюсь на это, забыл дома свою записную книжку, увидят, что Игорь Лозов, не чураясь своего товарища Болотова, вместе

с ним сидит на одной парте; может быть, Багрову поручат оформить стенгазету или даже написать для нее корреспонденцию, а может быть—чего не бывает на свете — он займет высокое положение заместителя редактора стенгазеты... а потом...

Кто из нас в детстве знает, какие посты он займет в своей жизни?

Я знаю только, что все эти дети станут хорошими, честными людьми, чего хотят и их взволнованные родители, и в чем-то ошибавшиеся педагоги, и все общество.

Речь члена Московской
городской коллегии адвокатов
В. Л. Россельса
в защиту Г. Б. Семенова и П. А. Семеновой

13 Заказ 4

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

27 декабря 1950 г. Московский городской суд рассмотрел дело по обвинению В. П. Любомудрова в преступлениях, предусмотренных ст. 109 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», Г. Б. Семенова и П. А. Семеновой — по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и других.

Любомудров обвинялся в том, что, работая главным бухгалтером главка одного из министерств, в период 1945—1947 гг. занимался разбазариванием и расхищением государственных средств, изымая их, в частности, по подложным документам, причинив ущерб государству на сумму 44 139 рублей.

Семенов обвинялся «в том, что в декабре 1947 г. вошел в преступную связь с бывшим главным бухгалтером главка Любомудровым, оказав ему содействие в хищении тысячи рублей путем получения этой суммы на имя своей жены Семеновой за работу, которая ею не выполнялась, и передачи этой суммы Любомудрову, который ее присвоил» (обвинительное заключение).

Семенова обвинялась «в том, что она в декабре 1947 г. при посредничестве своего мужа Семенова оказала содействие в хищении тысячи рублей бывшему главному

бухгалтеру главка Любомудрову, которым на имя Семеновой был оформлен фиктивный наряд на работу, не выполнявшуюся Семеновой. По выданной Семеновой своему мужу доверенности была незаконно изъята тысяча рублей, переданная Любомудрову и присвоенная им» (обвинительное заключение).

Участвовавший в процессе прокурор поддерживал обвинение Семеновых по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Московский городской суд в приговоре установил, что Семеновы «действительно совершили правонарушение... однако у суда нет оснований признать их соучастниками Любомудрова в хищении государственных денежных средств, так как материалами следствия с полной очевидностью было установлено, что... подписывая наряд и доверенность, они находились в полном неведении относительно всех тех обстоятельств, которые делают поведение Любомудрова преступным, и явно были им введены в заблуждение, причем действовали совершенно бескорыстно» (приговор).

Семеновы были по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» оправданы; в силу ст. 43 УК РСФСР им было сделано предостережение.

На приговор прокурор принес кассационный протест, в котором просил приговор отменить и дело направить на новое рассмотрение.

Верховный суд РСФСР приговор Московского городского суда оставил без изменений.

РЕЧЬ АДВОКАТА В. Л. РОССЕЛЬСА

Товарищи судьи!

Старый рабочий-слесарь Семенов никогда не забудет тот холодный декабрьский день, когда он встретил своего давнишнего знакомого, почтенного, уважаемого и занимающего с его точки зрения высокое положение главного бухгалтера главка Любомудрова.

Знакомство с Виктором Ивановичем Семенов ценил, оно казалось ему даже лестным.

Встречи этой ему не забыть.

Навсегда сохранится в памяти Семенова и просьба, с которой к нему обратился Любомудров.

«Гавриил Борисович,—сказал он,—машинистка наша перепечатала для учреждения не входящую в ее обязанности работу, а уплатить ей, штатной машинистке, сверх заработной платы тысячу рублей как-то неудобно. Не поможете ли? Да в чем сомневаетесь? Ведь это же совсем просто. Я выпишу по счету вашей жене деньги на ее имя, вы с ее доверенностью их получите, передадите мне, а я — машинистке. Вот как приходится обходить бюрократические формальности», — вздохнул он.

Екнуло, сильнее забилось сердце у Семенова: «Хорошо ли?» Но тут же одумался.

«В чем дело в конце концов? Тысячу рублей получу, полностью отдам, и машинистка своего не потеряет. Что же тут плохого? Да и не кто-нибудь просит, а Виктор Иванович...»

Согласился...

Разговор этот, как на камне высеченный, из памяти его не изгладится.

Как обещал, так и сделал.

Полина Александровна по просьбе мужа написала счет и доверенность, а он, получив по изготовленной Любомудровым на ее имя ведомости тысячу рублей, передал их Любомудрову.

«Спасибо, Гавриил Борисович». «Да, что вы, не за что, Виктор Иванович».

И только значительно позже у следователя Семенов узнал, что не было никакой работы, никакой машинистки, что старый знакомый, почтенный, уважаемый главный бухгалтер главка Виктор Иванович Любомудров обманул его и его жену.

«Поверить не мог. Потемнело в глазах, подкосились ноги, стали, как ватные»,—вспоминал здесь об этом Семенов.

Все так, как было, рассказали Семеновы следователю, и он поверил и тому, что они были обмануты Любомудровым, и их бескорыстию.

Да и как было не поверить Семеновым, которым проще было бы утверждать, что Полина Александровна действительно работала и за работу получила законно причитавшееся ей вознаграждение.

Но Семеновы говорят правду — никакой работы Полина Александровна не выполняла, да и не в состоянии была по объему своих знаний и компетенции выполнить работу, о которой она и представления не имела.

Легко было поверить Семеновым еще и потому, что в аналогичном положении оказались и другие простые душой люди, бескорыстие которых было выгодно использовать Любомудрову и которых он, как и Семеновых, убеждал, что они делают хотя по форме неправильное, но по существу доброе дело.

Поверил Семеновым следователь и... несмотря на это, внес их в список тех, кому суждено было разделить скамью подсудимых с Любомудровым.

И вот они перед вами.

Такова горькая судьба этих неискушенных, слишком доверчивых людей, прошедших весь свой долгий путь по прямым и светлым дорогам жизни, не ведая о кривых и темных ее переулках, о звериных ее тропах, по которым бродят хищники.

Мы слышали здесь прокурора.

И он поверил Семеновым, но... тем не менее предлагает осудить их как соучастников Любомудрова, обвиняемого в хищении.

И вот Семеновы, всю жизнь прожившие рука об руку и здесь сидящие рядом, поникшие и растерянные, с тоской внимают речи прокурора, искусно доказывающего, что обманувший Любомудров и обманутые им Семеновы связаны одним общим умыслом, направленным на хищение тысячи рублей, как будто у рыбака и трепещущей в его хитро сплетенной сети рыбы возможен общий умысел.

Можно ли согласиться с прокурором, утверждающим «виновны и должны быть осуждены», или прав защитник, говорящий «не виновны, должны быть оправданы!»

Вам придется решить, кто из нас прав.

Вы помните, товарищи судьи, что Семенов на вопрос, признает ли он себя виновным, ответил: «Тысячу рублей получил и отдал их Любомудрову, в этом каюсь, но у меня и в помыслах не было содействовать ему в хищении».

В этих простых, бесхитростных словах заключено содержание, имеющее серьезное правовое значение.

«И в помыслах не было» — это значит на языке права «не было умысла».

Хищение — преступление умышленное, и само собою разумеется, что Семеновы могли бы быть осуждены за соучастие в этом преступлении только в том случае, если была бы установлена их умышленная вина.

Однако наличие умышленной вины предполагает раньше всего сознание лицом фактических обстоятельств, образующих соответствующий состав преступления.

Но ведь прокурор согласен, что здесь именно те фактические обстоятельства, которые образуют состав хищения, и были скрыты от Семеновых.

Ведь в их представлении, в противоречии с действительностью, существовали и машинистка и работа, за выполнение которой ей законно причиталось получить тысячу рублей.

Но если в сознании Семеновых не создавалось представления о готовящемся Любомудровым хищении, то, стало быть, не может быть и речи об умышленной их вине.

Далее, у участников хищения должен быть общий направленный на совершение этого преступления умысел.

Однако, и этого не отрицает прокурор, прямой умысел Любомудрова был направлен на хищение тысячи рублей, а прямой умысел Семеновых был направлен на уплату этой суммы машинистке за произведенную ею работу.

И, наконец, эти соображения, устанавливающие отсутствие умышленной вины у Семеновых, подкрепляются и тем имеющим самое серьезное значение обстоятельством, против которого также не спорит прокурор, что Семеновы никакой корыстной или иной заинтересованности не имели.

Этот факт делает предположение о соучастии Семеновых в хищении государственного имущества совершенно необоснованным, предположение это повисает в

воздухе, лишенное почвы, на которой могло бы вырасти соучастие в тяжком, касающемся экономической основы государства, преступлении, грозящем преступнику весьма суровым наказанием.

Вот почему, полагаю, что в споре с прокурором я прав.

Обманутые Семеновы не могут быть осуждены за соучастие с обманувшим их Любомудровым в хищении государственного имущества.

Однако остается еще серьезный уголовно-правовой вопрос.

Семеновы без умысла, направленного на хищение, бескорыстно передали Любомудрову тысячу рублей, но деньги эти они получили из кассы главка подложно, за работу, которую они не делали.

Можно ли считать их действия безразличными с точки зрения уголовного закона?

Ответ находим в законе.

Подлог предусмотрен статьями 72 и 120 Уголовного Кодекса нашей Республики. Обе эти статьи не предусматривают подлогов, бескорыстно совершенных частными лицами.

Такой подлог не является преступлением и уголовно не наказуем.

Стало быть, Семеновы не участвовали ни в хищении, ни в совершении уголовно-наказуемого подлога и должны быть судом оправданы.

Этим, казалось бы, я исчерпал свою непосредственную задачу защитника.

Но я не могу и не хочу уйти при оценке поведения Семеновых от общественного долга защитника, обязывающего меня ответить еще на один настоятельно требующий разрешения вопрос.

Можно ли считать соответствующим интересам государства и общества, справедливым, честным, заслуживающим уважения и одобрения поведение Семе-

новых, получивших подложно из государственного учреждения не причитающиеся им деньги, хотя бы переданные впоследствии тому, кому, по их убеждению, они причитались?

Конечно, нет.

Такие действия наше общество никогда не сочтет соответствующими нормам поведения советского человека. Семеновы не нарушили норм права, воплощенных в уголовном законе, но нарушили нормы морали, которые хотя и не поддерживаются силой государственного аппарата, но поддерживаются силой общественного мнения относительно того, что является правильным или неправильным, справедливым или несправедливым, хорошим или дурным.

Нормы социалистического права и нормы социалистической нравственности, отличаясь друг от друга источником силы, принуждающей к их исполнению, связаны, как два ствола одного корня, общим происхождением, пользуются общенародным признанием и, сотканные из одной ткани, проникают друг в друга и, находясь между собой в неразрывном взаимодействии, служат одной и той же цели — построению коммунизма.

Эта их общность и тесная связь вытекают из самой природы нашего социалистического права и социалистической нравственности, между которыми нет пропасти, и которые, наоборот, покоясь на одних и тех же принципах, граничат друг с другом.

Семеновы, несомненно, нарушили нормы нравственности. Может ли защитник, «добру и злу внимая равнодушно», пройти мимо такого рода нарушения и не высказать слов морального осуждения?

Конечно, нет. Не может этого сделать и суд.

Советский суд — орудие огромного общественно-политического воздействия и, выполняя возложенную на него законом задачу, воспитывает граждан в духе

честного отношения к государственному и общественному долгу.

Судебный зал — лаборатория, в которой формируется общественное сознание граждан, поэтому здесь громко должны прозвучать слова осуждения неправильных, недопустимых действий Семеновых. Но нарушение норм морали влечет моральное, а не уголовно-правовое осуждение.

Моральную недопустимость своего поведения понимают и Семеновы.

Семенов сказал:

«Виновным себя не признаю, но каюсь в том, что я сделал».

Это значит: «Я не нарушил норм уголовного закона, я нарушил нормы социалистической морали и в этом раскаиваюсь».

Он и на этот раз, как всю жизнь, сказал правду.

В правде, в труде, в уважении, в любви друг к другу, к людям, к своему государству, не омраченная столкновениями с законом протекала спокойная жизнь рабочего Гавриила Борисовича Семенова и его жены, скромной служащей Полины Александровны.

И вдруг...

Нет, никогда не забыть им Любомудрова, никогда не изжить им постигшего их на склоне лет разочарования, никогда не погаснут в их памяти эти тяжкие дни...

Они совершили, и они сознают это, противообщественный проступок, но они не совершили преступления. Морального осуждения они заслуживают, и они его уже получили. Но для их осуждения в уголовном порядке и применения к ним уголовного наказания нет законного основания.

Я прошу их оправдать.

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов К. Д. Чижова в защиту Л. Г. Западинского

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

Западинский был предан суду по обвинению в том, что, работая в различных кооперативных строительных организациях (артели «Бытпром», «Строитель», «Прогресс» и др.) в качестве главного инженера и вступая в преступное соглашение с сотрудниками различных государственных организаций-заказчиков, а также с сотрудниками контролирующих органов, расхищал на протяжении 1946—1949 гг. государственные средства, систематически прибегая к подкупу.

Дело слушалось в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в декабре 1950 — январе 1951 гг.

Западинскому, которому вменялось в вину крупное хищение, было предъявлено обвинение по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и ст. 118 УК РСФСР.

На самых ранних стадиях предварительного следствия Западинский подал пространное заявление в Прокуратуру СССР, в котором осветил преступную деятельность как свою, так и своих соучастников в эпизодах, еще не бывших предметом следствия. В дальнейшем — на предварительном следствии и в суде — он своими показаниями разоблачал себя и других обвиняемых по этому делу.

Суду было предано 25 человек. Западинский был приговорен к долгосрочному заключению в исправительно-трудовой лагерь с конфискацией имущества и с поражением в правах на 5 лет.

РЕЧЬ АДВОКАТА К. Д. ЧИЖОВА

Товарищи судьи!

Бросающаяся в глаза особенность настоящего дела заключается в том, что хищение, которому оно посвящено, отличалось крупными размерами и длительным характером. При этом в данном своем объеме дело имеет отправным пунктом заявление Западинского в Прокуратуру СССР. Автор этого документа приступил к его составлению 27 декабря 1949 г. и закончил 5 января 1950 г.

Исследование по настоящему делу, как и по всякому делу о хищении социалистической собственности, имеет своей целью не только определение степени вины каждого участника, но и изучение условий, в которых протекало хищение и которые объясняют как размер хищения, так и его длительность. Эта вторая задача имеет первостепенное значение. Следственные и судебные органы вступают в охрану собственности в последнюю очередь. Следователь, прокурор и суд вступают в дело, когда все линии обороны государственной или кооперативной собственности прорваны, когда ей нанесен урон и остается только примерно наказать расхитителей.

Не менее, чем меры карательные, важны меры, предотвращающие самую возможность хищения. Целесообразнее оградить во-время общественное и государ-

ственное имущество, чем потом ловить воров и наказывать их.

Необходимость такого подхода к охране собственности с точки зрения дальнего прицела прекрасно сформулирована народной мудростью в поговорках: «Подальше положишь, поближе возьмешь», «Не доглядишь оком, заплатишь боком» и т. д.

Отнюдь не нужно для принятия мер обороны дожидаться акта посягательства со стороны хищника. По естественной ассоциации я не могу не напомнить увесистую формулировку из одного законодательного памятника петровских времен, в которой проводится мысль, что для принятия мер так называемой необходимой обороны вовсе не нужно, чтобы посягающий первым нанес удар:

«... от первого же удара тако может учиниться, что и противиться весьма забудешь...»

Вот почему обвинительное заключение, являющееся для нас программой исследования, в пяти или шести местах обращается к вопросам «методики» хищения, выдвигая на первый план вопросы о мерах охраны социалистической собственности.

Данное обвинительное заключение — не только документ юридического значения. Это документ большого хозяйственного значения. Таким же значением будет обладать и ваш приговор. Нет сомнения в том, что его будут изучать на оперативных совещаниях хозяйственники — производственники и строители, финансисты и работники счетного аппарата.

Нельзя не отметить, что эта методика хищения отличалась несложностью.

Если на нее при последующем контроле закрывали глаза взяточники, то ведь взяточники — это только уроды, затесавшиеся в нашу крепкую и здоровую семью государственных и кооперативных служащих... Где был контроль предварительный, взаимный, пе-

рекрещивающийся? Где были честные люди, составляющие несоизмеримое большинство по сравнению с горсткой продажных людей? Если взятки только обеспечивали расхитителям тыл, то «методика» давала возможность не только для самого расхищения, но и для создания излишнего резерва на раздачу взяток...

В чем заключалась суть способов хищения? Их можно разделить на две стадии:

первая — создание резервов для хищения;

вторая — освоение преступных резервов.

Накопление денежных средств в целях присвоения достигалось следующими способами.

1. Фонд заработной платы завышался — по порочной системе, существовавшей в некоторых звеньях промкооперации. Фонд заработной платы калькулировался и утверждался не на основании смет и единичных расценок, приложенных к договорам, а на основе укрупненной плановой калькуляции производства.

2. Применялись смешанные прейскуранты — с выборкой наиболее выгодных расценок.

3. Завышались объемы выполнения работы на так называемых скрытых работах; занижались контрсчета по материалам. Госбанк же оплачивал при перевыполнении из расчета всего фонда заработной платы, а не только производственной его части. Работы можно было сдавать в порядке субподряда, хотя бы с убытком, но во избежание контроля спецбанков.

Так обстояло дело в части создания резервов для хищения, а в части освоения резервов техника была еще проще — выплата производилась через уполномоченных, бригадиров, прорабов, что до крайности облегчало возможность представления фиктивных документов — ведомостей и т. п.

Все это свидетельствует, насколько важны меры

охраны кооперативного и государственного добра, насколько актуальны возникающие из данного дела проблемы учета и контроля расходования государственных средств.

И, думается мне, что подобно тому как на железнодорожном транспорте автоматика контроля — взаимного, перекрещивающегося — должна исключать самую возможность ошибок, недосмотров и, может быть, умышленно вредных действий, имеющих целью нарушить безопасность движения, подобно этому в хозяйственной системе контроль — предварительный, оперативный и последующий, взаимный и перекрещивающийся — призван охранять государственную и кооперативную собственность, ограждать ее от ротозейства и в некоторых случаях — от злоупотреблений отдельных работников.

Конечно, никто меня не поймет так, что, характеризуя условия преступления, я хочу оградить от ответственности кого-либо из подсудимых, в частности Западинского. Никто не поймет меня так упрощенно, что недостаточно бдительная охрана собственности уже содержит в себе моральное или юридическое оправдание прогулок вокруг да около нее тех, кто похаживает, что называется, «на небо поглядывая, по земле пошаривая».

Но я считаю долгом напомнить вам, что именно Западинский в своих объяснениях не только разоблачил себя и изобличал своих соучастников, но и провел следователя по всем звериным тропам преступления, вскрыл до конца методику хищения, указал, что в ней заключается криминально-типового и характерного, и познакомил следствие с теми «щелями», где, возможно, еще имеют место верхоглядство, ротозейство и в особо прискорбных случаях — подкуп.

В этом заключается объективно-следственная ценность показаний Западинского.

Я просил бы вас учесть это обстоятельство, когда будет решаться вопрос о судьбе Западинского.

Подходя к саморазоблачению Западинского с этих позиций, повторяю, нельзя не признать, что нарисованные здесь следствием условия хищения позволяют до некоторой степени определить меру вины подсудимого и, следовательно, меру наказания.

Перейдя к вопросу об оценке личности Западинского, я должен предостеречь вас от двух ошибок, которые могут сопутствовать вашим суждениям. Одна из них фактического порядка, другая — принципиального.

У вас может сложиться впечатление при сравнении формул обвинения различных обвиняемых по этому делу о каком-то главенстве Западинского, о его доминирующей и подавляющей роли в рассматриваемом вами преступлении. Чего доброго, он может выглядеть в ваших глазах на скамье подсудимых как слон среди мосек. Его личность может казаться вам как бы выделяющейся из перспективы дела...

Но все дело в том, что вы видите разных подсудимых в разных плоскостях, в разных планах и с разных точек зрения. Почему это происходит — я объясню.

Дело в том, что о Западинском вы можете судить с точки зрения сделанного им саморазоблачения, с точки зрения того, что он сам рассказал о себе в объеме всей своей преступной автобиографии, не будучи приперт к стене доказательствами, а о других вы можете судить лишь с точки зрения того, что знал о них Западинский, соприкасаясь с ними на разных участках своей преступной деятельности, с точки зрения тех фактов, которые ему были известны, а не с точки зрения всех автобиографических фактов, которые ведомы только им...

Западинского вы видите в свете всей его преступной автобиографии, изложенной им. Других же — в свете только тех фактов, которые стали известны

Западинскому, безотносительно к тому, признают ли их они или не признают.

Западинского вы видите в натуре, других — лишь в зеркале его саморазоблачения.

Западинский перед вами в свете своей покаянной, другие — в ее отраженном свете.

Одно дело — саморазоблачение, исповедь, другое дело — признание (или непризнание) в пределах предъявленных обвинением фактов и за надежной крепостной стеной презумпции невиновности, которую следствие штурмует, только располагая фактами.

Словом, никто из обвиняемых вызова Западинского не принял и не последовал его примеру. Разговорился, было, один из них и стал уже без давления улик повествовать о своих делах, но к концу предварительного следствия прикусил язык и отказался от своих признаний, сославшись на наклонность к ложным самообвинениям, возникшую у него после... пережитого им Ашхабадского землетрясения... Что делать,—должно быть, не так-то легко признаваться в том, чего никто не знает!

Вторая ошибка может быть результатом совершенно неприемлемого направления самозащиты некоторых подсудимых, нотки которой робко звучали в их объяснениях и, возможно, более уверенно прозвучат в речах их защитников.

Робко, но определенно раздавались голоса, что Западинский был как бы демоном-искусителем, толкавшим на преступления, носителем криминально-психической заразы, что он раздавал взятки направо и налево, обещал долю в добыче, уверенный во всемогуществе денежного соблазна...

Такая линия защиты может возложить излишнюю ответственность на Западинского.

С какой-то натяжкой я могу допустить, что можно склонить на преступление денежным или материальным

соблазном желтоперого юнца, наивную девушку, человека, запутавшегося в трагическом переплетении обстоятельств, человека, находящегося в крайней материальной зависимости, и то, повторяю, с натяжкой.

Но если речь идет о взятке или о доле в добыче, как о соблазне, то позвольте напомнить следующее.

Если взятка есть в сущности купля-продажа совести должностного лица, то Западинский покупал то, что ему в некоторых случаях продавали, и продавали без особого о том сожаления. Говорить в свете нашего правосознания, нашей морали о взятке, как о «соблазне», снижающем ответственность для «соблазненного» и повышающем ее для «соблазнителя», — принципиально неправильно. В самом законе о взятке заключается указание на то, что «соблазненное» ответственное должностное лицо должно отвечать вдвое строже, чем «соблазнитель».

Было бы смешно и стыдно слушать, что таким «соблазном» могли бы защищаться взрослые люди, отцы семейств, лица, облеченные доверием и властью...

Соблазн!.. Вот уж подлинно «вспомнила бабушка девичий день»...

Ведь это в гениальной сатире Салтыкова-Щедрина впавшему в транс попу только понюхать дали червонец, и он сразу заговорил стихами из оперного либретто. Но ведь то сатира, допускающая гиперболизацию как литературный прием, ведь то поп, а ныне не те люди, не то право, не та мораль, не те требования к людям, и даже поп не тот...

Я отметаю всякую попытку защиты «соблазненных» с переваливанием вины на Западинского принципиально и категорически.

Да и само обвинительное заключение не становится на точку зрения, что Западинский был органи-

затором, вдохновителем, соблазнителем и что он таким образом кого-либо втягивал и т. п...

Они действовали по взаимному сговору — и только. Так говорит обвинительное заключение. Так сказал здесь прокурор.

Мне приходится говорить первым. Только обезопасив себя с тыла, я могу идти далее.

Когда Западинский перед судом давал свои объяснения, повторяя, может быть, с некоторыми уточнениями то же самое, что он говорил с начала до конца на предварительном следствии, будучи допрошен десятки раз, от вашего внимания не могло ускользнуть, что они звучали как пространный деловой доклад о преступной деятельности с приведением всех поражающих своим цинизмом расчетов и таких деталей, как организация арбитражей и третейских судов для разрешения споров о дележе добычи. Они звучали как речь человека, совершенно не тронутого стыдом, сожалением или раскаянием. Бесстрастно и деловито Западинский старался передать самую атмосферу преступления. Не прозвучало ни одного слова, которым бы он попытался смягчить свою вину или переваливать ее в чем-либо на другого... Да, из бездны падения он не простирал к вам рук в поисках снисхождения или в мольбе о пощаде. Он не упоминал, как некоторые, имени горячо любимой Родины и не профанировал это священное для нас слово. Он не хныкал, не размазывал по лицу слез...

В этом можно было усмотреть какую-то закоренелость, цинизм публичного самообнажения.

Не так все это, товарищи судьи!

Западинский сейчас, как и при составлении своего заявления в Прокуратуру СССР, находится в состоянии величайшего психического напряжения. Он подводит окончательные итоги своему прошлому до последней украденной или данной в виде взятки копейки.

Сама фактура дела, насыщенного документами, цифрами, расчетами, именами, датами и т. п., требует от него величайшей четкости и определенности. Само преступление — это голый расчет и холодный цинизм. Ему нужно сейчас сказать перед судом всю правду, одну только правду. Это последнее его объяснение после десятков объяснений и очных ставок, составляющих едва ли не половину содержания этих 22 томов...

Но минуют месяцы и годы после вашего приговора, он придет в себя, столкнется с будничной реальностью назначенного вами наказания и не вправе ли будет он задать тогда один вопрос, который я по праву защитника поставлю перед вами сейчас?

А разве с точки зрения раскрытия преступлений не правильнее было бы сознавшемуся не под давлением улик, а добровольно сознавшемуся, разоблачившему себя без остатка и тем самым облегчившему раскрытие преступления, уделить особое место среди осужденных? Не будет ли целесообразнее не убивать веру в значение повинной, не смешивать в одну массу саморазоблачителей и изобличенных и не лишать стимула тех, кто становится на путь искреннего признания и изобличения своих соучастников?

Разве не прав представитель государственного обвинения, неоднократно останавливавший ваше внимание на том, через какие дебри лжи, уверток и хитросплетений приходится пробираться правосудию, чтобы выбраться на торную дорогу материальной истины? Конечно, прав. Но именно Западинский пошел путем правды и был проводником для следствия и суда в их трудных поисках истины. Однако, к глубокому моему сожалению, представитель государственного обвинения не оценил этого.

Я отдаю себе отчет в том, что ценность сознания и саморазоблачения обладает относительным значе-

нием и являет величину переменную, зависящую от постановки розыска и культуры следствия. Не спорю, что удельный вес сознания среди других объективных доказательств весьма относителен и не определяет судьбу процесса.

Но в этом деле случилось так, что Западинский, отдав себя во власть правосудия, значительно помог разобраться в событиях и людях и его заявление стало отправным пунктом для исследования в целом.

Разве глубокий смысл народной поговорки, что «Повинную голову меч не сечет», не заставляет серьезно призадуматься над вопросом об оказании снисхождения Западинскому?

Вы знаете историю возникновения этого дела.

Западинский 23 августа 1949 г. был вызван в Прокуратуру СССР для допроса в качестве свидетеля. Речь шла о небольшом эпизоде, составляющем каплю в море того, что мы сейчас знаем о Западинском. Речь шла о хищениях по работам для одного научно-исследовательского института.

Не осветив полностью своей вины по этому эпизоду (и то, по моему мнению, в силу того, что следователем не был поставлен в упор вопрос), Западинский снова был вызван 29 сентября и заключен под стражу. 4 октября он подал на имя прокуратуры Союза заявление с изложением этого своего преступления, а 27 декабря представил туда же написанное на десятках страниц заявление с изложением всей своей преступной деятельности, в которой он изобличен не был.

Для вас, конечно, небезразлично будет знать побуждения этой повинной, тем более что поведение человека в такой критический момент характеризует его самым верным образом.

Товарищи судьи! Не в безоблачные моменты своего

бытия определяется характер человека, не в обстановке невозмутимого покоя познает он самого себя, познают его и другие. Именно в такие критические моменты, когда мобилизуется вся человеческая личность и напряжение душевных сил достигает предела, когда существует только один вопрос: «быть или не быть»,— именно в такие кризисы мы можем безошибочно судить о человеке и о его скрытых психических и моральных ресурсах. Это простая истина, подтверждаемая ежедневными наблюдениями, — обычный предмет обобщающих размышлений, литературного и, в частности, драматургического творчества.

Все зависит от того, какая глубина задета. Даже о том, насколько воспитан человек, можно судить только во время доброй ссоры.

В обиходе судебных работников бытуют такие ставшие давно привычными слова, как «чистосердечное признание», «раскаяние» и т. п. Иной раз ухо как-то безразлично воспринимает их. А ведь за ними скрывается большое внутреннее содержание — тяжелое и горестное раздумье, переживания в часы бессонных ночей, большая внутренняя борьба...

Именно такой содержательной представляется природа саморазоблачения Западинского.

Какие мотивы двигали им? Какие расчеты? О чем он думал, когда писал свое заявление от 27 декабря 1949 г.? Вред для него лично от таких признаний был несомненен, польза — весьма гадательна. Ведь он должен был понимать, что после них он на весь остаток своей жизни обрекает себя на исправительно-трудовой лагерь, прощается навсегда с семьей — женой и детьми. Он понимал, что следователь не будет рассматривать такое разоблачение как счастливую находку, что каждое его слово будет протерто с песочком, что его десятки раз выведут на очные ставки с изобличенными им лицами, что он встретит яростное сопротивление

своих бывших соучастников и друзей, что ему дни и ночи придется сидеть над документами, что придется самому еще бороться с «э т и к о й» хищников, с сожалением вспоминать о ком-либо... А что будет результатом?

После всего этого он сгинет из окружавшего его мира, сопровождаемый отчаянием своей семьи, сожалением и недоумением тех, кто не знал оборотной стороны жизни инженера Западинского, проклятиями изобличенных им соучастников и негодованием тех, кто еще борется с разоблачениями Западинского.

Так почему же все-таки он это сделал?

По долгу защитника я считаю необходимым представить вам свои соображения по этому вопросу.

Самый вызов и арест были грозным, предупреждающим сигналом. Он не мог не пробудить мысли и чувства, которые Западинский гнал от себя, находясь на свободе. Бессонные ночи, проведенные в следственной тюрьме, дали ему время с лихорадочной быстротой, как человеку, сорвавшемуся в пропасть и повисшему на сучке, в ослепительно ярком свете увидеть свое прошлое, все только что истекшие годы...

Как человек неглупый он, несомненно, заглядывал в будущее и досадливо спотыкался о простую, но тревожную мысль: «Сколько веревочке не виться, а кончику быть».

Он не мог не видеть, что, приняв участие в таком преступлении с участием стольких лиц, он, в сущности, потерял власть над ним и возможность остановить его. Преступление уже двигалось силой инерции и сцеплением составляющих его элементов. В его методике выработался уже безотказный автоматизм. Целая колония паразитирующих брала взятки, как получают тантьему или стригут купоны, сдирала ее, как кожу, вымаливала ее... Все это копошилось в недрах

гнойника, все это требовало есть-пить, все это при случае готово было пожрать друг друга. Примеры вы видели.

Попутно напомню такой эпизод. Один из подсудимых спорил здесь с Западинским по вопросу о размерах полученной им от Западинского денежной суммы, только о размерах. С целью дискредитировать показания Западинского в этой части он нашел способ — напомнить вам о... социальном происхождении Западинского, ни с того, ни с сего рассказывать, какие тревоги испытывал он при зачислении Западинского на работу...

Я удивляюсь до сих пор... Я не знаю даже, чему более удивляться — глупости или гнусности этого защитительного приема!..

Он, Западинский, не мог не увидеть ясно то, что, может быть, смутно ощущал и ранее: что преступный размах неимоверно расширился. Он не мог не видеть всю мерзость того, что творил он со своими соучастниками в то время, когда тысячи, десятки тысяч советских инженеров самоотверженным трудом создают новые материальные ценности, укрепляют мощь страны и способствуют росту благосостояния народа.

Он, инженер Западинский (судя по некоторым впечатлениям и отзывам, инженер с большим кругозором и эрудицией), всегда видел, что всякое проявление творческой мысли, всякое продуктивное усилие, созидательный порыв советского инженера подхватываются миллионами людей, несут за собой и славу, и высокое признание, и крупное материальное поощрение. Он не мог не сопоставлять честь быть инженером нашей эпохи с презренным существованием отщепенца, живущего воровством, променявшего чистую и одухотворенную жизнь советского специалиста на так называемую «роскошную жизнь», на ресторанно-пьяную сытость, на известный нам из описи его имущества

домашний уют с тумбочками «под красное дерево» (вот именно — под красное дерево), с зеркалами в «бронзированных» рамах и прочую дребедень...

Все это психологически подготовляло его к саморазоблачению...

И увидев все в резких, оглушительных контрастах, как при вспышках молнии, он почувствовал смертельную усталость от грязи, копившейся годами, непреодолимое отвращение к самому себе, жгучую потребность сорвать с себя маску и дать свободу проснувшейся и властно заговорившей совести...

То, что поведал Западинский на первых страницах первого тома, может быть, и несовершенно в некотором смысле как доказательство; может быть,— да простят строгие критики этого заявления Западинского,— может быть, в нем недостает той или другой даты или цифры, не упомянуто то или другое имя. Но, посудите сами, в этом океане цифр и дат Западинский мог кое-что и позабыть. Кроме того, как он совершенно психологически правильно указал, если разоблачить себя было не так уж легко, то трудно было изобличить других и связать со своей судьбой участь многих людей.

Вы помните, один из изобличенных, но не признавшихся обвиняемых перед самым судом написал объемистое исследование, как нужно бороться с злоупотреблениями в кооперации.

Конечно, заявление Западинского не представляет «теоретической» ценности этого исследования, которое было написано год спустя после возникновения дела и уже при окончании следствия.

Но в своей чистосердечной повинной Западинский бросил к подножию правосудия всего с е б я, все с в о и преступления, все оставшиеся е м у на прожитие годы и просил по е г о делам, в е г о лице, на весь остаток е г о жизни — решать суровые практические проблемы преступления, наказания и предупреждения преступлений...

Итак, моя задача заключалась в том, чтобы полностью раскрыть перед вами значение саморазоблачения Западинского:

во-первых, раскрыть его необходимость и полезность для разоблачения данного преступления, раскрыть его как средство борьбы с возможными другими аналогичными преступлениями;

во-вторых, исследовать его вместе с другими данными как одно из косвенных мерил вины Западинского;

в-третьих, предложить эту повинную как основание для смягчения ответственности Западинского ввиду заключающихся в ней указаний на глубокое и действенное раскаяние и стремление загладить причиненный вред;

в-четвертых, подчеркнуть возможность и необходимость поощрения чистосердечных разоблачений как фактора, облегчающего борьбу с преступлениями.

Мне бы хотелось сказать вам еще два слова.

Увенчивая вашим справедливым приговором этот многодневный и трудный процесс, вы будете помнить, что представший перед вами Западинский — не тот человек, который в сентябре позапрошлого года переступил порог следственной тюрьмы.

Все его поведение — яркое свидетельство глубокого перелома, начало которого восходит к первым страницам дела.

Только чисто механически представляя себе задачи и цели суда, можно считать, что исправление и перевоспитание преступника начинаются только с той минуты, когда на него обрушится справедливый гнев приговора, выраженный в том или ином сроке наказания, когда за ним захлопнется на долгий срок дверь тюрьмы и он будет оплакивать свою вину; что только тогда-то именно начинается медленный и трудный процесс исправления...

Долгий и трудный путь предстоит Западинскому, но он уже прошел самый трудный участок этой дороги задолго до провозглашения приговора, и вы, решая его участь, вычтете этот отрезок из длинного и тернистого пути его морального возрождения!

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов А. И. Юдина в защиту З. Г. Аверина

15 Заказ 4

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ДЕЛА

Аверин был привлечен к уголовной ответственности и предан суду по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Он обвинялся в том, что, работая старшим продавцом магазина, по преступному сговору и в соучастии с работниками артели «Художественный труд» Звягиным и другими в течение августа 1950 г. расхитил и реализовал через филиал продукцию артели на 9495 рублей.

В основном обвинение опиралось на показания бывшего кладовщика артели Звягина. Аверин не признал себя виновным.

Дело слушалось в ноябре 1951 г.

Суд признал Аверина виновным в предъявленном ему обвинении и приговорил к 10 годам исправительно-трудового лагеря с конфискацией имущества.

Приговор в кассационном порядке был оставлен в силе.

По жалобе адвоката Юдина Председатель Верховного Суда СССР истребовал дело в порядке надзора и опротестовал этот приговор.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР признала осуждение Аверина необоснованным доказательствами. Ссылку на показания свидетеля Звягина Коллегия считает несостоятельной, поскольку он сам не отрицает фальсификации им документов с целью создания обвинения, в то время как показания

Аверина подтверждены другими объективными доказательствами.

По этим мотивам Коллегия, отмечая вместе с тем серьезные процессуальные нарушения, допущенные по делу, приговор отменила и дело в отношении Аверина дальнейшим производством прекратила.

РЕЧЬ АДВОКАТА А. И. ЮДИНА

Товарищи судьи!

Должен сознаться, что, приступая к защите Аверина, я нахожусь в большом затруднении. Я считал и считаю, что на ваше рассмотрение представлен недостаточный и недоброкачественный материал, что доказательства собраны с нарушением закона и являются, если позволено так выразиться, «незаконнорожденными», что для правильного разрешения дела его надо обратить к доследованию. Вы не разделили моей точки зрения, и приближается момент, когда вы удалитесь для вынесения приговора.

В связи с этим я вынужден оценить материалы в том виде, в каком они имеются в томах настоящего дела, и сформулировать, притом определенно и ясно, свое отношение к предъявленному Аверину обвинению.

Для более успешного выполнения этой задачи позвольте привлечь ваше внимание к тем своеобразным процессуальным условиям, в которых возникло, развивалось и подходит к своему завершению настоящее дело.

По формуле обвинения Аверин — не одиночка, а соучастник группы расхитителей — работников артели «Художественный труд», по преступному сговору с которыми он в качестве старшего продавца магазина в августе 1950 г. похитил и реализовал продукцию артели на сумму 9495 рублей.

Не может быть сомнений в праве Аверина требовать, чтобы ему были названы все соучастники. Между

тем в формуле назван только один — бывший кладовщик артели Звягин, остальные соучастники обозначены крайне неопределенно под рубрикой «и другие».

Подобная формулировка, касающаяся самого существенного элемента обвинения, противоречит ст. 207 УПК РСФСР и указаниям Прокуратуры СССР о составлении обвинительного заключения — столь важного и серьезного процессуального документа. Эта формулировка ограничивает право Аверина защищаться против обвинения, которое должно быть изложено предельно точно и конкретно.

Элементарно, что участники преступной группы, связанные по характеру и содержанию обвинения единством намерения и способа совершения преступления, должны предстать перед судом в качестве обвиняемых в одном деле. Между тем в нарушение требований ст. 117 УПК РСФСР органы расследования из живой ткани дела о работниках артели безосновательно выделили в особое производство материалы об Аверине и о некоторых других представителях торговых организаций.

Такая процессуальная операция искажает всю перспективу дела и природу отдельных источников доказательств. Это положение становится особенно наглядным и убедительным, если в качестве иллюстрации привести тот факт, что Звягин, главный соучастник приписываемого Аверину преступления, не будучи еще сам осужден, превращается в основного и единственного свидетеля, на показаниях которого зиждется все обвинение. Тесная не только внешняя, но и внутренняя связь этих двух дел очевидна.

Дело работников артели еще не рассмотрено в судебных инстанциях. Обвинительное заключение, составленное по этому делу, приобщено следственными органами к делу Аверина. Из дела видно, что к уголовной ответственности привлечены 15 работников

артели и в их числе председатель, начальники цехов, мастер и кладовщик Звягин. Они обвиняются в сбыте торговым работникам, в том числе и Аверину, готовой продукции, изготовленной из сырья, которое было сэкономлено, но не учтено.

Многие из них отрицают свою вину. Изобличает их Звягин.

В ходе предварительного следствия для выяснения возможности получения экономии сырья, изготовления сверхплановой продукции и законности отпуска товаров в торговую сеть проведены технологическая и бухгалтерская экспертизы.

В предстоящем судебном заседании допросом подсудимых, свидетелей, экспертов будет разрешаться основной вопрос: имело ли место хищение?

В итоге анализа всех доказательств и обстоятельств дела в их совокупности можно будет дать всестороннюю оценку достоверности показаний Звягина.

Все это имеет большое значение для правильного решения вопроса о виновности Аверина. Между тем он не мог и в дальнейшем не сможет принять никакого участия в выяснении всех этих решающих моментов.

К настоящему делу вовсе не приобщен акт технологической экспертизы и не вызван сам эксперт. Приобщение же акта бухгалтерской экспертизы и вызов эксперта, которого мы слушали в суде, не имеют серьезного практического значения, поскольку эксперт-бухгалтер по вопросам экономии сырья и выработки безучетной продукции ссылается на заключение технологической экспертизы и на материалы дела о работниках артели, которые не известны ни Аверину, ни мне — его защитнику.

Самый факт хищения считается заранее установленным только на основании обвинительного заключения, составленного по делу работников артели. Именно оттуда в обвинительное заключение по делу

Аверина механически перенесены в категорической форме утверждения о хищении в артели продукции на крупную сумму. Сам по себе такой огромный ущерб, подобно грозовой туче, бросает зловещую тень на обвинение Аверина и может оказать отрицательное влияние на решение вопроса о его виновности.

Создается необычное процессуальное и фактическое положение, и вы, товарищи судьи, судите Аверина и должны дать ответ на вопрос о его виновности в незаконном сбыте похищенной продукции, а вопрос о том, имело ли место самое хищение, будет разрешаться при последующем судебном разбирательстве дела работников артели.

Может случиться и так, что ваш приговор не совпадет, а вступит в противоречие с приговором по тому делу.

Невыполнение требований ст. 117 УПК РСФСР привело в итоге:

1) к неполноте материалов предварительного и судебного следствия, к искажению перспективы дела, лишивших нас возможности всесторонне и объективно выяснить все обстоятельства; нарушены, таким образом, важнейшие процессуальные гарантии, изложенные в статьях 111 и 112 УПК РСФСР и обеспечивающие правильное разрешение дела;

2) к стеснению права Аверина на защиту, гарантированного ст. 111 Конституции СССР каждому обвиняемому, к ограничению для него возможности защищаться в полной мере против предъявленного обвинения всеми дозволенными законом средствами.

Это влечет за собой серьезные последствия, товарищи судьи!

Вот почему я еще в подготовительной стадии судебного заседания на основании ст. 272 УПК РСФСР устно и письменно ставил вопрос о приостановлении дела слушанием и направлении его на дополнительное

расследование для соединения с делом работников артели.

Прокурор возражал против моего ходатайства и настаивал на слушании дела.

Вы разделили не мою, а его точку зрения.

С таким решением нельзя согласиться.

Прокурор в своих возражениях и вы в своем определении ссылаетесь на трудность судебного разбирательства из-за громоздкости объединенного дела работников артели и представителей торговых организаций.

Совершенно бесспорно, что никому ни при каких обстоятельствах не позволено техническими причинами, тем более вполне устранимыми, оправдывать нарушение закона.

Игнорирование закона и основных принципов нашего процесса легко приводит к судебной ошибке.

Поэтому нельзя признать правильным второй довод о том, что, рассматривая эти дела раздельно, суд будто бы «не ущемляет интересы подсудимых» и имеет все возможности объективно и всесторонне исследовать обстоятельства каждого из этих двух дел.

Подобная аргументация является плодом глубокого заблуждения.

Партия и правительство всегда призывали и призывают наш народ неуклонно исполнять советские законы.

Нас, работников юстиции, к этому обязывает самое содержание нашей деятельности, которая должна быть направлена на охрану и укрепление социалистической законности.

Соблюдение процессуальных гарантий — это не пустая стеснительная формальность, а непременное условие правильного решения любого судебного дела.

Вот почему, выполняя свой долг, я настойчиво добиваюсь, чтобы дело Аверина рассматривалось в соответствии с законом. Это не пререкание, с которым мое высказывание не имеет ничего общего, а стремление

деловыми доводами убедить вас в необходимости изменить вашу точку зрения по этому вопросу. Такая процессуальная возможность у вас всегда есть, товарищи судьи.

И сейчас, в последнюю минуту, меня не оставляет надежда, что, используя эту возможность и ваше право и обязанность сделать все для соблюдения закона и правильного решения дела, вы вынесете не приговор, а определение о передаче дела на доследование.

Перехожу к анализу доказательств, к опровержению улик, выдвинутых обвинителем, к изложению своих выводов.

Без преувеличения можно сказать, что обвинение Аверина построено исключительно на показаниях «свидетеля» Звягина. Три накладные и заключение судебно-бухгалтерской экспертизы, на которые ссылается обвинитель, приобретают значение улики только в связи с показаниями Звягина и на их основе.

При правильной процессуальной расстановке всех причастных к делу лиц Звягин был бы в числе подсудимых и занимал место рядом с Авериным. И если бы в этом случае мы анализировали показания Звягина, мы имели бы в виду, что его показания, исходящие от лица, заинтересованного в исходе дела, должны вызвать к себе особо критическое отношение. Возможно, при этом был бы поставлен вопрос об оговоре со стороны Звягина. Можно было бы сослаться на теоретическую разработку этого вопроса в нашей правовой литературе и на богатую судебную практику, сформулировавшую ряд критериев для оценки показаний обвиняемых по отношению друг к другу.

Но, как я уже указал, Звягин процессуально искусственно переведен из обвиняемых в свидетели, и его показаниям с предупреждением его об ответственности по ст. 95 УК РСФСР как бы придан характер свидетельских показаний.

Для правильной их оценки следует иметь в виду своеобразное положение этого «свидетеля», который, излагая факты, прежде всего думает об организации своей защиты и на свое участие в данном судебном разбирательстве смотрит скорее как на репетицию предстоящего суда над собой.

Обратимся к показаниям Звягина на предварительном следствии и в судебном заседании, в которых он излагает существо преступления, раскрывает преступный метод, применявшийся им и его соучастниками, характер связей Аверина и других с руководящими работниками артели и, наконец, определяет свою роль в совершении и раскрытии самого преступления.

Обращает на себя особое внимание, товарищи судьи, чрезвычайно существенное обстоятельство: Звягин не признает себя ни в чем виновным. Мало того, он возмущен привлечением его к ответственности, так как считает, что не питал никаких преступных намерений, а, поступив в сентябре 1949 г. кладовщиком в артель «Художественный труд», поставил себе якобы целью изобличение преступников из среды торговых работников. Именно для этого он вошел в преступный сговор с руководящими работниками артели и представителями торговых организаций о хищении готовой продукции.

В своих показаниях Звягин неоднократно описывает и самый метод хищения, который применял он и его соучастники, в числе которых будто бы был и Аверин. Метод состоял в следующем. Вся незаконно выработанная продукция хранилась у него на складе. По указанию руководящих работников артели он наряду с продукцией, законно получаемой Авериным и другими торговыми работниками, отпускал им некоторое количество внеучетных товаров. Накладные, выписываемые для провоза по городу на

всю партию товара, заменялись впоследствии другими накладными на уменьшенное количество.

Стремясь вооружиться уликами против Аверина и других лиц, рассказывает Звягин, он стал фабриковать накладные, подделывая в них подписи получателей товара и при обмене рвал эти подложные накладные, а подлинные оставлял у себя.

При обыске в рабочем столе Звягина обнаружены три накладные, подписанные Авериным и не значащиеся по учету ни в магазине, ни в артели. По утверждению Звягина, две из этих накладных были заменены другими с обозначением уменьшенного количества товара, а по третьей — весь товар похищен Авериным.

Чем объяснить, что Звягин подал заявление в ОБХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности только 26 августа 1950 г.? Ему понадобился для этого почти год, в течение которого он совершал хищения, собирал подлогами и фабрикацией документов улики против других.

Если, не проверяя, принять на веру размер ущерба, указанный в обвинительном заключении, то промедление Звягина обошлось артели в крупную сумму денег.

Не получили мы вразумительного ответа от Звягина и на вопрос, зачем он после подачи заявления якобы провоцировал Аверина и других на хищение, продолжая заниматься фабрикацией накладных. Нельзя ведь не обратить внимания на то, что одна из трех накладных на имя Аверина выписана в день подачи Звягиным заявления.

Нет, не по доброй воле побежал Звягин в ОБХСС 26 августа! Он сделал это тогда, когда уже нависла реальная угроза разоблачения его собственной преступной деятельности; он спешит создавать и представлять улики против Аверина и других, использует документы, накопленные за год подлогами, с тем

чтобы отвести от себя удар и скрыть своих действительных соучастников.

Нельзя получить полное и правильное представление о Звягине, если не вспомнить его рассказ о том, как наряду «с разоблачительной деятельностью» он проводил среди торговых работников «пропагандистско-воспитательную» работу: он систематически обращался к ним с разъяснениями и уговорами о недопустимости хищения общественного добра, предлагая отказаться от воровства.

Вы помните, товарищи судьи, эти показания Звягина на суде: насквозь пропитанные фарисейством, они вызывали смех, смешанный с негодованием.

Увлекаясь, подобно Хлестакову, своим вымыслом, давая волю своей фантазии, он незаметно разоблачает самого себя. Из его показаний следует, что от своих соучастников он регулярно получал долю за содействие хищению.

В общей сложности к нему поступило 13 тысяч рублей, из которых только 2 тысячи он передал бывшему председателю Пиваченко, а 11 тысяч рублей присвоил себе.

Вот каково бескорыстие этого «радетеля» за сохранность общественного добра!

Перефразируя мудрую русскую пословицу, хочется сказать: «Избави нас судьба от таких «друзей», а с врагами социалистической собственности судебные органы справятся сами, без помощи Звягиных!»

Из анализа показаний Звягина в качестве бесспорного итога следует, что на протяжении года он занимался хищением, получал от соучастников в свою пользу крупные суммы и фабриковал накладные, расписываясь в них за получателей товара. Его уверения в том, что он руководствовался «благородными» побуждениями, стремясь разоблачить Аверина, надуманны, проникнуты страстным стремлением скрыть свои собст-

венные преступления и отвести от себя тяжелую ответственность за их совершение. Жалкая, неудачная попытка!

В то же время версия Аверина о происхождении трех накладных, подписанных им и обнаруженных у Звягина, жизненна и подкрепляется материалами дела.

Вот к чему сводятся объяснения Аверина: по существовавшему в артели порядку доверенность с письменным разрешением руководителей артели на получение товара он сдавал Звягину, который выписывал накладную. В накладной расписывался Аверин.

Так как в большинстве случаев на складе не оказывалось готовой продукции, Звягин за получением ее отправлялся в цехи. Случалось часто и так, что готовой продукции на производстве не оказывалось и необходимо было ожидать несколько часов или явиться за нею на следующий день. В этих случаях Звягин возвращал доверенность, а выписанную накладную уничтожал. Это обстоятельство подтвердил и Звягин. «Бывали случаи,— показал он,— когда выписывались предварительные накладные».

Существование такого порядка удостоверено и свидетелем Бареваном. Аверин, конечно, не знал и даже не догадывался о том, что при этом Звягин в каких-то целях уничтожает не подлинную, а фиктивную, им сфабрикованную накладную.

Применение такого способа уничтожения предварительных накладных облегчалось для Звягина и в связи с тем, что Аверин, как это удостоверено воинским документом и указано в медицинской справке, страдает тяжелой болезнью глаз, в результате которой у него до минимума понижено зрение и противопоказано ношение очков. Это обстоятельство было известно Звягину, и он им воспользовался.

Государственный обвинитель, заявив в своей речи весьма категорически, что факт передачи Авериным руководящим работникам денег как доли от выручки

за похищенные товары не вызывает сомнений, вместе с тем не привел никаких доказательств. Полагаю, что это не случайное упущение обвинителя: таких доказательств нет.

Из показаний Звягина следует, что он лично денег от Аверина не получал и никогда не присутствовал при передаче им денег кому-либо из работников артели.

В то же время Звягин полагает, что Аверин был в преступной связи с коммерческим директором Бареваном, рассчитавшись за товар, похищенный по трем накладным, не с ним, а с начальником цеха Котловым и мастером Булацким.

Само собою разумеется, что подобное предположение Звягина явно недостаточно для того, чтобы считать доказанным наличие денежных расчетов Аверина с указанными лицами.

Более того, мы имеем показания тех лиц, на которых ссылается Звягин: в них опровергается это предположение.

Меня могут упрекнуть в том, что, опровергая показания Звягина ссылкой на показания Бареваца, Котлова и Булацкого, я упускаю из виду, что их положение процессуально сходно с положением Звягина, что они свидетели особого рода, которым предстоит в будущем выступать в процессе в роли подсудимых.

Такой упрек уже был предупредительно брошен в мой адрес прокурором в его речи.

Я принять его не могу, так как моей вины нет в том, что создалась обстановка, противоречащая закону, которая понуждает меня пользоваться такими неполноценными доказательствами.

Соглашаясь с несколько ненормальным процессуальным положением, которое занимают все эти свидетели, прокурор в то же время не видит препятствий к использованию их показаний в качестве источника доказательств. Он только предлагает взять критерием

оценки достоверности показаний этих свидетелей тот метод, который они применяют для защиты самих себя. С этой точки зрения прокурор отдает предпочтение Звягину, который прибег к признанию, в то время как Бареван, Булацкий и Котлов избрали отрицание.

Однако прокурор упустил из виду, что «признание» Звягина отличается оригинальным характером: он признает чужие, но не свои преступления, считая себя неповинным ни в чем.

Из правильного положения, разделяемого и прокурором, о том, что все эти лица незаконно превращены из обвиняемых в свидетелей, напрашивается сам собою единственный вывод: их показания непригодны как доказательство для обоснования судебного приговора и должны быть сброшены со счетов.

В первую очередь это относится к показаниям Звягина. Но тогда от обвинения ничего не остается: никем и ничем не подкрепляемое, оно рушится, как всякая конструкция, лишенная опоры.

В своей трудной борьбе с преступностью органы социалистического правосудия могут и должны пользоваться только доброкачественными доказательствами, источники которых не отравлены ядом лжи и подлогов.

Таковы категорическое веление и смысл наших процессуальных законов и руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР.

Считаю, что и по этим основаниям показания «свидетеля» Звягина как порочные должны быть отвергнуты.

Перехожу к анализу заключения судебно-бухгалтерской экспертизы, которое выдвигается как улика против Аверина.

Действуя в пределах своей компетенции, экспертиза в результате проверки ряда торговых организаций, в том числе и филиала, где работал Аверин, пришла к такому выводу: «Приходные документы и справки покупателей в торговых организациях во всех

исследованных экспертизой случаях указывают на то, что последними приняты к учету только накладные, отраженные в артели «Художественный труд», и в полном соответствии с ассортиментом, количеством и стоимостью поименованных в них товаров».

Таким образом, документы и отчетные данные ни в чем не изобличают Аверина.

Выйдя затем за пределы своей компетенции, экспертиза принимает на веру версию Звягина о переписывании накладных. На этой основе она сличает три накладные — за № 4, 56, 119, изъятые у Звягина, подписанные Авериным и нигде не проведенные по учету, с двумя накладными — за № 4 и 62, значащимися по бухгалтерскому учету артели и магазина, определяя таким образом размер хищения как разницу между количествами товара, обозначенными в этих накладных.

При этом сличению подверглись, с моей точки зрения, документы, разнородные по своему содержанию: накладная № 56 от 11 августа 1950 г. с накладной № 62 от 19 августа 1950 г., накладная № 4 от 4 августа 1950 г., в которой обозначена доверенность за № 850 от 1 сентября 1950 г., с накладной № 4 от 4 сентября 1950 г., причем в обеих накладных разнятся не только даты, но и количество и ассортимент товаров.

Нет, безнадежно искать опоры для обвинения Аверина в заключении бухгалтерской экспертизы, которая, присвоив себе функции суда, занялась оценкой достоверности показаний Звягина и на них строит эту часть своего заключения.

Самый факт реализации Авериным через магазин каких-либо товаров, скрываемых от учета, опровергается следующим:

1. В магазине вместе с Авериным работали еще два материально ответственных лица.

Торговое помещение представляет собой небольшую по размерам палатку.

Таким образом, условия работы сами по себе исключали для Аверина возможность заниматься незаконной реализацией товаров.

2. Плановые и внезапные ревизии не обнаруживали ни недостач, ни излишков, ни неучтенных товаров.

Я проанализировал все улики, выдвинутые обвинением, поставил и посильно ответил на те вопросы права и факта, которые неизбежно напрашиваются в этом деле, исчерпав тем самым все доводы в защиту Аверина.

Что можно сказать о самом Аверине?

Это скромный труженик, с неопороченным прошлым и небогатой биографией.

Природа обделила Аверина: человек молодых лет, он поражен тяжелой болезнью глаз, трудно поддающейся лечению. Болезнь мешала ему активно участвовать во всем богатстве и разнообразии жизни, которой живем мы, советские люди.

Молчаливый, подавленный, он с тревогой ждет приговора.

Прокурор, заняв ошибочную позицию, просит осудить Аверина и приговорить его к длительному лишению свободы.

Итог оценки всех доказательств дает мне право заявить, что для этого несправедливого требования нет никаких оснований.

Слово теперь за вами, товарищи судьи!

Если вы сочтете возможным разрешить дело в настоящем судебном заседании, не обращая его к доследованию для устранения нарушений закона, я прошу вас оправдать Аверина.

Правда, как бы ее ни пытались исказить и ослабить, затруднить или приостановить ее движение, уверенно преодолевает всякие препятствия и в конце концов утверждает себя во всей своей силе и чистоте в решениях наших судов!

Вот почему я спокоен за судьбу Аверина.

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов Л. М. Яхнича в защиту Ю. Е. Генадника и В. М. Гриневского

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

По обвинительному заключению А. Зимачев, Ю. Генадник, В. Гриневский и Е. Максаков были преданы суду по ст. 74 ч. 2 УК РСФСР.

Они обвинялись в угоне автомашины. 30 октября 1955 г., примерно в 8 часов вечера, Зимачев вместе со своими товарищами Генадником, Максаковым и Гриневским подошли к автомашине марки «Победа», стоявшей у дома № 44 по Донской улице. Зимачев открыл автомашину, в нее сели его товарищи на заднее сиденье, а сам он, сев за руль, завел автомашину, и компания направилась к центру Москвы.

На Манежной площади Зимачев нарушил правила уличного движения: требование работника ОРУД остановить машину не выполнил. Работник ОРУД, взяв такси, стал преследовать автомашину. Зимачев вторично нарушил правила уличного движения на ул. Фрунзе: сделал левый поворот, сшиб гр. Карпенко и врезался в столб, в результате чего разбил автомашину.

10 декабря 1955 г. дело рассматривалось Народным судом Москвы. Суд признал всех четырех виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 74 ч. 2 УК, и приговорил подсудимых к лишению свободы: Зимачева — на 4 года, Генадника, Гриневского и Максакова — на 2 года каждого.

30 декабря 1955 г. дело рассматривалось судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда.

Кассационным определением Городского суда приговор Народного суда в отношении Генадника, Гриневского и Максакова был отменен, и дело о них было прекращено в силу ст. 4 п. 5 УПК, т. е. за отсутствием состава преступления в их действиях.

РЕЧЬ АДВОКАТА Л. М. ЯХНИЧА

Товарищи судьи!

Позвольте мне в самом начале речи изложить свою защитительную позицию. Это даст вам возможность сразу же уяснить весь ход моих мыслей и тот конечный вывод, к которому, по моему мнению, должен прийти суд в своем приговоре.

Итак, я формулирую свою позицию: если даже считать истиной все то, что изложено в обвинительном заключении, то и тогда в действиях Генадника и Гриневского нет состава преступления. Фактическая сторона дела не вызывает особых сомнений. В моей речи на первый план ставятся вопросы юридической оценки фактов.

В советском суде в центре внимания судебного процесса всегда стоит человек,— тот, кого судят, тот, чью судьбу решают. Кто же здесь сегодня предстал перед вами, товарищи судьи? Кого вы сегодня судите?

Все четверо — несовершеннолетние, ни одному из них еще не исполнилось 18 лет. Из четырех—трое рабочих, а Юрий Генадник — студент первого курса Московского машиностроительного института.

Они не были близкими друзьями, их объединяло соседство — они живут в одном доме. Прошлое их безупречно.

То, что произошло вечером 30 октября 1955 г., случилось неожиданно. Еще за 5 минут до происшествия никто из них не знал, какое несчастье их подстерегает.

Вспомним, как описывается преступление в обвинительном заключении.

Примерно в 8 часов вечера 30 октября 1955 г. Анатолий Зимачев вместе со своими товарищами Генадником, Гриневским и Максаковым подошли к автомашине «Победа», стоявшей у дома № 44 по Донской улице. Цитирую обвинительное заключение: «Зимачев, открыв дверцу «Победы» имевшимся у него ключом, посадил своих товарищей на заднее сиденье, а сам сел за руль и завел автомашину. В пути следования на Манежной площади нарушили правила уличного движения, на сигнал работника ОРУД остановить машину не остановили и продолжали ехать, после чего работник ОРУД стал преследовать Зимачева, ехавшего на автомашине; последний вторично нарушил правила уличного движения на улице Фрунзе: сделал левый поворот, сшиб шедшего гр. Карпенко и врезался в столб, в результате чего разбил автомашину».

Эту выдержку я привел для того, чтобы обратить ваше внимание на то, как сам автор обвинительного заключения путался в описании события. Обратите внимание на то, что сначала говорится так: «н а р у ш и л и правила уличного движения...», «не о с т а н о в и л и» машину, «п р о д о л ж а л и ехать», а затем множественное число переходит в единственное: «... после чего работник ОРУД стал преследовать Зимачева, ехавшего на автомашине; последний вторично нарушил правила уличного движения..., с ш и б шедшего гр. Карпенко...».

Составитель обвинительного заключения, повидимому, сам понимал, что управлять машиной, совершать нарушение правил и наехать на человека может не тот, кто сидит на заднем сиденье, а тот, кто сидит за рулем.

Дополним это описание некоторыми деталями и обстоятельствами, о которых в обвинительном заключении ничего не сказано.

Из четырех обвиняемых умел управлять автомашиной только один Зимачев (ему 17 лет). Ключ, которым была открыта «Победа», принадлежал Зимачеву. Приглашая своих товарищей прокатиться на «Победе», Зимачев сказал им, что машина принадлежит его родственнику, который разрешил ему покататься.

Кстати, замечу, что в допросах на предварительном следствии последнее обстоятельство не уточнялось. Думаю, что это не случайно. Позвольте, товарищи судьи, воспроизвести только два места из протоколов допроса обвиняемых.

В показаниях Генадника от 1 ноября 1955 г. записано:

«Толик Зимачев предложил нам всем, чтобы мы с ним пошли, он хочет нас провезти на машине, но на какой машине он не сказал» (лист д. 29).

И далее:

«Когда мы сели в автомашину, то Толик завел машину, и, когда мы уже поехали, он сказал, что машина чужая, мы на ней только покатаемся и обратно сюда приедем» (лист д. 30).

В протоколе допроса Гриневского как бы между прочим сказано:

«Автомашина, на которой мы катались, я не знал, кому принадлежит, но предполагал, что принадлежит не Анатолию» (лист д. 41).

В судебном заседании этот вопрос был исследован подробно. Позвольте воспроизвести показания подсудимых по поводу этого обстоятельства на суде:

«Я пригласил ребят,— объяснял Зимачев,— покататься на автомашине, сказав, что эта машина моего двоюродного брата...»

Генадник сказал:

«Он предложил нас покатать на автомашине, которая, как он сказал, принадлежала его родственнику. О том, что машина чужая, я узнал после задержания».

«Когда мы садились,— показал на суде Гриневский,— то я слышал как-будто, что машина принадлежит родным Зимачева».

А подсудимый Максаков определенно сказал:

«Зимачев предложил нас прокатить, сказав, что машина двоюродного брата».

У товарищей Зимачева могло и не возникать никаких сомнений относительно того, что «Победа» принадлежит его двоюродному брату, так как стояла она возле дома, где живет Зимачев.

Возвратимся к событиям. Развивались они довольно быстро. Зимачев с видом заправского шофера вынул из кармана ключ, открыл «Победу» и, сев за руль, предложил своим приятелям сесть на заднее сиденье. Заметим, все они были абсолютно трезвы, делалось все это, не спеша, и на глазах у людей. Через несколько минут машина, управляемая Зимачевым, мчалась по Москве, а беспечные пассажиры, получая удовольствие от быстрой езды, не предчувствовали, какое несчастье их ожидает.

Всем четырем предъявлено обвинение по ст. 74 ч. 2 УК. Таким образом, по смыслу обвинительного заключения каждый из них совершил определенное, конкретное преступление, т. е. хулиганство.

Когда речь идет о преступлении, совершенном несколькими лицами совместно, то мы, юристы, квалифицируем это как соучастие. Поскольку в обвинительном заключении не сделана ссылка на ст. 17 УК РСФСР, и в данном случае имеется в виду соучастие в форме совиновничества.

Какими же признаками характеризуется это соучастие? Под ним следует понимать однородную, умышлённую деятельность всех лиц, принимавших участие в групповом преступлении. Каждый участник выполняет конкретные действия в общем преступле-

нии. Для соучастия необходимы с о в м е с т н а я деятельность и общность умысла соучастников.

В чем же выражалось соучастие Генадника, Гриневского и Максакова в хулиганстве? Хулиганство здесь отсутствует.

Разделим все события, описанные в обвинительном заключении, для удобства исследования на несколько стадий.

К т о о т к р ы л м а ш и н у и п р и в е л е е в д е й с т в и е?

Это сделал тот, кто имел ключ и умел включить мотор и управлять машиной, т. е. Зимачев. Ни Генадник, ни Гриневский, ни Максаков ключа не имели и, если бы и захотели завести машину, то не смогли бы этого сделать. А теперь установим, нужна ли была в данном случае Зимачеву помощь его приятелей?

К т о н а р у ш и л п р а в и л а у л и ч н о г о д в и ж е н и я, к т о р а з в и л в ы с о к у ю с к о р о с т ь, к т о д е л а л н е п р а в и л ь н ы е п о в о р о т ы, к т о н е о с т а н о в и л м а ш и н у, н е в ы п о л н и л т р е б о в а н и я р а б о т н и к о в м и л и ц и и?

Может ли все это сделать человек, не сидящий за рулем, не ведущий машину? Зависело ли в какой-нибудь мере предотвратить все эти нарушения от Генадника, Гриневского и Максакова, сидевших на з а д н е м сиденье, далеко от руля и не умевших управлять машиной?

К т о с б и л г р а ж д а н и н а К а р п е н к о и р а з б и л м а ш и н у: Зимачев или его приятели, сидевшие на заднем сиденье?

Мы утверждаем, что из четырех только один Зимачев мог самовольно завладеть чужой «Победой», только он мог привести ее в действие и только от него зависело предотвратить аварию.

Решительно утверждаю, что Генадник, Гриневский и Максаков не были участниками преступления, от них не зависело и предотвращение его. Они были пассивными наблюдателями. Эта их роль не есть преступление.

Может возникнуть ряд других вопросов, имеющих не столько юридическое, сколько моральное, этическое значение.

Почему приятели Зимачева проявили легковерие и не усомнились в том, что «Победа» принадлежит двоюродному брату Зимачева и что последний разрешил ему покататься? Я полагаю, что при таких условиях и взрослый мог бы не усомниться, тем более, что приятели знали, что Зимачев умел управлять машиной. А вообще говоря, для того чтобы воспользоваться чужой машиной, Зимачеву не нужны были его приятели, он и без них мог обойтись. Не согласись они поехать, Зимачев и один укатил бы. Но с друзьями... веселее.

Может возникнуть и другой вопрос: почему убежали с места аварии Генадник, Гриневский и Максаков, если они ни в чем не виновны?

Здесь нужно уяснить себе психологию подростков. Когда упал задетый машиной гражданин Карпенко, а затем машина врезалась в столб и разбилась, всех их охватил страх; не разбираясь, естественно, в том, есть ли состав преступления в их катании, они вдруг узрели апофеоз — «торжественное» завершение события, в котором они были пассивными наблюдателями. И вот тогда страх погнал их в чужие дворы, в чужие подъезды.

Было бы неразумно истолковывать это обстоятельство как улику. Здесь можно говорить о малодушии, трусости, растерянности, но не об улике.

К счастью, последствия аварии не так уж велики: гражданин Карпенко не получил никаких повреждений,

ущерб его здоровью не нанесен. Что касается поломок в машине «Победа», то и они не очень значительны.

Итак, позвольте мне сделать вывод из сказанного.

Генадник и Гриневский не совершили никаких конкретных действий, соответствующих признакам ст. 74 УК или иной статье УК.

Привлечение их к уголовной ответственности обличает производившего расследование работника районного отделения милиции в недостаточно вдумчивом отношении к делу. Юрист должен знать, что для привлечения к уголовной ответственности нельзя ограничиться доказанным событием, — нужно, чтобы в самом событии был состав преступления.

Ошибка, допущенная при расследовании дела, особенно тяжело отразилась на семье Генадника. На скамье подсудимых оказался 17-летний студент первого курса Московского машиностроительного института. Отец его — старый, опытный инженер, он присутствует здесь. Мать страдает тяжелым и неизлечимым недугом — шизофренией. Вследствие печальной истории с сыном болезнь ее обострилась и она сейчас оказалась в психиатрической больнице.

Осуждение Юрия Генадника было бы серьезной и непростительной ошибкой. Эта ошибка также недопустима по отношению к 17-летнему ученику-слесарю Гриневскому. И он невиновен. Характеристика, имеющаяся в деле, дает нам возможность судить о Гриневском, как об отличном рабочем, добившемся высоких производственных показателей, как о скромном, дисциплинированном молодом человеке. Так о нем отзываются и соседи. Никто о Гриневском дурно не отзывался.

Взвесьте, товарищи судьи, все обстоятельства дела, проявите вдумчивость и чуткость, присущие советским судьям.

В нашем Советском государстве суд не только наказывает, но и воспитывает. Уважение к закону прививается прежде всего строжайшим соблюдением его самими органами правосудия.

Осуждение невиновного всегда приносит ущерб социалистическому правосудию, а для невинно осужденного — это печальный, неизгладимый след в душе. За хулиганство судить надо и судить строго, но только действительных хулиганов.

Я прошу об оправдании Генадника и Гриневского за отсутствием в их действиях состава преступления.

—

СОДЕРЖАНИЕ

Член-корреспондент Академии наук СССР, профессор М. С. Строгович — *О защитнике и о защитительной речи* . 3

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов И. Д. Брауде в защиту В. Я. Абрамова 21

Речь члена Киевской коллегии адвокатов М. П. Городисского в защиту А. П. Новинской 39

Речь члена Ленинградской областной коллегии адвокатов Е. Б. Зайцева в защиту Л. Ю. Буканова 59

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов С. К. Казначеева в защиту А. З. Прахова 85

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов Я. М. Кульберга в защиту Н. А. Горбачева 101

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов А. М. Левина в защиту В. Яркова 119

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов Э. С. Ривлина в защиту Д. С. Грачева 131

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов В. Л. Россельса в защиту Ю. И. Багорова 165

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов В. Л. Россельса в защиту Семеновых Г. Б. и П. А. 193

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов К. Д. Чижова в защиту А. Г. Западинского 205

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов А. И. Юдина в защиту Г. А. Аверина 225

Речь члена Московской городской коллегии адвокатов Л. М. Яхнича в защиту Геннадника и Гриневского 243

Л 125610. Подписано в печ. 16/VIII 1956 г.

Техред *Сегал М. С.* Корректор *Р. Г. Вейнтрауб*

Сдано в набор 30 III 1956 г. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$—8 печ л. Уч. изд. л. 12,5

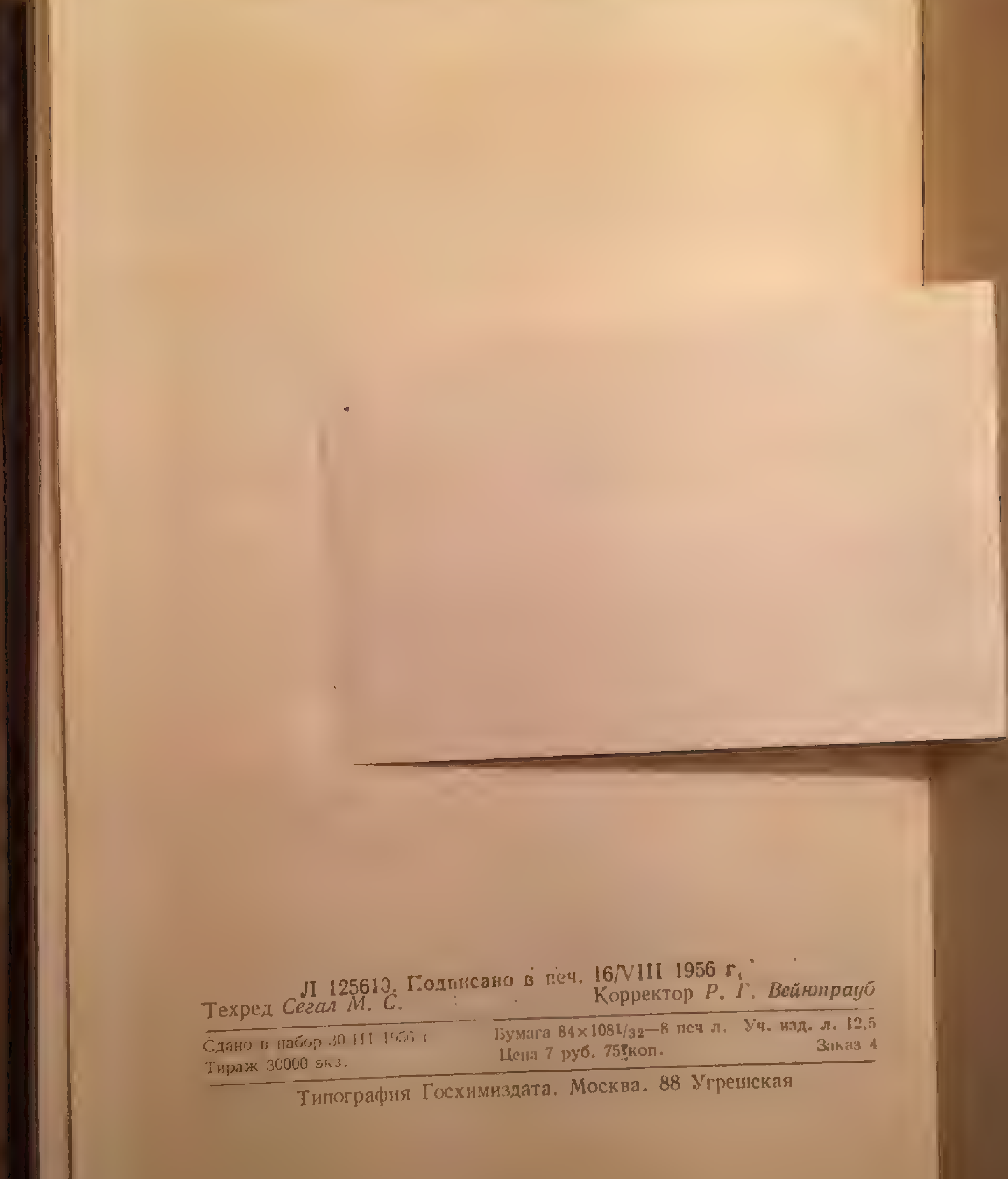
Тираж 30000 экз. Цена 7 руб. 75 коп. Заказ 4

Типография Госхимиздата. Москва. 88 Угрешская

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
6	13 сверху	повысит	[illegible]
16	9 снизу	также метод	такой метод
18	14 сверху	могут показаться	могут оказаться
74	6 сверху	Буканову	Буканова

Зак. 4. Защит. речи советских адвокатов.

Л 125610. Подписано в печ. 16/VIII 1956 г.

Техред *Сегал М. С.* Корректор *Р. Г. Вейнтрауб*

Сдано в набор 30 III 1956 г. Бумага $84 \times 108^{1}/_{32}$—8 печ л. Уч. изд. л. 12,5

Тираж 30000 экз. Цена 7 руб. 75 коп. Заказ 4

Типография Госхимиздата. Москва. 88 Угрешская

956 г.
Р. Г. Вейнтрауб
ч л. Уч. изд. л. 12,5
Заказ 4
Угрешская

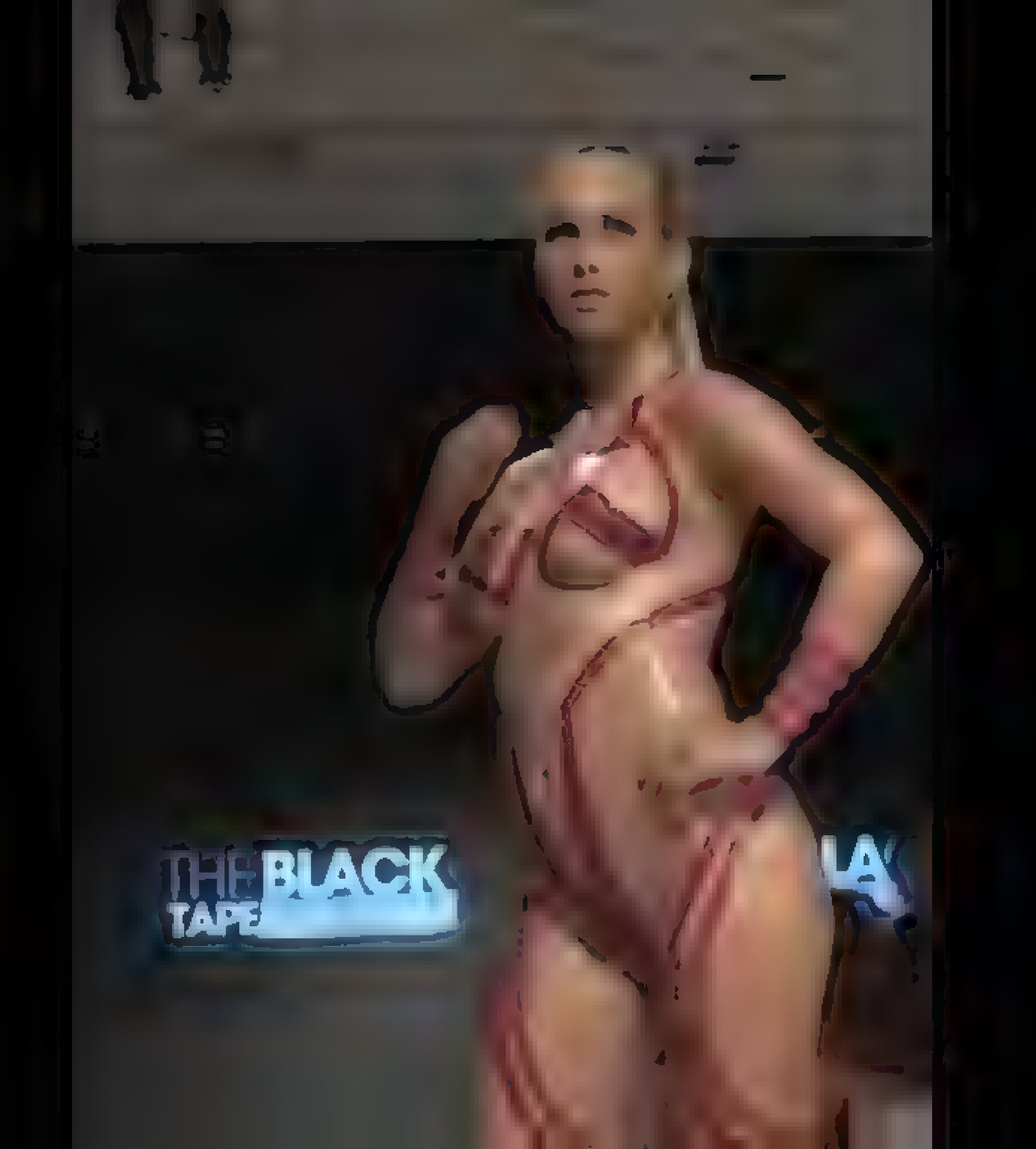

THE BLACK TAPE PROJECT 4K / 2020 Swimwear Collections / Miami Swim Week / Art Hearts...

0:02 / 0:21

THE BLACK
TAPE

КАННИБАЛ КОФЕ

ИП ИГОНИН ИВАН ЕВГЕНЬЕВИЧ
ИНН 132201958938 ОГРНИП 318132600027060

ЧАСЫ РАБОТЫ:

ПН - ПТ: 08:00 - 21:00

СБ - ВС: 09:00 - 21:00

119180, Г. МОСКВА,
УЛ. БОЛЬШАЯ ЯКИМАНКА, Д. 25

100% DOG-FRIENDLY

Хорошее место

HUNGRY GIRL
ВИНО И МЯСО
ВИНА 340р
СТЕЙК 1 кг 999р

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

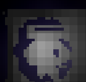

В ЭФИРЕ

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

В ЭФИРЕ

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

В ЭФИРЕ

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

В ЭФИРЕ

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

В ЭФИРЕ

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

В ЭФИРЕ

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

В ЭФИРЕ

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

• В ЭФИРЕ

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

В ЭФИРЕ

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

В ЭФИРЕ

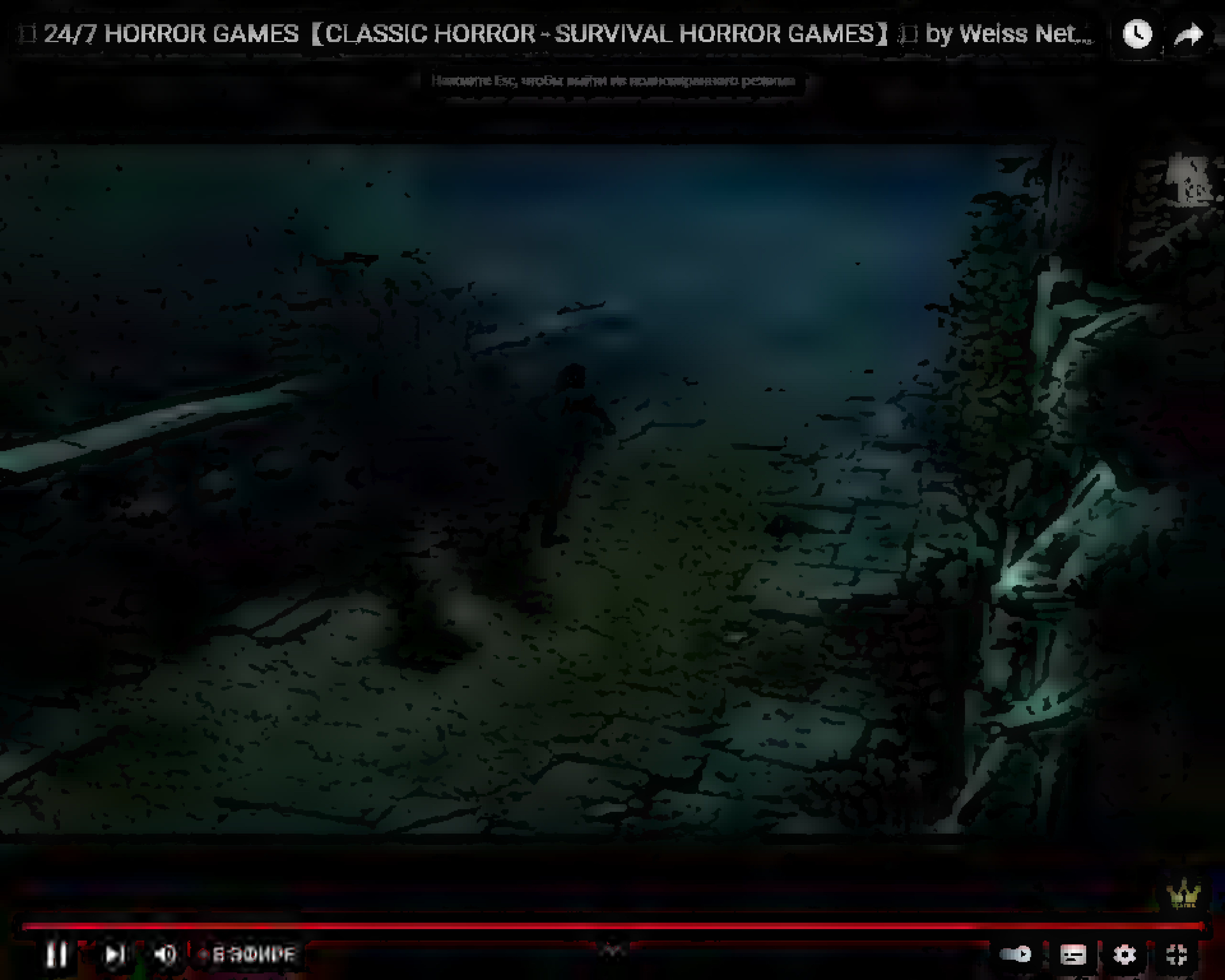

HUNGRY GIRL
ВИНО И МЯСО
ЧЕСТНЫЕ ЦЕНЫ
СТЕЙК
1 кг 999₽
ВИНА от 340₽
СТЕЙК
1 кг 999₽
ВИНА 340₽
СТЕЙК 1 кг 999₽

КАННИБАЛ КОФЕ

WEISS

WEISS

24/7 HORROR GAMES【CLASSIC HORROR - SURVIVAL HORROR GAMES】 by Weiss Net...
В ЭФИРЕ

Проект
Правительства
Москвы
#московскиесезоны
#временаиэпохи
9-13
июня
0+
Московский исторический
фестиваль
Времена
и эпохи
Победы России
VK Клипы
EVA.RU
ИЗВЕСТИЯ IZ

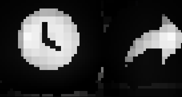

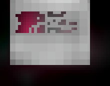

Переходный возраст (1968)

8:06 / 1:29:03

Переходный возраст (1968)

8:06 / 1:29:03

ISU
PIC·COLLAGE

PIC•COLLAGE

МОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ
ökko
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР
ЧИКАТИЛО
ökko
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР
ЧИКАТИЛО
НЕ БОЙСЯ
ФИНАЛЬНЫЙ СЕЗОН
С 17 МАРТА
ökko
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР

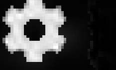
□ 24/7 Classic Horror Games TV □ by WonderWeiss □

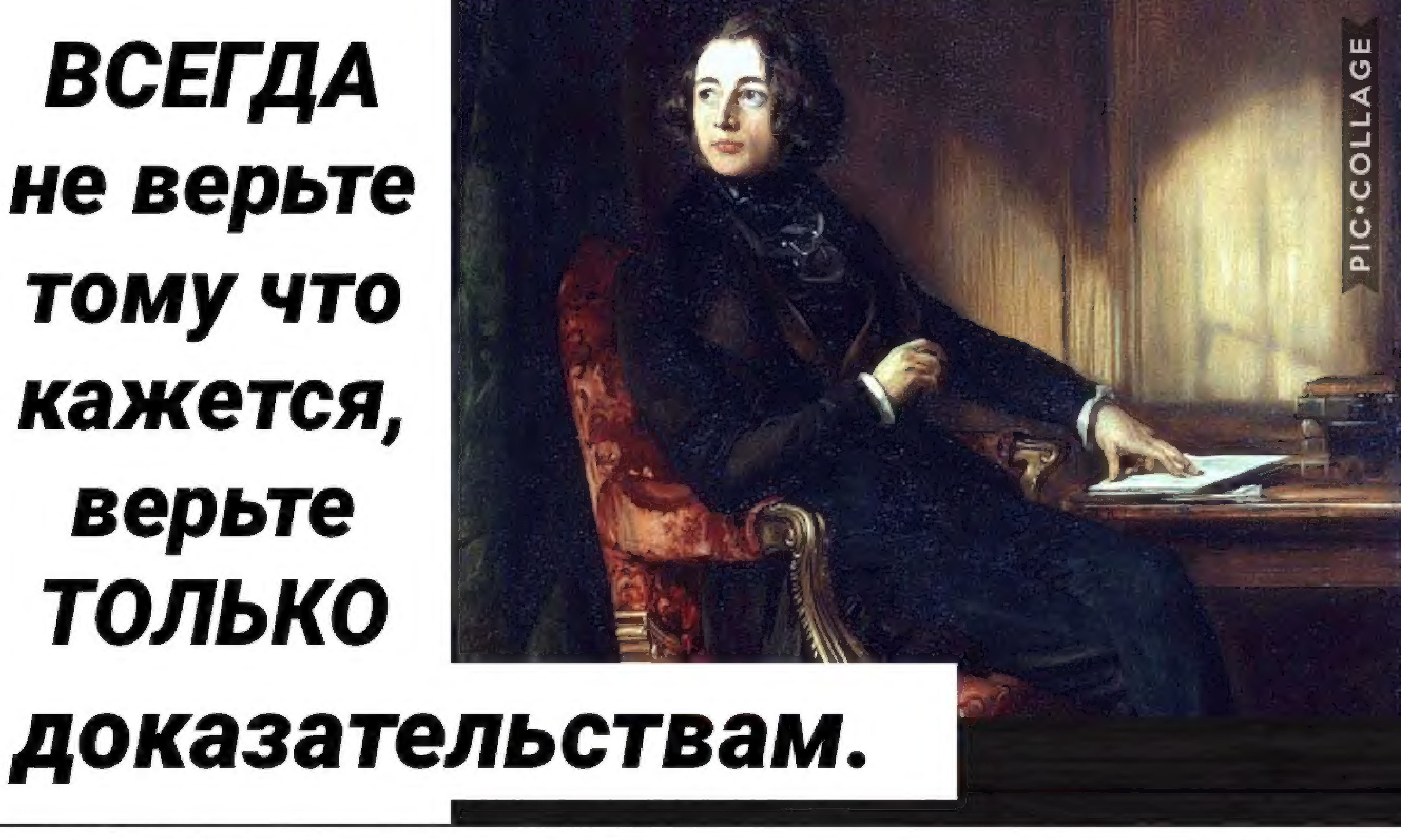

ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.
PIC•COLLAGE
Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.